

БИБЛИОТЕКА
ВСЕМИРНОЙ
ИСТОРИИ
КОЛЛЕКЦИЯ

МЕЧ И ЛИРА

ГЕРОИЧЕСКИЙ МИР
АНГЛО-САКСОНСКОГО ЭПОСА

Книга посвящена древнеанглийской героико-эпической поэзии и воссозданию того идеального мира, в котором живут и действуют ее герои. В ней рассматриваются произведения разных жанров: собственно героический эпос, элегии, поэмы на библейские сюжеты и исторические песни в их соотносительности с героическим миром англо-саксов. Он рождается и находит наиболее полное воплощение в эпосе, ему – прошлому – противопоставляется настоящее элегий, под его влиянием трансформируется библейский нарратив, его идеалам пытаются следовать герои исторических песней. Книга может представить интерес и быть полезной для медиевистов, историков литературы и культуры, фольклористов, а также всех, кого интересует Средневековье.

Издательство «Наука»

Е. А. МЕЛЬНИКОВА

БИБЛИОТЕКА
ВСЕМИРНОЙ
ИСТОРИИ
КОЛЛЕКЦИЯ

Е. А. МЕЛЬНИКОВА

МЕЧ И ЛИРА

ГЕРОИЧЕСКИЙ МИР
АНГЛО-САКСОНСКОГО ЭПОСА

МЕЧ И ЛИРА. ГЕРОИЧЕСКИЙ МИР
АНГЛО-САКСОНСКОГО ЭПОСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

КОЛЛЕКЦИЯ

Е. А. МЕЛЬНИКОВА

МЕЧ И ЛИРА

ГЕРОИЧЕСКИЙ МИР
АНГЛО-САКСОНСКОГО ЭПОСА

Санкт-Петербург
«Наука»
2018

УДК 94(100)"653"

ББК 63.3(0)4

М48

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ»

*А. И. Алексеев, Д. Д. Беляев, Д. М. Бондаренко, И. О. Ермаченко,
А. А. Исэров, А. Ю. Карачинский (ученый секретарь),
Н. Н. Крадин, Т. В. Куц, А. А. Немировский, П. С. Стефанович,
П. Ю. Уваров (председатель), А. К. Шагинян,
В. В. Шишкин (заместитель председателя)*

Рецензенты:

доктор исторических наук *М. В. Винокурова*

доктор исторических наук *Т. В. Гимон*

Мельникова Е. А. Меч и лира: Героический мир англо-саксонского эпоса. — СПб.: Наука, 2018. — 335 с.

ISBN 978-5-02-039670-8

Настоящая книга является исправленным и дополненным изданием монографии «Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе» (М., 1987). Книга посвящена древнеанглийской героико-эпической поэзии и тому идеальному миру, в котором живут и действуют ее герои. В ней рассматриваются произведения разных жанров: собственно героический эпос, элегии, поэмы на библейские сюжеты и исторические песни в их соотношении с героическим миром англо-саксов. Он рождается и находит наиболее полное воплощение в эпосе, ему — прошлому — противопоставляется настоящее элегий, под его влиянием трансформируется библейский нарратив, его идеалам пытаются следовать герои исторических песней. Книга может представить интерес и быть полезной для медиевистов, историков литературы и культуры, фольклористов, а также всех, кого интересует Средневековье.

© Мельникова Е. А., 2018

© Издательство «Наука», серия «Библиотека всемирной истории» (разработка, оформление), 2016 (год основания), 2018

© Палей П., оформление, 2018

ISBN 978-5-02-039670-8

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга была написана давно, 30 лет назад, в ином, нежели ныне, научном контексте. Поэтому менять в ней что-либо по существу показалось мне невозможным — сегодня я, вероятно, написала бы ее иначе, откликаясь и опираясь на новые тенденции в изучении германского героического эпоса вообще (например, работы К. фон Зее) и англо-саксонского в частности (например, когнитивного подхода к эпическим памятникам¹), на предложенные за это время новые толкования конкретных произведений (см. в Списке литературы многочисленные «Companions»), и особенно — на исследования древнеанглийского стиха и поэтики германского эпоса (в трудах О. А. Смирницкой, Н. Ю. Гвоздецкой и др.).

В те же времена еще только остывавшего увлечения теорией устных формул я познакомилась с книгой Э. Ауэрбаха «Мимесис»,² стоявшей особняком в тогдашней научной литературе. Э. Ауэрбах предлагал оригинальные и многообещающие подходы к изучению способов и форм отражения «реальности» в литературе и — шире — культуре, к интерпретации литературных произведений. Сейчас я вижу, насколько сильно влияние Э. Ауэрбаха проявилось в моей книге, и это — одна из примет времени, которую мне бы не хотелось утратить.

Дополнения, сделанные для настоящего издания, касаются двух аспектов. Прежде всего, это включение принципиально новых материалов, проливающих свет на изучение англо-саксонского эпоса: результаты масштабных раскопок в Саттон-Ху и датском Лайре, традиционно отождествляемом с резиденцией Хродгара. Отмечены колебания в датировках памятников. Бóльшее внимание уделено женским образам в «Беовульфе» и других памятниках героического эпоса. Второе — существенно пополнена библиография: в нее включены наи-

более важные конкретные исследования обсуждаемых мной проблем англо-саксонской поэзии, вышедшие после первого издания книги.

Единственным принципиальным исправлением, внесенным в текст, является написание наименования англо-саксы и соответствующего прилагательного через дефис, а не слитно. При первой публикации книги я не сумела убедить редактора, опиравшегося на авторитет «Орфографического словаря», что современное употребление термина — применительно к единой англосаксонской нации — неверно по отношению к раннесредневековой Англии, которую заселили три (по меньшей мере) самостоятельные германские группировки: англов, ютов и саксов. Их раздельная этнокультурная идентичность засвидетельствована в названиях ранних королевств (Уэссекс — Западные саксы, Сассекс — Южные саксы, Восточная Англия). При современном написании слова специфика этнической ситуации V—X вв. стирается и неоправданно модернизируется. Моя уступчивость возымела прискорбное последствие: в возродившейся в 1990-е годы англо-саксонистике в подавляющем большинстве случаев господствует — увы! — слитное написание.

Изменен подзаголовок книги, который теперь значительно точнее отражает ее содержание.

Надеюсь, что и теперь, как и в 1987 г., «Меч и лира» найдет читателей и пробудит в них интерес к своеобразной и великолепной англо-саксонской литературе и культуре.

Мельникова Е. А.

2017

*Памяти моего учителя и друга
Константина Валериановича Цуринова*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лето 1939 г. — второй сезон раскопок небольшой группы курганов поблизости от местечка Саттон-Ху в графстве Саффолк — ознаменовалось поразительным открытием. находки превзошли все ожидания. Даже самая предварительная оценка результатов раскопок показала, что свершилось событие, едва ли не важнейшее в истории английской археологии.

В трехметровом кургане, самом крупном среди примерно двадцати возвышающихся на крутом берегу р. Дебен при ее впадении в море (рис. 1), были обнаружены остатки корабля, точнее — его следы на пропитавшейся древесным тленом земле (рис. 2) с большим количеством оружия, предметов домашнего обихода, золотых и серебряных украшений. Размеры корабля — около 27 м — превышали все известные до этого времени находки, сделанные по преимуществу в Скандинавии: корабль из Гокстада (24 м), из Усеберга (21 м) и др.¹ Характер комплекса не оставлял сомнения в том, что это погребение, хотя останки погребенного не были найдены ни тогда, ни при повторных раскопках в 1965—1971 гг. Однако в 1967 г. было взято около 3000 проб грунта, которые выявили следы фосфатов, что подтвердило наличие здесь захоронения.²

Расположение кургана и захороненные в нем предметы заставляли вспомнить строки знаменитой англо-саксонской героической поэмы «Беовульф»:³

... насыпали гауты
 курган высокий
над прахом владыки,
 бугор могильный,
заметный издали,
 морескитальцам

Рис. 1. Могильники в Саттон-Ху, начало VII в. (общий вид)

Рис. 2. Следы корабля из кургана № 1 могильника в Саттон-Ху

Рис. 3. Крышка кошелька из кургана № 1 могильника в Саттон-Ху

Рис. 4. Шлем из кургана № 1 могильника в Саттон-Ху

Рис. 5. Щит из кургана № 1 могильника в Саттон-Ху (реконструкция)

Рис. 6. Пряжка пояса из кургана № 1 могильника в Саттон-Ху

знак путеводный.
Ограду крепкую
вокруг могильника
они воздвигли,
из камня стены,
мужи искусные.
Захоронили
в холме сокровища,
добычу битвы,
витые кольца...
(Беовульф, с. 3157—3164).⁴

Великолепие предметов и мастерство, с которым они были изготовлены, а также несомненное сходство с богатыми среднешведскими курганами вендельской эпохи (VII—VIII вв.), казалось бы, говорили о достаточно позднем происхождении погребения — времени датского господства в Англии (после VIII в.). Однако в кошельке с крышкой из слоновой (или моржовой) кости (рис. 3) было найдено около сорока монет, которые позволили относительно точно датировать погребение первой половиной VII в. Курган был насыпан в эпоху, которую часто называли «темным временем», имея в виду период между падением римской цивилизации и сложением феодальной культуры в Западной Европе в XI—XII вв. Забвение достижений античной техники и культуры, упадок городов и ремесел, хаос мелких политий, подавление авторитетом церкви малейших проявлений самобытности в духовной жизни — так рисовалась долгое время мрачная картина раннесредневековой Европы.

И вот в Англии первой половиной VII в., стране, отдаленной от центров европейской цивилизации, недавно заселенной варварами-германцами, еще только приобщавшимися к новой христианской культуре, были отлиты грациозные фигурки оленей, вычеканен шлем с изображениями воинов-копьемосцев и батальными сценами (рис. 4 и 64), изготовлены богато декорированный меч и щит с бронзовыми накладками (рис. 5), сделаны пряжки, богато орнаментированные причудливыми переплетениями полос (рис. 6), серебряные чаши и блюда с пышным растительным узором, одно из которых попало в Англию из Византии. Корабль представлял собой мощное сооружение, не

уступавшее известным кораблям викингов, построенным через два-три столетия. Все находки указывали на общество с богатой духовной культурой и высоким уровнем материального развития.

Погребение в ладье было не единственным. Курган № 1 — лишь один из значительной группы — около 20 — сохранившихся насыпей, исследование которых осуществлялось в 1965—1971 и 1983—1992 гг.⁵ В 2000 г. поблизости был обнаружен второй курганный могильник, насыпи которого сровнены многовековой распашкой. Оба могильника использовались в 575—625 гг. Раскопки нескольких курганов первого могильника доказали его элитный характер: все захоронения, совершенные по обряду сожжения или трупоположения, сопровождалось богатыми подношениями умершим, прежде всего роскошно орнаментированными предметами вооружения, но также украшениями и бытовыми предметами. Местоположение могильников было не случайным: эстуарий р. Девон служил крупной торговой магистралью, и по его берегам находилось несколько больших и малых поселений, среди которых выделялась «королевская» усадьба в Рендлсхеме. Немного западнее, на р. Оруэлл, располагался один из крупнейших торговых центров тогдашней Англии — Ипсвич, узловой пункт в сети североморских коммуникаций.

Необычайное по своей роскоши захоронение в Саттон-Ху принадлежало, как предполагается, одному из королей Восточной Англии — Рэдвальду, умершему в 624 или 625 г.⁶ Оно совмещало черты языческого и христианского погребальных обрядов и заставило по-новому взглянуть на всю англо-саксонскую культуру. Благодаря ему стали очевидны сложность, многообразие и богатство духовной жизни и культуры англо-саксов уже в VII в.

Находки в Саттон-Ху явились сенсацией как для широкой публики, так и для специалистов: ведь они требовали существенных переоценок начального периода английской истории. Они были неожиданностью, и тем не менее их можно было предвидеть. Для этого было достаточно оснований, стоило лишь обратиться к богатейшей эпической традиции англо-саксов. Героические песни и предания, которым отказывали не только в правдивости, но и в правдоподобию, воспевали и прославляли тот самый мир, малая частица которого приоткрылась глазам археологов и историков в то предвоенное лето.

Глава 1

АНГЛО-САКСОНСКОЕ ОБЩЕСТВО ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА

«В год от воплощения Господа 449-й... народ англов, или саксов, приглашенный Вортигерном, приплыл в Британию на трех кораблях и получил место для поселения в восточной части острова, будто бы собираясь защищать страну, хотя их истинным намерением было завоевать ее... Говорят, что первыми их предводителями были два брата, Хенгист и Хорса; Хорса позднее был убит в сражении с бриттами, и в восточной части Кента до сих пор стоит монумент с его именем», — так рассказывает прославленный историк, ученый и писатель VIII в. Беда Достопочтенный о начальной странице истории англо-саксонской Англии¹ (рис. 7). Ни он сам, ни другие хронисты, использовавшие ту же традицию, не сомневались в ее достоверности. Да и современные историки не склонны отвергать ее полностью, тем более что и археологические, и другие материалы подтверждают появление германцев на Британских островах примерно в это время.² И все же... Если вспомнить, что и Русская земля пошла, по свидетельству летописца, от призванных из-за моря трех братьев, Рюрика, Синеуса и Трувора, и Польское государство было «создано» призванным на правление Краком, а в англо-саксонской эпической поэме «Беовульф», как и в скандинавской саге о датских конунгах («Сага о Скьёльдунгах»), повествуется о приплывшем из заморья основателе датской (на о. Зеландия с центром в Лайре) королевской династии Скильде Скевинге (в скандинавской традиции — Скьёльд), то это сообщение предстает в несколько ином свете. Легенда о призвании первых правителей открывает «историческое» существование многих европейских народов. В ней смыкается эпическое и историческое

Рис. 7. Прибытие германцев, миниатюра из рукописи «Жития св. Эдмунда», ок. 1130 г.

прошлое, но она же знаменует и начало собственно исторического времени.

Современные историки выделяют два периода в развитии англосаксонской Англии (середина V—середина XI в.), рубежом между которыми был IX век. Ранний период рассматривается как время окончательного разложения родоплеменного строя, усиления социальной стратификации и зарождения ранних государств. Начавшееся на исходе VIII в. вторжение скандинавов, приведшее к захвату ими значительной части Англии, с одной стороны, на некоторое время замедлило темпы феодализации, с другой — способствовало консолидации ряда варварских королевств в единое древнеанглийское государство. На протяжении X—первой половины XI в. (в 1066 г. Англия была завоевана войском Вильгельма, потомка скандинавских викингов, герцога Нормандии, вассала французского короля) происходит постепенное вызревание государственных институтов, становление классов землевладельцев и зависимых крестьян, частной собственности на землю, системы государственного управления, военной организации, церкви. И хотя процесс феодализации не был завершен к моменту нормандского завоевания, Англия X—первой половины XI в. представляла сложившееся раннефеодальное государство.³ Но вернемся к истокам англо-саксонской Англии.

Северогерманские племена англов и ютов, обитавшие на юге Ютландского полуострова, и саксов из Северной Германии начали переселяться на Британские острова в середине V в. До этого времени, с I в. н. э., южная и центральная части Британии, населенной кельтскими племенами (бриттами и скоттами), была римской провинцией. Римские легионеры основали здесь укрепленные поселения, остатки которых сохранились в некоторых местах и до сих пор, так же как и названия на -честер и -кастер (от лат. *castrum* «укрепленный лагерь») выросших затем городов. Они построили разветвленную сеть дорог, связывающих укрепленные пункты; наконец, создали несколько мощных оборонительных линий, протянувшихся на несколько десятков километров, которые должны были охранять «римскую Британию» от пиктов и скоттов.

В начале V в. гибнущий под ударами остготов Рим вынужден был отозвать остатки своих войск из Британии. В 409 г. в ответ на призыв

бриттских вождей оказать им помощь против наступления пиктов император Гонорий посоветовал им защищаться самим, насколько это удастся.⁴ Судя по развернувшимся далее событиям, реконструируемым из разрозненных крупиц информации в более поздних источниках, бритты не слишком преуспели в этой борьбе. Уже во второй четверти V в. они оказались перед необходимостью искать наемные силы для отражения нападений пиктов и скоттов.

О событиях этого времени рассказывают источники различного времени и жанров. Среди них важнейшими являются три: гневное обличение падения христианских нравов, написанное кельтским монахом Гильдасом, «О гибели и покорении Британии» (ок. 548 г.), ученая хроника Беда Достопочтенного «Церковная история англов» (VIII в.) и «Англо-саксонская хроника», которая начала составляться лишь в конце IX в., но в которой, помимо труда Беда, были использованы, видимо, более ранние записи, в частности в пасхальных таблицах. Гильдас, не называя имен и дат, патетически восклицает: «Эти дичайшие, нечестивого имени саксы, Богу и людям мерзкие, были введены, словно волки в овчарню, на остров для сдерживания северных народов. Доселе, как бы то ни было, никогда не совершалось ничего более погубительного и горького. О, глубочайшее затмение чувств!»⁵ Историческая информация у Гильдаса крайне скудна: его цель — оплакивание его Британии, погубленной многими прегрешениями его соотечественников, а не последовательное изложение вторжения германцев и борьбы с ними.⁶ Но все же Гильдас — современник последнего этапа германского завоевания Англии, — хотя и крайне смутно, подтверждает сообщения более подробных, но более поздних источников.

В целом же вырисовывается достаточно ясная картина англо-саксонского завоевания Британии, уточняемая археологическими данными. Не выдерживая натиска пиктов и скоттов и ведя постоянные междоусобные войны, бритты, а если следовать Бедо и другим письменным источникам, вождь одного из бриттских племен или политики по имени Вортигерн, призвал на помощь германцев. В этом Вортигерн последовал установившейся еще в римское время традиции: археологические раскопки на юго-востоке Англии показали, что отдельные — хотя и немногочисленные — поселения и могильники германцев встречаются уже в конце IV в. вдоль дорог и у стен римских городов

и укреплений (Йорка, Анкастера и др.).⁷ В виде платы за службу наемники получали земли, на которых могли поселиться. Пять последовательных записей в «Англо-саксонской хронике» под 455—473 гг.⁸ говорят о начавшемся конфликте между Хенгистом и Вортигерном: видимо, германцы вышли из повиновения и начали действовать уже в собственных интересах, а не в интересах местной знати; об основании Хенгистом королевства в Кенте и о широких военных действиях Хенгиста и его сына Эска (Хорса, согласно этой легенде, погиб в сражении с Вортигерном в 455 г.) против бриттов, которые «бежали от англов, как от огня» (473 г.).

Следующая группа сообщений хроники относится к 477—491 гг., когда появляются новые отряды германцев, которых, как кажется, уже никто не приглашал. Они прибывают с семьями, захватывают земли на юго-востоке и востоке страны, основывают поселения и ведут непрерывающуюся борьбу с кельтским населением.⁹ Именно к этому времени относится деятельность легендарного короля Артура, одного из кельтских вождей, оказавшего ожесточенное сопротивление германским находникам. Вплоть до середины VI в. продолжается массовое переселение германцев. Это уже не эпизодические набеги, не дружинная служба и не оседание небольших отрядов, а массовая колонизация южной и средней Англии. Ныне известно более 1500 могильников с 50 000 захоронений англов, ютов и саксов, относящихся ко времени до 600 г. — таков был масштаб этой колонизации.¹⁰

Особую остроту их борьбе с местным населением придавало то, что германцы стремились поселиться в местах с наиболее плодородными почвами, избегая гористых и болотистых территорий. Но именно здесь и жили кельты. Поэтому германцы частично изгоняют местных жителей с освоенных ими земель, частично селятся чересполосно. Археологи находят немало заброшенных, разоренных, преданных огню кельтских поселений, свидетельствующих о разгоревшейся здесь борьбе. Тесня бриттов на запад и север (в Уэльс и Корнуолл), германцы основывали свои селения, иногда использовали остатки римских укреплений (большая же их часть погибла, и жизнь в них не возобновлялась). Поселения германцев к середине VI в. заняли всю южную и среднюю Англию до Хамбера на севере.¹¹ Все же и в области их основного расселения какая-то часть кельтского населения уцеле-

ла: данные аэрофотосъемок говорят о сосуществовании в Сассексе и Йоркшире полей кельтского и германского типов, а в судебныхниках и повествовательных памятниках упоминаются бритты, правда, как несвободные, находящиеся в зависимости от германцев.

Кто же были эти «дичайшие саксы» и откуда они пришли? Беда и вслед за ним другие авторы называют три «народа», участвовавших в завоевании Англии: англов, саксов и ютов. Локализация этих германских племен на континенте основывается на сообщениях позднейших историописателей и на данных топонимии и археологии: юты, как считается, обитали на Ютландском полуострове (вопрос о более точном месте их обитания до сих пор остается спорным), англ — на юге Ютландии (область Ангелн), саксы — между низовьями Эльбы и Везера. Видимо, в заселении Англии приняли участие также фризы, населявшие юго-восточное побережье Северного моря, и, возможно, небольшое количество франков. Далее Беда указывает, что англ заселили восточную Англию, саксы — южную, а юты заняли Кент. Однако археологические материалы не подтверждают строгого разграничения областей расселения каждого из племен. По остроумному замечанию английского историка П. Блэра, это сообщение скорее свидетельствует об упорядоченности мышления Беды, нежели об упорядоченности расселения.¹² Все попытки археологов выделить специфические «племенные» черты в материальной культуре переселенцев оказались тщетными. Сходство обычаев, предметов быта, вооружения, типов жилищ возникло, видимо, еще в период Великого переселения народов (IV—V вв.), когда племенные различия между англами и саксами, а в значительной степени и ютами начали стираться. В ходе же завоевания остатки этнических признаков быстро сгладились.¹³ Поэтому даже немногие виды вещей, этническая принадлежность которых кажется установленной, как выяснилось в последние годы, имеют значительно более широкое распространение, нежели территории, указанные Бедой. Так, «англские» броши были найдены в Кенте, а «кентские» украшения встречаются и в Восточной Англии. Установить же различия в такой важной категории массовых находок, как керамика, на которой в значительной степени основываются хронологические и этнические построения археологов, не представляется возможным.

Эта специфика, а также более общие соображения о характере германских обществ эпохи Великого переселения народов привели к выводу, что переселявшиеся группы германцев представляли собой не этнические (племенные), а социальные общности смешанного этнического состава.¹⁴ Поэтому есть основания говорить не только о культурной близости германцев, заселивших Англию, но и об их относительно смешанном расселении, хотя — и здесь Беда прав — на отдельных территориях преобладали переселенцы различной племенной принадлежности. Наибольшее своеобразие как в культуре, так и в социальной структуре общества обнаруживает лишь Кент.

Стирание племенных различий, которые уже во времена Беды, видимо, ощущались мало, подготовило почву для сравнительно быстрого формирования единой культуры на всем пространстве, занятом германцами. Сам Беда, при всем его стремлении к точности, употребляет этнонимы «англы» и «саксы» как взаимозаменяемые, а свою «Историю», охватывающую все англо-саксонские королевства, называет историей «народа англов». В конце IX в. король Альфред Великий, представитель западносаксонской (уэссекской) династии, объединившей большую часть Англии под своей властью, называет свой язык «англским» (английским), а своих подданных — жителей и Кента, и Уэссекса, и Мерсии, и Восточной Англии — «англами».¹⁵

* * *

Военно-колониционный характер переселения германцев на Британские острова определил особенности экономического освоения новых земель, их политического устройства, социальной структуры общества. Под предводительством вождей (в латиноязычных источниках их обычно называют *rex* — «король»), обладавших организованной военной силой — дружинами, в борьбе с местным населением и другими группами переселенцев формировались небольшие территориальные объединения.

Политическая карта Англии времени завоевания практически неизвестна. Лишь около 600 г. вырисовывается еще довольно смутно картина политического членения освоенных германцами земель. По-

являются сведения о существовании примерно 14 «королевств» (как их называют Беда и другие авторы), 10 из которых размещались в южной Англии (см. карту 1). Среди них ведущее положение занимают саксонские по преимуществу Уэссекс и Эссекс, англские Мерсия и Восточная Англия, ютский Кент. На севере выделяется Нортумбрия. Ранние английские «королевства» — это уже не племенные, а территориально-политические образования. Однако их нестабильность, неупорядоченность власти и отсутствие развитой системы управления, которая лишь вырабатывается в этот период, не позволяют говорить о них как о сложившихся государствах. Это были раннегосударственные образования — политии, которые получили в исторической литературе наименования варварских королевств или дружинных государств и которые типичны для периода, переходного от племенной к государственной организации общества.¹⁶

На протяжении VII—VIII вв. между королевствами идет непрерывная борьба за главенство. Они то расширяются, поглощая более слабых соседей, то уничтожаются более сильным противником, в свою очередь включавшим их в свою сферу влияния. К IX в. политическое положение несколько стабилизируется: окончательно исчезают такие объединения, как Линдсей, Дейре и др. Семь раннефеодальных государств делят южную и среднюю Англию. Их соперничество продолжается, но браки между членами королевских семей, политические союзы, взаимные обязательства все теснее связывают их в единое целое, тем более что ни в материальной, ни в духовной культуре отдельных областей принципиальных различий не имелось. Общие процессы формирования средневековых государств протекают и в социально-экономической жизни англо-саксонских королевств.

На пороге завоевания англы, саксы и юты переживали последнюю стадию родоплеменного строя, и их общества представляли собой вождества. Имущественное расслоение сопровождалось выделением родовой знати, сосредоточением власти в руках военных вождей, которые обладали ею не только в военное, но уже и в мирное время, хотя власть вождя, видимо, еще в значительной степени ограничивалась советом знати (старейшин). Основная масса населения была представлена свободными общинниками, которые составляли также и войско племени (рис. 8). Однако ко времени переселения появилась и профес-

Карта 1. Англо-саксонские королевства ок. 600 г.

Рис. 8. Англо-саксонский король с воинами, миниатюра из «Рукописи Кэдмона», 930—960 гг.

сиональная военная прослойка, возможно, значительная. Рабы, захваченные в военных предприятиях пленники, были немногочисленны и использовались в хозяйстве.

Ныне предполагается, что переселявшиеся группы германцев представляли собой не этнические (племенные) группировки, а разноэтнические социумы, объединявшиеся вокруг вождя.¹⁷ Однако степень разрушения кровнородственных связей и замены их социальными вряд ли стоит преувеличивать: уже само возникновение «племенных» наименований заселенных германцами областей (Уэссекс — букв. «Западные саксы», Сассекс — букв. «Южные саксы», «Восточная Англия» и др.) говорит о том, что самоидентификация переселенцев включала и этническую характеристику, если не основывалась на ней, т. е. племенная принадлежность осознавалась ими в полной мере. Сохранение памяти о ней поддерживалось языковыми различиями: отчетливо выделяются региональные диалекты общего древнеанглийского языка: уэссекский, мерсийский, нортумбрийский. Устойчивость родовых отношений отмечается у саксов еще через несколько столетий после переселения их части в Англию: об этом пишут хронисты, рассказывая о покорении саксов Карлом Великим в начале IX в. Их частичное сохранение в самой Англии зафиксировано английскими судебниками VII в. Поэтому заселение Англии, вероятно, осуществлялось не слишком большими, но этнически более или менее однородными группами, во главе каждой из которых стоял свой собственный вождь, в некоторых случаях, возможно, глава рода.

Завоевание Англии сильно ускорило общественное развитие переселенцев. В первую очередь оказались разрушенными родоплеменные связи в среде свободных общинников. Древнейшие судебники Кента («Законы Этельберта», ок. 600 г., «Законы Уитреда», 695 или 696 г.) и Уэссекса («Законы Инэ», между 688 и 695 гг.),¹⁸ записанные через 100—200 лет после германской колонизации Англии, дают достаточно свидетельств того, что к VII в. основной хозяйственной ячейкой стала малая семья. Устанавливается индивидуальная ответственность за любое правонарушение. «Законы Уитреда» (§ 12) отмечают, что муж, впавший в язычество (как раз в это время в стране вводится христианство), «должен быть лишен всего своего имущества», если же и муж, и жена предались идолопоклонству, должно быть конфиско-

вано все имущество семьи. Так же и в случае воровства: «Если кто-нибудь украдет, однако его жена и дети не будут знать об этом, пусть он уплатит штраф 60 шиллингов. Если же он украл с ведома всех своих домашних, они все должны перейти в рабство» («Законы Инэ», § 7; 7.1).

О происходившем переходе от большой семьи к малой говорят и археологические материалы. Поселения, как правило, состоят из одного-двух больших домов площадью 40—60 кв. м (в Чэлтоне, например, был обнаружен дом размером 24.4 × 5.1 м) с несколькими массивными столбами, поддерживавшими крышу, и иногда с одной внутренней перегородкой. Остальные — небольшие постройки без столбов и перегородок. Их размеры колеблются от 6 до 20 кв. м. Предполагают, что часть из них служила жилищами для рабов и челяди, часть была хозяйственными постройками: мастерскими, кладовыми и т. п. Большие же дома были жилищем владельцев усадьбы, а также местом собраний и коллективных пиров, т. е. совмещали различные функции. Все малые дома углублены в землю, в жилых постройках находят очаги. Двери обычно расположены в длинной стене, а в больших домах — по две двери друг против друга. Иногда комплекс построек, жилых и хозяйственных, был обнесен оградой, от которой остались следы столбов. Это позволяет предполагать, что деревни состояли из нескольких отдельных усадеб-дворов; о них упоминают и судебники, которые устанавливают штрафы за насильственное вторжение «во двор» («Законы Этельберта», § 17), а в конце VII в. «Законы Инэ» (§ 40) даже обязывают человека держать свой двор огороженным зимой и летом.¹⁹

Это несомненные признаки постепенной утраты родом значения основной хозяйственной единицы. Однако вековые установления изживались медленно, и элементы родовой организации продолжали существовать длительное время. В первую очередь кровные родичи сохраняли право на получение штрафа — вергельда за убийство сородича; в некоторых случаях, например при бегстве убийцы, родичи должны были заплатить за него вергельд семье убитого («Законы Этельберта», § 23). В юридической компиляции «О вергельдах» (§ 5), составленной в конце X или начале XI в., но включившей материалы VII в., выделены основные категории родственников, участвовавших

в выплате и получении вергельдов. Ближайшую группу сородичей составляли три поколения по нисходящей и боковой линиям: дети лица, о котором идет речь; его братья и дяди по отцу; более дальними, но также имеющими право на вергельд были племянники и дяди по материнской линии, двоюродные братья. Все вместе они образовывали «род». Ближайшие родичи играли определенную роль при наследовании имущества: по кентским законам, бездетная вдова, например, лишалась имущества, которое переходило к родне мужа, осуществлявшей также опеку над имуществом при наличии малолетних детей («Законы Уитреда», § 36; «Законы Хлотаря и Эдрика», § 6, последняя четверть VII в.).

Одним из важнейших реликтов родового строя, нашедших наибольшее отражение в героическом эпосе, была кровная месть. Судебники законодательным путем стремятся заменить ее системой штрафов и тем самым изжить из повседневной практики. Однако даже законы VII—IX вв. вынуждены признать право кровной мести, например в тех случаях, когда убийца или его сородичи не могут выплатить вергельд («Законы Инэ», § 74.1).

Королевская власть в известной степени поддерживала сохранение юридической ответственности рода за некоторые правонарушения, повышая роль родовой организации в поддержании общего мира и социального порядка. Поэтому реликты родового строя дожили вплоть до нормандского завоевания в середине XI в., хотя в самой существенной сфере — землепользовании — они были вытеснены значительно раньше.

* * *

Установление форм земельной собственности также было в значительной мере определено ходом завоевания страны. Хотя отдельные группы переселенцев могли быть кровнородственными коллективами, восстановить семейные общины, как они существовали на континенте, не представлялось возможным. Теперь формирование общин происходило в процессе чересполосного расселения разных племен и родов. Это была уже сельская община, состоявшая к началу VII в. преимущественно из малых семей. Она сохраняла право собственно-

сти на сообща занятую часть земли, которая стала называться фольклендом («народной землей») и включала как пахотные земли, так и уголья, пастбища, леса, реки, находившиеся в общем пользовании. Но уже в VII в. судебники допускают существование личных участков на общинной земле («Законы Инэ», § 42), хотя они тем не менее оставались собственностью общины. Их нельзя было завещать, тем более не допускалась продажа и передача постороннему лицу земель, входящих в фолькленд. Поэтому важнейшая предпосылка формирования частной собственности на землю — свободное отчуждаемые земельные наделы — в сфере фолькленда возникла медленно.²⁰

Однако к X в. положение меняется. Преобразуются как сама община, так и формы землевладения общинников. Судя по памятникам IX—XI вв., возникает индивидуальная собственность общинника на земельный надел. Пахотные земли начинают передаваться по наследству, они могут быть проданы. В договоре между англичанами и скандинавами 991 г. подтверждается право частной собственности на землю: «И покупка земли, и пожалование господином (земли), которую он имеет право дарить... (все) это пусть будет прочно, так чтобы никто не мог это нарушить» (§ III, 3). В коллективной собственности общины, которая постепенно становится соседской, находятся лишь леса, луга и другие уголья.

Более интенсивно становление частной собственности на землю происходило в сфере королевского землевладения. После переселения вождь — «король» — становится верховным распорядителем земли, на которой расселяются пришедшие с ним люди. В борьбе с другими группами переселенцев, имеющими собственного вождя, он подчиняет себе определенную территорию — «королевство», наделяет землей членов своего рода, представителей других знатных родов, дружинников. Часть земли образует королевское владение, домен, который уже в начале VII в. в королевских грамотах называется «моя земля» (рис. 9). Власть короля распространяется и на общинные земли. На них он чинит суд, собирает подати, поэтому общинные земли в королевских грамотах VII в. обозначаются как «земли моего суда» или «земли моего управления». Установление верховной собственности короля на землю быстро привело к развитию элементов феодального землевладения. Уже в первые десятилетия VII в. распространяет-

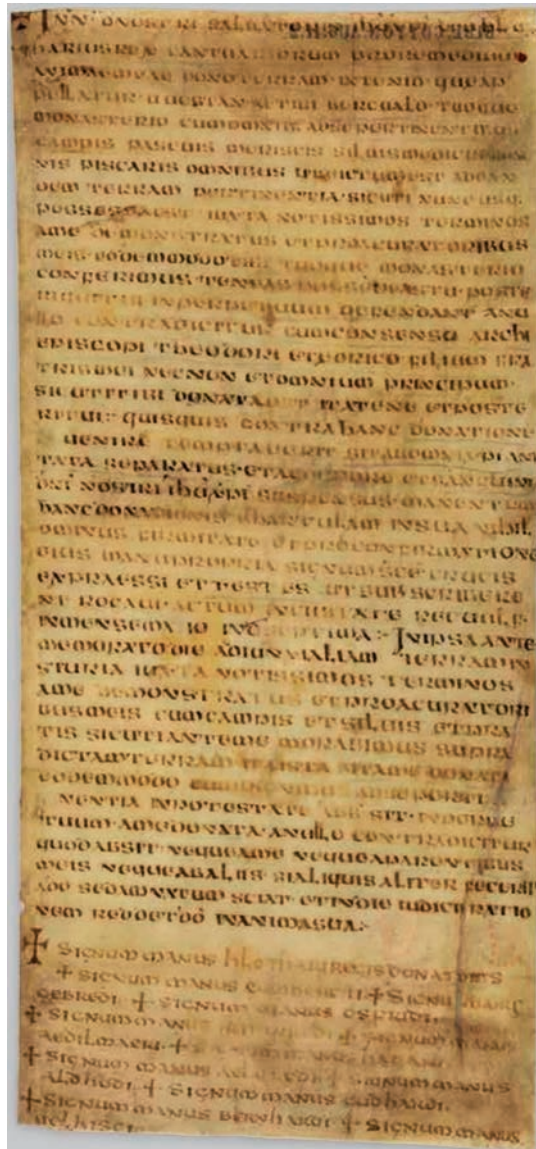

Рис. 9. Древнейшая сохранившаяся грамота короля Кента Хлотхере, 679 г. (S 8)

ся практика пожалования королем земли в управление — кормление. Такая земля стала называться «бокленд» (от *bōc* «грамота»). На деле это означало передачу королем другому лицу власти над свободными общинниками, живущими на этой земле. Человек, пожалованный боклендом, — глафорд получал право на сбор податей, на осуществление суда и взимание судебных штрафов, т. е. осуществление здесь королевских прерогатив. Часть поборов и штрафов он мог оставлять себе как плату за «труд».

Условия предоставления бокленда и объем прав его владельца были весьма разнообразны. В некоторых случаях бокленд давался навечно, глафорд мог продать или передать по наследству всю землю или ее часть (грамоты S 77, 194).²¹ В других случаях бокленд жаловался пожизненно и лишь при условии несения за него военной службы; после смерти глафорда земля вновь возвращалась королю. Иногда бокленд освобождался от ряда или от всех повинностей, т. е. его владелец получал иммунитетные права (например, грамота S 51). Как правило, такие пожалования получали представители светской знати, а также — по мере распространения христианства — церкви и монастыри. В первых же грамотах, надежно датированных 670-ми гг., утверждаются земельные пожалования монастырям. Верховное право короля на распоряжение землей закреплено судебниками и становится правовой нормой. В то же время вплоть до IX в. бокленд, как правило, не мог отчуждаться из рода человека, которому он был пожалован. При отсутствии у него наследников земля возвращалась королю и либо присоединялась к королевскому домену, либо передавалась иному лицу.

Уже с середины VIII в. бокленд связывается с обязанностью нести военную службу. В грамотах все чаще оговаривается «тройная повинность», которую обязан выполнять получатель бокленда, будь то представитель светской или церковной знати: он должен являться с соответствующим вооруженным отрядом в ополчение, участвовать в восстановлении крепостей и в строительстве мостов. Вот, например, король Инэ жалует землю Винчестерскому епископству (707 г.): «Я, Инэ... возвращаю Винчестерской церкви... некоторую часть селения в 40 дворов в месте, называемом Алресфорд... Пусть пребывает вышеназванное селение свободным от бремени всех земных служб,

исключая трех: участия в ополчении и в восстановлении мостов и крепостей» (грамота S 242). Король оставляет за собой право отобрать бокленд, если его получатель уклоняется от выполнения этих обязанностей.

В конце IX—X в. владельцы бокленда получают все больше прав на свободное распоряжение землей. Если земля была дана «навечно» и с правом распоряжаться ею «по своему усмотрению», однако с обязательным несением воинской службы (а таковы формулы большинства пожалований монастырям и многим светским лицам этого времени), то ее собственник получал возможность продавать или передавать ее любому лицу. В 875 г. некий Эардульф передал Вигхельму землю, «свободную во всех отношениях», с «правом завещать ее, кому пожелает», за плату в «120 манкузов чистейшего золота» (грамота S 1203).

* * *

В связи с изменением характера земельной собственности и по мере имущественного расслоения существенно изменяется и усложняется социальная структура англо-саксонского общества по сравнению со временем завоевания. В середине V в. оно по преимуществу состояло из массы свободных общинников, над которыми возвышалась еще окончательно не оторвавшаяся от их среды родовая и военная знать. Внизу социальной лестницы стояла небольшая по численности прослойка рабов.

К началу VII в. картина усложняется. Ее довольно подробно освещают судебники, которые определяют размеры штрафов за различные правонарушения в зависимости от социального положения потерпевшего. Древнеанглийские судебники отражают развитую стратификацию общества с тщательной градацией социальных статусов внутри трех основных категорий населения: несвободных, свободных общинников, знати. В выделении и юридическом статусе отдельных категорий населения наблюдаются некоторые различия в Кенте и Уэссексе, Мерсии и Восточной Англии. Разнятся размеры штрафов, иногда их соотношение; отличается и терминология судебныхников: например, обозначение одной из категорий несвободных — эснов — встречается

только в Кенте. Поэтому многие конкретные вопросы и терминологии, и интерпретации некоторых статей судебныхников дискуссионны.

В целом же, древнеанглийское общество, как и другие европейские общества того времени, было трехчастным: в нем выделялись знать, свободные и несвободные с последующей градацией каждой из категорий. Слой несвободных насчитывает несколько групп: рабы, зависимые, полузависимые. Основным источником рабов в период завоевания Британии был захват пленных: местных жителей — кельтов, а временами и побежденных в междоусобных войнах жителей других королевств. Но в X—XI вв. по мере становления частной собственности на землю и усиления эксплуатации свободных общинников, которые были обязаны платить подати и исполнять различные виды работ на собственника земли, часть из них разорялась, утрачивала свои земельные наделы. Обезземеленные крестьяне, лишаясь прав свободного человека, попадали в зависимость. Превращался в раба и тот свободный общинник, который не мог уплатить подать или судебный штраф, если в течение года его родственники не вносили соответствующую компенсацию. В голодные годы, особенно тяжелые для простых земледельцев, распространялась продажа в рабство детей или обедневших родственников. Поэтому число зависимых в Англии постепенно росло, и главным резервом для их пополнения были свободные рядовые общинники.²² Однако процесс этот происходил медленно, и даже еще в 1086 г., когда по распоряжению новых, нормандских правителей составлялась перепись земельных владений (кадастр) — «Книга Страшного суда», до 15 % крестьян в Англии сохраняли землю и личную свободу.

По мере формирования частной земельной собственности рабство, существовавшее ранее в патриархальных формах, утрачивает свое значение. Хотя термин «раб» (*þēow*) продолжает употребляться и в X, и в XI вв., содержание его меняется. Судебники X—первой половины XI в., а также другие документы показывают, что большинство зависимых людей, обозначаемых этим словом, не могут считаться собственно рабами. Уже в VII в. появляются первые сведения о «рабах», имеющих надел земли, который они обрабатывают, выплачивая оброк и неся другие повинности (в первую очередь барщину). С IX в. этот термин обозначает в основном лично зависимых земельных держате-

лей, и сохранение его — скорее дань консерватизму терминологии, нежели отражение реального положения вещей. Учащаются сведения о рабах, отпущенных на свободу. Судебники оговаривают процедуру предоставления свободы, многие завещания содержат пункты об освобождении рабов, которые, становясь вольноотпущенниками, сохраняли зависимость от своего прежнего господина.

Положение зависимых крестьян было тяжелым. В своих «Беседах» писатель и церковный деятель конца X—первой половины XI в. Эльфрик устами пахаря, который называет себя «несвободным», рассказывает: «На заре я выхожу, впрягая волов в плуг, и принуждаю их к пахоте. Не бывает столь плохой погоды, чтобы я осмелился прятаться в доме, ибо боюсь своего господина. Но когда волы запряжены и лемех и резец надеты на плуг, я должен каждый день вспахивать целый акр и более... Я должен наполнять ясли волов сеном и поить их и вычищать навоз...».²³ Хотя признавалось право зависимого человека работать на себя, а также получать от господина надел земли, с которого он должен был платить оброк, барщинный труд был велик, и составители судебныхников стремились несколько ограничить эксплуатацию несвободных, хотя бы в рамках соблюдения церковной дисциплины, требовавшей неукоснительного соблюдения воскресного отдыха: «Если эсн исполняет рабскую работу по приказу господина с захода солнца в субботу до заката [накануне] понедельника, его господин должен уплатить 80 шиллингов» («Законы Уитреда», § 9). «Законы Инэ» прибегают к еще более жестким мерам: «Если раб будет работать в воскресенье по приказу своего господина, то да будет он свободным, а господин пусть уплатит штраф в 30 шиллингов» (§ 3). Но в целом несвободный нередко приравнивался к имуществу или скоту. Не случайно в описях лично зависимые люди часто перечисляются вместе с инвентарем и скотом: «...13 мужчин, способных к труду, и 5 женщин, и 8 юношей, и 16 волов...».²⁴

Все судебники, начиная с древнейших, борются с бегством несвободных, видимо, самой распространенной формой социального протеста. В «Законах Инэ» предусматривается случай, когда преступление совершил человек, бежавший от своего господина. Он подлежит повешению (§ 24). По «Законам Этельстана» (924—939 гг.) беглый, будучи пойман, должен быть забит камнями. Укрывательство и помощь скры-

вающемуся несвободному, даже невольная, карается большими штрафами; особенно высоко наказание за предоставление беглому оружия или коня («Законы Инэ», § 29).

Разложение общинной организации и развитие частной собственности на землю вели к росту социального расслоения и в среде свободных. В VI—VIII вв. стратификация общества углубляется, возникает все больший разрыв между знатью и свободными общинниками — кэрлами. По «Законам Этельберта» вергельд за убийство кэрла был равен половине вергельда эрла, представителя одной из категорий знати (§ 13—16). К концу VII в. это соотношение меняется, и вергельд кэрла становится равен $\frac{1}{3}$ вергельда эрла («Законы Хлотаря и Эдрика», § 1, 3). В то же время в Уэссексе, в соответствии с «Законами Инэ», вергельд рядового общинника соответствует $\frac{1}{6}$ вергельда эрла (§ 5).

В VII—VIII вв. свободные общинники-кэрлы имели пахотные наделы земли в личном пользовании и обладали всеми правами свободного человека. Они посещали народные собрания, выполняли военные обязательства, получали компенсацию за вторжение в дом или усадьбу, могли иметь рабов и других зависимых, были вольны покидать свой участок земли и переходить на другое место. Подавляющее большинство установлений судебныхников VII—VIII вв. посвящено охране прав кэрлов: их жизни, чести, имущества, рабов, безопасности усадьбы. В то же время кэрлы несли и многочисленные обязанности. В первую очередь это уплата податей королю, если кэрл имел усадьбу на территории королевского домена, или собственнику земли, а также церковной десятины. Кэрлы несли воинскую повинность, служа в ополчении и составляя основную массу пешего войска. Кроме того, они участвовали в задержании преступников, выступали в суде в качестве истцов и свидетелей, наконец, вели торговлю, как местную, так и международную. Таким образом, в VII—IX вв. кэрлы составляли основу общества.

Размер земельного надела варьировался в очень широких пределах. Средний надел составлял одну-две гайды пахотной земли (гайдой назывался участок пахотной земли, обработки которого было достаточно для содержания одной семьи; размер гайды варьировал, но в большинстве областей составлял ок. 120 акров = 49 га). В источниках упоминаются и более зажиточные кэрлы: например, в грамоте

Этельреда (984 г.) назван «крестьянин», владевший восемью гайдами. С конца VIII в. допускается изменение социального статуса кэрла, владеющего пятью и более гайдами земли: он получает больший вергельд — 1200 шиллингов вместо 600, т. е. приравнивается к тэну, что было связано и с изменениями в организации войска. Кэрл, владеющий таким наделом в третьем поколении, приобретал наследственный статус тэна (первоначально этот термин обозначал дружинников, слуг, позднее он был распространен на всех представителей привилегированной части общества). Тэном становился и купец, «трижды плававший за море» («Законы северных людей», 9, 11; «О светских различиях и законе», § 2).

Но такие случаи были нечасты. Значительно более распространенным был процесс обеднения кэрлов и постепенной утраты ими независимости. С VII в. в Англии возникает практика патроната: материальная необеспеченность, невозможность выплатить долг или штраф вели к тому, что свободный общинник попадал в личную зависимость, временную или постоянную, от человека, который оказывал ему покровительство. Возможно, часть патронируемых получала от господина земельный надел и попадала в поземельную зависимость. В таком случае бывший свободный общинник мог быть лишен свободы передвижения, права на его имущество и вергельд переходили к патрону. По «Законам Уитреда» (§ 8, ср. «Законы Инэ», § 39, 62, 70) он должен был выполнять определенную работу в пользу патрона. Формы зависимости были чрезвычайно разнообразны и включали денежные налоги, продуктовые оброки, различные формы барщины. Видимо, к началу X в. относится запись о повинностях кэрлов в одном из поместий: «...с каждой гайды они должны платить 40 пенсов ко дню осеннего равноденствия и давать 6 церковных мер пива, 3 сестария пшеницы для белого хлеба и вспахивать 3 акра в свое собственное время, и засеивать их собственными семенами, и в свое собственное время доставить [снятый урожай] в амбар, и давать три фунта ячменя в качестве гафоля (продуктовой ренты. — *Е. М.*), и пол-акра сжать в качестве гафоля в собственное время, и сложить урожай в скирды, и нарубить 4 подводы дров... И каждую неделю они должны исполнять такую работу, какую им будет приказано делать, исключая три недели: одну — в середине зимы, другую — на Пасху и третью — в канун праздника Воз-

несения».²⁵ Как видно из этой описи, кэрл был лично свободным, так как на нем лежала денежная подать. В то же время наряду с продуктовой и денежной рентой он должен был выполнять некоторые формы барщины, что ранее являлось повинностью только несвободных.

Усиление эксплуатации и ущемление личной свободы кэрлов сопровождалось тенденцией к их прикреплению к земле. В ряде судебныхников IX—первой половины XI в. предусмотрены меры, затрудняющие переселение из одного графства (шайра) в другое или смену господина. Уже в «Законах Альфреда» (конец IX в.) право на изменение места жительства свободного общинника ограничено: «Если кто-нибудь из одного селения захочет искать себе господина в другом селении, то пусть он совершит это с ведома того элдормена, которому он до сих пор был подчинен в его шайре» (§ 37). Особое опасение властей вызывают люди, не имеющие господина и потому неподсудные местным судебным органам. Они рассматриваются властями как возможные нарушители порядка. В первой половине X в. таких людей, очевидно, немного, и «Законы Этельстана» прямо обязывают каждого человека иметь «покровителя»: его сородичи должны «сделать такого человека оседлым в интересах народного права и должны найти ему в народном собрании господина» (§ 11, 2). Если же господин не будет найден, то «впредь его следует остерегаться, и тот, кто его преследует, может убить его как вора» (там же).

Трактат первой половины XI в. «Об управлении поместьем» подробно рассказывает о структуре поместья, об обязанностях различных категорий земледельцев, об организации труда и формах ренты. В нем называется несколько групп крестьян, державших от владельца поместья землю, а иногда и скот и инвентарь. Хотя одна из них — гениты — сближается со свободными и, видимо, является бывшими кэрлами (поскольку они выплачивают денежный налог, принимают на постой служилых людей), все они обязаны нести определенные повинности в пользу господина: военные и сторожевые, барщину в форме обработки господской пахотной земли, выпаса скота, починки изгородей; продуктовый оброк. Очевидно, что в поместье конца англо-саксонского периода различия в повинностях между свободными и несвободными крестьянами стираются. Постепенно утрачивала полноправие и подвергалась все большей эксплуатации и та значительная по

численности часть крестьян, которая имела свое хозяйство. Уплачивая налоги государству и церкви, выполняя ряд государственных повинностей, они постепенно втягивались в формирующийся класс зависимого крестьянства: степень свободы общинников сокращалась, и устанавливалась в той или иной форме их экономическая и личная зависимость от собственников земли.

Социальную верхушку общества наряду с королем и членами королевского рода составляют другие представители родовой знати — эрлы, а также служилая аристократия — гезиты и тэны. В VII—IX вв. дифференциация в среде знати была менее выражена, чем различия между знатью и простыми свободными. Королевская служба уже в VIII в. давала ряд привилегий, повышая статус свободного человека. Так, ущерб, причиненный человеку, выполняющему поручение короля, карался двойным вергельдом; значительно увеличивался штраф в пользу любого лица, свободного или несвободного, находящегося на королевской службе. Нередки и пожалования королем более высокого статуса своим приближенным. Например, в грамотах Альфреда 871—877 гг. часто упоминается некий Этельнот, который свидетельствует пожалования короля, однако его статус, безусловно, высокий, не называется. Позднее, в «Англо-саксонской хронике», он именуется элдорменом, возглавлявшим войско одного из шайров в походе против датчан в 893 г.²⁶

Представители высшей знати, как светской, так и церковной, становятся постепенно крупными собственниками земли. Королевские пожалования, покупка земли, насильственное подчинение свободных общинников ведут к формированию обширных земельных владений, разбросанных на большой территории. Например, тэн Вульфрик Спотт, основатель монастыря в Бёртоне-на-Тренте (1004 г.), владел более чем 72 поместьями, основная часть которых находилась в Стафордшире и Дербишире. Остальные располагались в семи других графствах. Вульфрик принадлежал к одному из наиболее могущественных родов, и многие его родственники были элдорменами.²⁷ Еще обширнее были владения эрлов Годвина и Леофрика, самых могущественных приближенных короля Эдуарда Исповедника (середина XI в.). Однако таких крупных землевладельцев было немного. Преобладали владения из 15—20 поместий.

Рис. 10. Усадьба англо-саксонского вождя (реконструкция)

Представители знати обычно жили в своих поместьях или по крайней мере имели там резиденции. И письменные, и археологические источники дают представление о жизни в усадьбе знатного человека. В раннее время в усадьбе стоял одноэтажный, как правило, деревянный дом, состоящий из одного большого зала. Здесь проводили время днем, устраивали пиры. Ночью здесь спали дружинники. Рядом с залом строились отдельные небольшие жилые помещения — спальни владельца усадьбы, членов его семьи. В усадьбу входили также хозяйственные постройки, включая ремесленные мастерские, конюшни, полуземлянки, где жила челядь. Весь комплекс обносился земляным валом с деревянным тыном поверху²⁸ (рис. 10). В строительстве бургов, как назывались подобные усадьбы, в более позднее время все шире стал использоваться камень для возведения как жилых построек, так и стен. Подобные бурги строили на своих землях и короли.

Наряду с бургами — укрепленными усадьбами знати и короля, а нередко и вокруг них образуются поселения городского типа, где в первую очередь оседали ремесленники и где велась торговля.²⁹ Города римского времени пришли после англо-саксонского завоевания в упадок и, за исключением нескольких, наиболее крупных и удобно расположенных на торговых путях (типа Лондона и Йорка), были заброшены. Но уже в VII—IX вв. начинается возрождение старых и появление новых городских центров. Лондон и Йорк, Вестминстер и Дорчестер, Кентербери и Сэндвич и многие другие становятся центрами ремесла, международной и внутренней торговли. В них сосредотачиваются органы управления, они являются центрами епархий и резиденциями светской знати и церковных иерархов, в них формируется городская культура, отличная от сельской. Наконец, в первой половине XI в. возникает особое городское право, окончательно отделившее город от деревни и усилившее значение города как одной из опор королевской власти.

* * *

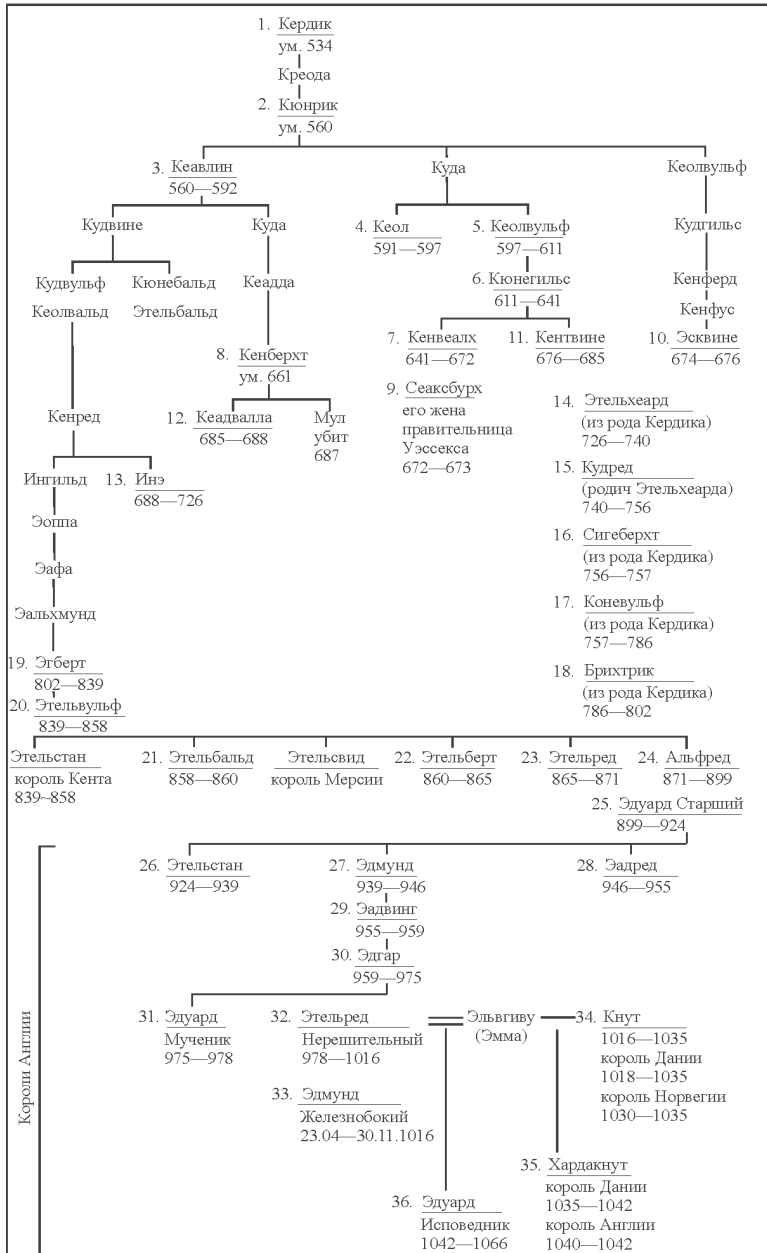
Военный характер завоевания обусловил также резкое усиление власти вождя. Уже на континенте, судя по сообщениям римских историков, его власть стала приобретать наследственный характер. Одна-

ко и после переселения, и даже в X в. старший сын совсем не обязательно наследовал отцу (см. таблицу). Преемником на троне мог стать любой из сыновей короля, а также его брат или племянник (даже при наличии сыновей). В «Истории» Беды не раз упоминается, что еще при жизни король назначал своего преемника. Очевидно, королевская власть рассматривалась еще как прерогатива не одного лица, а рода в целом, и любой его член мог претендовать на трон. Именно это родовое обладание правом на королевскую власть послужило причиной многих распрей внутри ранних английских государственных образований. Лишь в X в. постепенно закрепляется право старшего из сыновей короля на трон.

Одновременно упрочивается и положение самого короля. В соответствии с германскими нормами (сохранившимися, например, в Скандинавии и в более позднее время) король, действия которого наносили вред обществу, мог быть изгнан или убит. Еще в VIII в. к этой мере не раз прибегала знать отдельных королевств. В 774 г. был смещен король Нортумбрии Альхред, в 757 г. король Уэссекса Сигеберхт был лишен королевской власти советом знати «по причине неправедных дел». Но уже в конце X в. известный церковный деятель и писатель Эльфрик утверждает, что король не может быть низвергнут: «...после того, как он коронован, он имеет власть над людьми, и они не могут сбросить его ярмо со своих вый».³⁰

В VII в. личность короля ограждается от посягательств, так же как и личность любого свободного, вергельдом, хотя и значительно большего размера. По «Законам северных людей» вергельд за убийство короля, равный вергельду эрла, выплачивается его роду и такая же сумма — «народу» для оплаты «королевского достоинства» (§ 1). О том, что практика и ранее была именно такова, говорит «Англо-саксонская хроника», где, например, упомянуто, что в 694 г. жители Кента выплатили королю Уэссекса Инэ 30 000 пенсов за сожжение его родственника, члена королевской семьи.³¹ Дополнительная оплата «королевского достоинства» свидетельствует об особом статусе короля, его возвышении не только над народом в целом, но и над знатью.

На протяжении VII—IX вв. королевская власть укрепляется, король начинает занимать в социальной иерархии место, несопоставимое с положением любого другого представителя светской знати. Ко-

Генеалогическая таблица. Короли Уэссекса и Англии

ролю (как и архиепископу) не требуются свидетели или принесение присяги в суде — эта норма впервые вводится в «Законах Уитреда» (§ 16). Нарушение мира в жилище короля, на территории его бурга и просто в его присутствии карается все большим вергельдом. Наконец, в «Законах Альфреда» появляется статья, свидетельствующая об окончательном отрыве социального статуса короля от прочих свободных: «Если кто-нибудь злоумышляет против жизни короля лично сам или посредством предоставления убежища изгнаннику или одному из его людей, то он возместит своей жизнью и всем, чем владеет» (§ 4). Речь теперь идет не о денежной компенсации, как прежде, а о смертной казни преступника. Убийство короля, таким образом, выходит за рамки рядовых преступлений. Личность короля становится неприкосновенной. С середины VIII в. королевская власть освящается также и авторитетом церкви: в правление короля Оффы в Мерсии (правление 757—796 гг.) была введена церемония помазания и вручения королю атрибутов власти. В грамотах Оффы впервые появляется формула «король Божьей милостью». Альфред в конце IX в. обосновывает правомерность земельного пожалования «данной Богом властью» и королевским авторитетом.

Изменение отношения к королю являлось следствием резкого возрастания его роли во всех сферах общественной жизни: внешне- и внутривластной, военной и в первую очередь в сфере гражданского управления. Уже в VII в. король является высшей судебной инстанцией, по некоторым видам преступлений король может карать смертной казнью (например, вора, пойманного с поличным). За королем как представителем верховной власти закрепляется право распоряжаться жизнью и свободой населения, причем не только рядовых общинников, но и знати.

В IX—X вв. знать, обладая обширными земельными владениями и административными и судебными правами на местах, начала проявлять независимость от королевской власти, а временами и вступать с ней в открытую борьбу. Судебники отражают стремление королей осуществлять контроль над знатью, пресечь своеволие и непокорство «могущественных родов». Попытки воспрепятствовать правосудию стали караться штрафами в пользу короля. Этельстан впервые оговаривает право короля преследовать непокорную знать, изгонять из

страны и казнить нобилей, не желающих подчиниться власти и оказывающих ей сопротивление: «И если случится, что какой-либо род станет столь могущественным и таким большим... что они будут отказывать нам в соблюдении наших прав и выступать на защиту вора, тогда мы все вместе приедем... и призовем столько людей, сколько нам покажется необходимым для данного случая, чтобы эти провинившиеся люди почувствовали сильный страх перед нашим сборищем, и мы все съедемся и отомстим за ущерб и убьем вора и тех, кто сражается вместе с ним...» («Законы Этельстана», § 8, 2—3).

Для подавления сопротивления внутри страны и отражения нападений извне короли уже в VII—VIII вв. обладали немалой военной силой. С одной стороны, это были дружины (рис. 8), состоящие из профессиональных воинов, находившихся на службе короля и получавших в качестве вознаграждения плату, а также земельные наделы. Младшие дружинники, гезиты, по преимуществу жили в королевских бургах и выполняли наряду с военными и другие функции, выступая нередко в качестве королевских чиновников. Более знатные приближенные короля, тэны, как правило, владели землей и часть времени проводили в своих усадьбах, находясь при дворе короля установленные сроки. Они также участвовали в управлении государством, были членами королевского совета, выступали в качестве должностных лиц. Значение служилой знати по мере развития англо-саксонского общества растет, и выполнение военной повинности становится первой обязанностью знати. С другой стороны, основную массу войска составляло ополчение, набиравшееся по территориальному принципу: по одному снаряженному воину из числа свободных общинников-кэрлов от земельного владения в пять гайд. Каждый административный округ, таким образом, поставлял в войско короля определенное количество людей, возглавляемых элдорменом этого округа и местными тэнами-землевладельцами.³² Строгое соблюдение воинской повинности и наличие профессиональной части войска привело к созданию в IX—X вв. мощной и боеспособной армии, которая успешно справлялась со сложными задачами, вставшими перед Англией в это время.

Одновременно происходит становление органов государственного управления, в VII в. находившихся еще в зачаточном состоянии. Однако именно тогда формируются некоторые основные принципы

будущей системы управления, которая более отчетливо проявляется в IX—XI вв.³³ Создается сеть административных округов — шайров (впоследствии — графства), управление которыми осуществляют королевские чиновники — герефы, которые управляют королевскими именами, занимаются сбором податей в пользу короля, представляют интересы короны, а позднее обязаны заботиться о поддержании порядка («Законы Этельстана», § 11; «Законы Эдгара», § 3, 1; 959—975 гг.). В обязанности элдорменов, представителей наиболее знатных родов, первоначально входит сбор налогов и судебных пошлин в пользу короля, руководство окружным ополчением во время военных действий, отправление судопроизводства. В правление Альфреда на территории к югу от Темзы элдормены назначались в каждый из шайров, но в конце X—первой половине XI в. власть элдорменов (под влиянием скандинавской социальной терминологии их теперь обычно называют эрлами — от скандинавского *jarl*) распространяется на несколько округов, а непосредственное управление ими переходит к шерифам (*scirgerefa*), выполняющим только административные и судебные функции.

Основным органом местного управления на протяжении всего англо-саксонского периода остается совет шайра, возглавляемый вначале элдорменами, а позднее шерифами. Через эти советы король осуществляет все усиливающийся контроль за состоянием дел. Судебники X в. определяют, что совет шайра должен собираться не реже двух раз в год, рассматривая тяжбы и судебные дела, выходящие за пределы компетенции низшей судебной инстанции — собрания сотни, а также решая вопросы налогообложения, военной службы и пр. Более мелкие судебные дела рассматривались на собраниях сотен, небольших административно-территориальных единиц, составлявших шайр. В них участвовали представители сельских общин, входящих в сотню, священники, крупные землевладельцы, а позднее и специальные чиновники. Посещение собраний сотни являлось обязанностью и привилегией всех свободных общинников-кэрлов. Под руководством выборного «сотенного», а позднее королевского чиновника вершился суд над преступниками, рассматривались тяжбы, решались вопросы местного управления. На собраниях сотен лежали также и полицейские функции: обязанность найти и обезвредить преступника, обеспечить уплату вергельда.

Высшим органом государственного управления являлся уитенагемот, совет знати при короле. В его состав входили члены королевской семьи, епископы, элдормены, королевские тэны. Вплоть до конца англо-саксонского периода функции уитенагемота не были расчленены: на его собраниях решались все административные, судебные, законодательные и внешнеполитические вопросы. Члены уитенагемота утверждали (или в случае необходимости избирали) короля, участвовали в составлении законов, свидетельствовали особо крупные земельные пожалования, принимали решения о войне и мире.

Можно предполагать, что и собрания сотен, и королевский совет восходят к народным собраниям и советам старейшин, существовавшим в родовом обществе. На это указывает и происхождение названия «уитенагемот»: от слова *witan* — «мудрый, знающий». Но в IX—XI вв. и тот и другой при всей нерасчлененности функций являются органами управления раннефеодального государства.

* * *

С течением времени все ярче проявляется тенденция к объединению отдельных королевств и формированию единого древнеанглийского государства. Нортумбрия, Уэссекс, Мерсия, Восточная Англия — наиболее крупные из английских королевств — в VII—IX вв. поочередно главенствуют над остальными. Правители господствующего королевства получают титул *Bretwalda* — «правитель Британии», который не был номинальным, но давал реальные преимущества перед другими королями: право на дань от остальных королевств, на утверждение крупных земельных пожалований. При дворе «правителя Британии» собирались другие короли, во время войны они должны были оказывать ему военную помощь. В статье 829 (827) г. автор «Англо-саксонской хроники» насчитывает за весь период жизни германцев на Британских островах всего восемь правителей, которые удостоились этого титула (точнее, были достаточно могущественны, чтобы завоевать его).³⁴

В VII в. на первое место выдвигается Нортумбрия и удерживает приоритет на протяжении трех поколений. В конце VII в. господству-

ющее положение захватывает Мерсия; короли Этельбалд и Оффа распространяют свою власть на всю территорию южнее Хамбера, и лишь в начале IX в. к верховной власти приходят короли Уэссекса, господство которых на протяжении более двух столетий объясняется как высоким социально-экономическим развитием южной Англии, так и политической ситуацией, сложившейся в стране в IX в.

Это столетие во многих отношениях было переломным и знаменовало начало нового этапа в развитии англо-саксонского общества. Изменения в характере землевладения, в положении свободных общинников, резкое усиление королевской власти и укрепление аппарата управления означали зарождение феодальных отношений и создание государства. Немало способствовала этому внешняя опасность, которая в IX в. потребовала от Англии напряжения всех сил. Эта опасность исходила от бывших соседей англов и ютов на континенте — датчан, а позднее — от норвежцев и шведов.³⁵

В VIII в. скандинавские народы вступают в стадию перехода от вожеств к ранним государствам, что сопровождается усилением внешней экспансии. Аналогичную ситуацию переживали племена англо-саксов в V в., когда миграционные процессы привели их на Британские острова. Семьсот девяносто третий год открыл новую эпоху как в жизни европейских стран, расположенных на западе и юге Европы, так и в самой Скандинавии — эпоху викингов.³⁶ В этом году датчане напали и полностью разграбили монастырь Св. Петра на о-ве Линдисфарн (рис. 11), в следующем году пострадал монастырь в Ярроу, а в 795 г. скандинавских викингов увидели жители сразу южной и западной Англии и Ирландии. Скандинавы и ранее плавали в Западную Европу, торговали с местным населением, иногда совершали нападения на прибрежные селения. Но события последнего десятилетия VIII—середины IX в. превосходили все предшествующее своими масштабами. До 830-х гг. датчане с востока и юга и норвежцы с севера и запада совершают набеги, грабя населенные пункты и монастыри на побережье и в устьях крупных рек. Норвежцы оседают на Шетландских и Оркнейских островах, которые на протяжении всего Средневековья будут принадлежать Норвегии, нападают на Ирландию, о-в Мэн, северное и западное побережья Англии. Ужас и панику сеют викингские корабли-«драконы» (рис. 12). Ежегодные нападения

Рис. 11. Нападение викингов, резьба на камне, Линдисфарн, IX в.

Рис. 12. Корабль из Усеберга, начало IX в.

норманнов были истинным бедствием для Англии, гораздо худшим, по мнению современника, чем голод или мор: «Послал всемогущий Бог толпы свирепых язычников — данов, норвежцев, готов и свеев; они опустошали грешную землю Англии от одного морского берега до другого, убивали народ и скот и не щадили ни женщин, ни детей». Обладавшие отличной военной организацией и прекрасным вооружением, викинги в середине IX в. перешли от разовых набегов к захвату и колонизации обширных территорий на юго-востоке Англии, которые привели к существенным изменениям политической карты страны (см. карту 2).

С 835 по 865 г. ежегодно отряды датских викингов на десятках кораблей («Англо-саксонская хроника» насчитывает их в некоторых походах до 350) осаждают южное и восточное побережье Англии. Вслед за нападением на о-в Шеппей в устье Темзы разорению подвергается п-ов Корнуолл, Эксетер, Портсмут, Винчестер, Кентербери, наконец, Лондон. В 851 г. викинги впервые зимуют в Англии. До этого, проводя у ее берегов лишь летнее время, они возвращались осенью домой. Нечасто проникали они пока и вглубь острова, ограничиваясь прибрежной полосой в 10—15 км. Разрозненные и ведущие непрерывные междоусобицы, английские государства, не имевшие опыта отражения нападений с моря, оказались бессильными перед лицом хорошо вооруженного, обученного и организованного врага, использующего быстроходные корабли с малой осадкой, что давало возможность викингам подплывать прямо к берегу (рис. 13, 14).

В 30—50-е гг. IX в. усиливается натиск норвежцев на Ирландию. В 832 г. некий Тургейс, по сообщению поздних ирландских источников, насыщенных легендами, высадился со своей дружиной на севере Ирландии, затем, воспользовавшись междоусобицей местных правителей, захватил Ольстер и главный город области и религиозный центр Армах, после чего победно прошел чуть ли не по всей Ирландии, став ее верховным правителем. Но несмотря на то, что часть ирландцев примкнула к нему, борьба с завоевателями ширилась, и в 845 г. Тургейс был взят в плен и погиб. В 850—855 гг. в борьбу вступают датчане, но норвежцы, отступившие было после смерти Тургейса, снова набирают силы, и в 853 г. их флотилия под командой некоего Олава, сына норвежского конунга (его обычно отождествляют с полулеген-

дарным Олавом Белым), подходит к основанному Тургейсом Дублину. Ирландцы признали власть Олава и выплатили дань, а также вергельд за Тургейса. Норвежское королевство, основанное Олавом, с центром в Дублине просуществовало более двух столетий и послужило исходным пунктом для норвежской колонизации западной Англии.

На востоке же экспансия датчан приобрела новую форму: «Великое языческое войско» датчан, как его называет «Англо-саксонская хроника», высадилось в Восточной Англии осенью 865 г. Его вели сыновья знаменитого легендарного викинга Рагнара Кожаные Штаны — Ивар Бескостный и Хальвдан. Проведя год в Восточной Англии по соглашению с местными властями, они обзавелись конями и снаряжением для дальнейших походов вглубь страны. В одном из сражений был убит король Восточной Англии Эдмунд, вскоре после смерти канонизированный как святой мученик (рис. 15). Первый из последующих походов был направлен на Йорк. Как рассказывается в исландской «Саге о Рагнаре Кожаные Штаны», целью Ивара и Хальвдана была месть за отца, который был захвачен королем Нортумбрии Эллой и окончил жизнь в змеином колодце в Йорке. Эта история напоминает легенду, но каковы бы ни были истинные причины, 1 ноября 866 г. датчане вошли в Йорк. Объединившиеся для отражения скандинавов два враждовавших до того претендента на нортумбрийский трон пали в битве, юго-восточная Нортумбрия попала во власть датчан, а северо-западная — под власть норвежцев, нападение которых совпало с походом Ивара и Хальвдана. На протяжении девяти лет датское войско сражалось в Мерсии, нападало на Уэссекс, разгромило совместную мерсийско-уэссекскую армию, руководимую Этельредом и его братом Альфредом, захватило в 871 г. Лондон. Наконец, в 876 г., разделившись на две части, датское войско начало оседать на захваченных землях. Хронист записывает под этим годом: «Хеальвдене поделил землю в Нортумбрии, и они ее вспахали и стали с нее жить».³⁷ Другая часть войска двинулась снова на Уэссекс, но положение там на этот раз было иным.

После смерти брата в 871 г. к власти пришел Альфред, прозванный позднее Великим. Имея уже большой опыт борьбы с викингами, Альфред отметил две особенности их тактики: использование морского флота и уклонение от сражений в открытой местности. Уже летом 875 г. построенные по указу Альфреда корабли выдержали первые

Карта 2. Нападения викингов и Англия X в.

Карта 2 (продолжение)

Рис. 13. Строительство кораблей, вышивка из Байо, 1070-е гг.

морские сражения. Важным стратегическим действием Альфреда было восстановление старых и основание новых крепостей, способных содержать большие гарнизоны и отражать нападения некрупных отрядов противника или продержаться до подхода основного войска. В источниках упоминается до 30 крепостей, выполнявших к концу жизни Альфреда оборонительные функции. Неудачи на море и тяжелое поражение в битве, которую Альфред навязал датчанам в 878 г., вынудили их покинуть Уэссекс. Предводитель скандинавов Гутрум был крещен и заключил с Альфредом мирный договор,³⁸ после чего и эта часть войска расселилась в Восточной Англии. Таким образом, к 878 г. бóльшая часть земель на востоке острова от р. Тис на севере до Темзы на юге оказалась заселенной датчанами — участниками похода 865 г. — и стала называться Денло — «Областью датского права».

Но политического и военного могущества южной Англии было недостаточно, чтобы один Уэссекс мог и дальше сдерживать натиск датчан. Поэтому в 886 г. Альфред занял Лондон и, используя брачные связи с королевскими династиями Восточной Англии и Мерсии, король которых как раз в это время один умер, а другой бежал за море, стал верховным правителем всей Англии, не занятой датчанами. Так в ходе сопротивления внешним нападениям начало формироваться единое древнеанглийское государство.

По социально-экономическому развитию скандинавы, расселившиеся в Англии, значительно отставали от англо-саксов. Принесенные ими формы землевладения, политический строй, правовые нормы

Рис. 15. Гибель короля Эдмунда, миниатюра из рукописи «Жития св. Эдмунда», ок. 1130 г.

Рис. 16. Ангелы венчают Кнута, преподносящего вместе с Эльфгивой крест аббатству в Хайд, миниатюра из рукописи ок. 1031 г.

были намного примитивнее и архаичнее англо-саксонских. Но, рассеяясь среди местного населения, скандинавы довольно быстро усвоили более прогрессивные формы социально-экономического уклада англо-саксов, хотя и придав им некоторое своеобразие.³⁹ В X в. в Денло, как и по всей Англии, устанавливается система административно-территориальных округов (*wapentac* в Денло и сотни в других частях Англии) для взимания податей, формируется зависимое крестьянство. Большое значение имела христианизация язычников-датчан, стиравшая грани в духовной культуре местного и пришлого населения. Различия же их в материальной культуре уже в первой половине X в. перестают ощущаться в результате отмечаемого археологами этнического смешения и постепенной ассимиляции датчан.⁴⁰

Процессы этнического синтеза собственно в Денло усугублялись в X в. активными действиями преемников Альфреда, перешедших от обороны к наступлению. Эта борьба привела к подчинению Денло власти английских королей и прекращению его политической независимости. В 955 г. был изгнан последний скандинавский правитель Йорка норвежец Эйрик Кровавая Секира, и вся Англия, включая Нортумбрию и северо-западную Мерсию, была объединена в руках уэссекской династии, которая удерживала власть до начала XI в.

В правление Этельреда Нерешительного (978—1016 гг.) начинается вторая волна экспансии скандинавов. Войско датского короля Свейна Вилобородого в 1003—1010 гг. грабит земли на востоке Англии, не встречая особого сопротивления. «Когда даны были на востоке, тогда наше ополчение было на западе, а когда даны были на юге, наше ополчение было на севере. Тогда всех уитанов призвали к королю, чтобы решить, как эту землю защищать, но, какие бы решения ни принимались, их исполняли не больше месяца. И уже ни один предводитель не хотел собирать ополчение, каждый бежал при первой возможности», — писал англо-саксонский анналист.⁴¹ Английское государство выплачивало колоссальные контрибуции, откупаясь от нападений: «Англо-саксонская хроника» сообщает о выплате датчанам 24 000 фунтов серебра в 1002 г., 36 000 фунтов — в 1007 г. Мощный поток серебра отразился в скандинавских кладах этого времени, содержащих около 35 000 англо-саксонских монет, большая часть которых чеканена при Этельреде Нерешительном.⁴²

В 1013 г. Свейн высадился в Сэндвиче, затем вошел в Хамбер и вверх по р. Уз доплыл до Гейнсборо, где его провозгласили королем Нортумбрии. Отсюда он направился в Мерсию и Уэссекс, после ожесточенного сопротивления захватил Лондон и стал королем всей Англии. Этельред оказался перед необходимостью бежать в Нормандию. В 1016 г. после смерти Свейна (ум. в 1014 г.) королем Англии становится сын Свейна Кнут. Его популярность в стране упрочилась женитьбой на вдове Этельреда Эмме (рис. 16). За время его правления (он умер в 1036 г.) внутреннее и внешнее положение Англии стабилизируется. Однако его сыну Хардакнуту не удалось удержать власть, и с 1042 г. после нескольких лет междоусобной борьбы английское государство вновь вернулось к представителю старой англо-саксонской династии Эдуарду Исповеднику, сыну Этельреда Нерешительного и Эммы.

* * *

Немаловажную роль в социально-экономическом развитии англо-саксонского общества играла церковь. Рассказывается, что будущий папа Григорий I однажды увидел в Риме красивого юношу-раба, привезенного для продажи. Пораженный благородством осанки и силой юноши, Григорий заинтересовался им. Узнав, что это житель Британии, он высказал сожаление, что столь могучий и красивый народ пребывает в грехе, не ведая истинного Бога. Вскоре после восшествия на папский престол Григорий направил в Британию Августина для проповеди христианства.⁴³

Шел 597 год, и, конечно, христианская религия не была чужда населению Британских островов. Многие группы кельтов были христианизированы еще в III в., задолго до переселения германцев, но в ходе завоевания церковь утратила былые позиции. Значительная часть христиан-кельтов эмигрировала на континент, в Арморику, часть ассимилировалась германцами. Однако на западе страны и в Ирландии сохранились немногочисленные монастыри, где поддерживались традиции кельтского варианта христианства.⁴⁴ В Ирландии по-прежнему жило немало отшельников (рис. 17), один из которых, св. Колумба (521—597 гг.), совершил попытку привести англо-саксов в лоно церк-

Рис. 17. Ирландская часовня в Галлерус, Ирландия, VI—VII вв.

ви и основал знаменитый впоследствии монастырь на о. Иона. Успеха эта миссия не имела. Тем не менее к началу VII в. почва для принятия новой религии была подготовлена как собственным развитием общества на путях к государству, так и постоянными контактами с христианским миром. Поэтому миссии св. Августина и последующих проповедников принесли желаемые результаты.

Однако на всем протяжении VII в. положение христианской церкви в Англии было неустойчивым. Правители, принимая новую веру, во многом руководствовались практическими соображениями и при изменении обстановки легко возвращались к язычеству. Король Кента Этельберт в 601 г. принял христианство под влиянием своей супруги, французской принцессы-христианки, которая привезла с собой епископа; но вскоре после его смерти в 616 г. культ языческих богов был восстановлен, хотя и ненадолго.⁴⁵ Лишь в середине VII в. кентские короли получили возможность уничтожить языческие капища, но прошло еще 50 лет, прежде чем король Кента Уитред установил штраф за идолопоклонство. В середине VII в., во время эпидемии чумы, проповедники-христиане, как сообщает Беда, были вынуждены бежать из, казалось бы, обращенного Эссекса: их сочли виновниками гнева языческих богов.⁴⁶ Идолопоклонство охватило все королевство, и потребовалось немало времени, чтобы укрепить положение христианства в этой части Англии.

Нередки были и случаи двоеверия. Рэдвальд, король Восточной Англии и один из восьми «правителей Британии» (ум. около 624 г.), погребение которого было, вероятно, раскопано в Саттон-Ху, был крещен, но затем вернулся к вере предков и в храме установил два алтаря: один для христианского богослужения, другой — для языческих ритуалов.⁴⁷ В его захоронении, языческом по обряду (в корабле, с большим количеством различных предметов), обнаружены две ложечки для причастия, на одной из которых выгравировано имя «Павел», на другой — «Савл».

Еще позже проникает христианство на север и северо-запад Англии. Христианизация Мерсии начинается лишь с 655 г. Однако политические выгоды христианства, его способность поддержать королевскую власть были быстро оценены знатью английских королевств.

Методы введения новой религии и первоначальные формы церковной идеологии, внедряемой в сознание массы населения в Англии, на этой окраине христианского мира, были своеобразны и отличались значительной терпимостью. Тонкий политик, папа Григорий I писал в 601 г. миссионерам, действовавшим в Британии: «...храмы идолов этого народа не должны быть разрушены. Уничтожив находящиеся в них идолов, возьмите святую воду и окропите эти капища и воздвигните в них алтари и поместите святые реликвии. Ибо если храмы выстроены прочно, весьма важно заместить в них служение идолам служением Истинному Богу. Когда эти люди увидят, что святилища их не разрушены, они изгонят заблуждения из своих сердец и с большой охотой придут в знакомые им места, чтобы признать Истинного Бога и молиться Ему. Также можно заменить каким-либо праздником присущий им обычай закалывать быков в жертву демонам. Так, в день освящения даров или в праздники святых мучеников, чьи реликвии помещены в храме, следует позволить им возводить вокруг храма шалаши из веток и праздновать там. Не давайте им приносить животных в жертву дьяволу, но пускай они сами употребляют их в пищу, благодаря Творца всех созданий за Его щедрые дары. Так через внешние радости им легче будет прийти к радостям внутренним; ведь невозможно в один миг лишить всего их неподатливые умы».⁴⁸ Постепенное вытеснение языческих обычаев, подмена их христианскими вплоть до временного сохранения языческих божеств, но уже в другой ипостаси — как злых духов, пособников дьявола, — такова тактика христианской церкви во вновь обращенных странах.

Одним из таких примеров приспособления языческих представлений и их совмещения с христианскими служат сохранившиеся в более поздних рукописях заклинания. В одном из них, от прострела и ревматических болей, языческие боги, эсы (сканд. «асы»), приравниваются к ведьмам, а все заклинание завершается обращением к христианскому Богу:

От внезапного колотья — ромашка и красная крапива, прорастающая
сквозь стену дома, и щавель. Кипяти в масле.

В стремительной скачке неслись по холмам,
по землям мчались злобные духом.

Защищайся теперь, исцелись от зла!

Вон, копьецо, коль вонзилось внутри!
Я щит свой схватил, сверкающий панцирь,
когда могучие девы урожай собирали,
полет ускоряли визжащих копий.
Я пошлю им обратно дар не хуже —
рассекшую воздух, разящую стрелу.

Вон, копьецо, коль вонзилось внутри!
Кузнец ковал, нож точил,
грозное оружие, гибель несущее.

Вон, копьецо, коль вонзилось внутри!
Шесть кузнецов ковали,
копья смерти точили.

Вон, копьецо, коль вонзилось внутри!
Коль кроха железа скрылась внутри,
творение ведьм — да течет оно вон!
Ранен ли ты в кожу,
или ранен в плоть,
или ранен в кровь,
или ранен в кость,
или ранен в ногу — да не вредит твоей жизни!
Ранен ли ты эсами,
или ранен эльвами,
или ранен ведьмами — я помогу тебе!
Это — против ран эсов,
это — против ран эльвов,
это — против ран ведьм — я помогу тебе!
Пусть летит в горы посланный копье!
Да излечишься ты,
да поможет тебе Бог!⁴⁹

Несмотря на поражение 664 г., когда на соборе в Витби (Нортумбрия) были отклонены ирландские, но приняты римское вычисление даты Пасхи и ряд правил римской церкви, кельтские миссионеры не прекращают своей деятельности на севере и северо-западе Англии. Монастырь на о. Иона стал центром распространения христианства на территории севернее Хамбера, т. е. в первую очередь в Нортумбрии. Кельтские миссионеры в VII—VIII вв. наводняют не только Англию, но и континент, проповедуя христианство у германцев-язычников: во Фризии, Саксонии. Они играют немалую роль в становлении христианской церкви в этих областях: занимают посты епископов, основывают

многочисленные монастыри, становятся их настоятелями. Поэтому влияние кельтской церкви сказалось в немалой степени и в Англии.

Ирландская церковь была по преимуществу монастырской, и это обусловило бурный рост монастырей в Англии VII—IX вв. Одним из первых был монастырь Св. Петра на Линдисфарне, в котором хранились мощи св. Кутберта и который был центром почитания святого (рис. 18), за ним последовало основание монастырей в Или, Ярроу, Витби и десятках других мест (рис. 19). Их создателями были как проповедники христианства, а позднее церковные иерархи, так и представители светской знати, щедро предоставлявшие землю и средства для постройки церквей и монастырских зданий, украшения церквей, приобретения предметов, необходимых для богослужения, и книг. Многочисленные земельные дарения превращают церковь в крупнейшего наряду с королем собственника земли, увеличивают ее богатство и авторитет.

В VIII в. положение церкви упрочивается, создается стабильная система диоцезов — церковных округов во главе с епископами. Еще Августин избрал своим центром Кентербери, где и в последующее время находилась резиденция главы английской церкви. Могущественная и богатая, поддерживаемая Римом, англо-саксонская церковь играла существенную роль в укреплении государства и королевской власти, освящая ее своим авторитетом. Церковные деятели активно включались в решение внутри- и внешнеполитических вопросов, участвовали в составлении судебныхников, являлись членами королевских советов. Как единый организм, не ограниченный пределами отдельных государств, англо-саксонская церковь способствовала их консолидации в IX—X вв.

* * *

Бурная, исполненная перемен общественная и политическая жизнь находила отражение и в духовном мире англо-саксов: в устной словесности и литературе, изобразительном и прикладном искусстве, архитектуре и ремеслах.⁵⁰ Накануне нормандского завоевания Англия славилась на всю Европу изяществом оформления рукописей, великолепием шитья, богатством ювелирных изделий. Неслучайно про-

изведения английских мастеров VIII—первой половины XI в. можно найти во Франции, Германии, Голландии, Италии: это дары английских королей и церковных иерархов правителям и монастырям соседних стран, это сокровища, награбленные викингами и проданные ими в торговых центрах Западной Европы, это, наконец, добыча нормандцев Вильгельма Завоевателя, вывезенная во Францию после 1066 г. Особую ценность и привлекательность англо-саксонским изделиям придавало на редкость своеобразное соединение различных традиций: римских, кельтских, скандинавских, французских, — элементы которых, переосмысленные и сочетаемые с древнегерманскими, сливались в новых формах островного стиля.

Наиболее ранними, сохранившимися до нашего времени памятниками искусства являются ювелирные изделия из драгоценных металлов и бронзы.⁵¹ Уже в VI в. англо-саксы великолепно владеют техникой филиграни и перегородчатой эмали, инкрустации и чеканки. Круглые броши, первоначально заимствованные у франков, усложняются по своему оформлению, в котором широко используются мотивы германского «звериного стиля» — схематического изображения животных и птиц (рис. 20). Под влиянием кельтского искусства входит в обиход геометрический узор (рис. 21). Вставки из гранатов, горного хрусталя, цветного стекла придают им особую пышность, как, например, броши VII в. из Кингстона (рис. 22). Полихромный стиль становится излюбленным в VI—VII вв. Камни, чаще всего гранаты, вставлялись между золотыми перегородками, которые образовывали различные геометрические фигуры: звезды, розетки. Так оформляются в языческое время броши, застежки (рис. 23), рукояти мечей (рис. 24), после принятия христианства — кресты (рис. 25). Основным материалом для них является золото, реже — серебро и бронза.

В это же время не меньшей популярностью в орнаментике пользуется «звериный стиль», германский по своему происхождению.⁵² Схематические фигуры животных украшают броши (рис. 26), застежки, бытовые вещи (рис. 27), предметы вооружения (рис. 28). Кельтский декоративный мотив — плетенка — подсказывает англо-саксонским мастерам новую возможность: его соединение со «звериным орнаментом», что достигается созданием сложнейших композиций, в которых туловища, лапы, шеи, хвосты животных удлиняются и переплетаются,

Рис. 18. Руины монастыря Св. Петра на о. Линдисфарн

Рис. 19. Церковь Св. Лаврентия в Брэдфорде-на-Эйвоне, ок. 700 г. (перестроена в X в.?)

Рис. 20. Брошь. Серебро. Клад из Пентни, начало IX в.

Рис. 21. Кольцо. Золото. Клад из Западного Йоркшира, начало XI в.

Рис. 22. Брошь из Кингстона. Золото, гранаты, стекло, перламутр. VII в.

Рис. 23. Застежка для плаща из погребения № 1 могильника в Саттон-Ху. Золото, гранаты, эмаль. Начало VII в.

Рис. 24. Накладка на рукоять меча. Золото, серебро, гранаты.
Стаффордширский клад, VII—начало VIII в.

Рис. 25. Крестик из погребения близ Кембриджа. Золото, гранаты.
Вторая половина VII в.

Рис. 26. Фибула. Бронза. VI в.

Рис. 27. Накладка на крышку кошелька из погребения № 1 могильника в Саттон-Ху. Золото, эмаль. Начало VII в.

Рис. 28. Накладка на щит из погребения № 1 могильника в Саттон-Ху. Золото, серебро. Начало VII в.

образуя причудливые узоры. Все чаще очертания зверя теряются в извивах полос, плетенка занимает все пространство орнаментируемого предмета. Вот два восточноанглийских изделия (рис. 6 и 26). На броши еще различимы звериные головы в центре, тогда как поле застежки пояса заполнено плетением.

Разнообразие ювелирной техники допускало изготовление самых различных предметов из многих материалов. Тонкая чеканка серебряного кольца (рис. 29) и инкрустация золотом, гранатами и стеклом по моржовой или слоновой кости на крышке кошелька из Саттон-Ху (рис. 3), пять медальонов с черненными по серебру изображениями Христа во славе и евангелистов на «кубке Тассило» (около 770 г., рис. 30) и реликварий в форме дома с инкрустацией (рис. 31) являются свидетельствами высокого мастерства англо-саксонских ремесленников VI—VIII вв. Эти же традиции продолжают и развиваются в IX—XI вв. (рис. 32).

Большое распространение приобретает другая форма прикладного искусства — резьба по кости.⁵³ Как и скульптура в целом, англо-саксонская резьба зарождается под сильным влиянием позднеримской пластики, и древнейшие ее образцы, как, например, некоторые изображения на ларце Фрэнкса (VII в., рис. 33), обладают монументальностью и статичностью позднеантичных прототипов. Постепенно, однако, в резьбе усиливаются естественность, выразительность, динамика (рис. 34). Крышка Евангелия из слоновой кости (рис. 35) с двенадцатью сценами на новозаветные сюжеты и в центре — с фигурой Христа, несущего крест, обнаруживает не только тенденцию к реалистичности, но и глубокую экспрессию и одухотворенность сложных многофигурных композиций. Стремление к максимальной выразительности в резьбе по кости, дереву выливается в страстные, патетические сцены, как, например, на навершии епископского посоха середины XI в. с напряженными, полными движениями и патетики фигурами людей (рис. 36).

Одновременно развивается, хотя и в более традиционных формах, резьба по камню, уходящая корнями в кельтское искусство.⁵⁴ Уже в VII в. в Ирландии появляются каменные кресты с рельефами, изображающими Христа и сцены на евангельские сюжеты. Одним из лучших является крест из Монастербойс (около 900 г.), на котором высе-

Рис. 29. Кольцо из р. Темза, Лондон. Серебро. 775—850 гг.

Рис. 30. Кубок Тассило. Серебро, позолота. Ок. 770 г.

Рис. 31. Реликварий в форме дома. VIII—начало IX в.

Рис. 32. Реликварий в форме распятия. Слоновая кость. XI в.

Рис. 33. Ларец Фрэнкса. Моржовая кость. Конец VII в.

Рис. 34. Богоматерь с младенцем. Слоновая кость. 1000—1020 гг.

Рис. 35. Крышка евангелия. Слоновая кость. Начало IX в.

Рис. 36. Навершие епископского посоха. Слоновая кость. Ок. 1000 г.

чены рельефы на темы страстей Христовых, а в перекрестии ветвей — фигура распятого Христа (рис. 37). Проникая сначала в Нортумбрию, камнерезное мастерство распространяется и в других частях Англии. Нередко скульптурные композиции на крестах сопровождаются текстами на латинском и древнеанглийском языках, причем последние нередко выполняются английским руническим письмом. Наиболее примечателен Рутвельский крест (рис. 38 а, б), который наряду с изображением Марии с младенцем, Марии Магдалины, Иоанна Крестителя, сцен «Благовещения», «Бегства в Египет» и многими другими содержит фрагмент поэмы «Видение креста», сохранившейся полностью в пергаменной рукописи. Проникновение скандинавского искусства в IX—X вв. заметно сказывается на орнаментике крестов: сложное переплетение полос в скандинавском стиле заполняет поверхность ствола одного из самых высоких — 4,6 м — крестов, увенчанного небольшими ветвями с кольцом (рис. 39 а). Включенные в орнамент барельефы сочетают скандинавские мифологические (закованный Локи: рис. 39 б; бог Хеймдалль, трубящий в рог; бог Видар, разрывающий пасть волка Фенрира; «рыбалка» бога Тора, пытавшегося вытащить на берег мирового змея Йормунганда) и христианские (распятие Христа) сюжеты. Насколько можно судить по письменным источникам, эти и десятки других крестов служили для совершения молитв и упрощенных богослужений в тех местах, где поблизости не было церквей, заменяя до известной степени алтари. Тем более странно выглядит крест из Миддлтона (Йоркшир) с изображением викинга (рис. 40) и без каких-либо христианских символов, кроме самой формы памятника. Вероятно, он был высечен скандинавским резчиком-язычником, жившим в Денло или Нортумбрии и усвоившим обычную для каменных монументов Англии форму — крест. Другой работой, бесспорно принадлежащей скандинаву, является изображение «большого зверя» — традиционный мотив «звериного стиля» в Скандинавии — на каменной плите, найденной в Лондоне, с типичной мемориальной надписью, выполненной скандинавскими рунами: «Гинна и Токи велели установить этот камень» (рис. 41). Поскольку камень находился в захоронении, хорошо сохранилась его первоначальная раскраска.

В значительно меньшей мере известны архитектурные памятники англо-саксов.⁵⁵ Подавляющее большинство построек было деревян-

Рис. 37. Каменный крест с изображением страстей Христовых из Монастербойс, Ирландия. Ок. 900 г.

Рис. 38 а. Каменный крест из Рутвелла, Нортумбрия.
Вероятно, VIII в. (общий вид)

Рис. 38 б. Каменный крест из Рутвелла, Нортумбрия.
Вероятно, VIII в. (деталь)

Рис. 39 а. Каменный крест из Госфорда, Камбрия.
Первая половина X в. (общий вид)

Рис. 39 б. Каменный крест из Госфорда, Камбрия.
Первая половина X в. (деталь «Наказание Локи»)

Рис. 40. Каменный крест с изображением викинга из Миддлтона, Йоркшир, X в.

Рис. 41. «Большой шагающий зверь» на каменной плите, Лондон, начало XI в.

Рис. 42. Церковь в Эскомбе, Дарем, ок. 680 г.

Рис. 43. Башня церкви Св. Петра в Бартон-на-Хамбере, северный Линкольншир, ок. 970 г.

ными, и даже при раскопках их остатки прослеживаются с трудом. Каменное строительство началось в VII—VIII вв., причем по преимуществу это были монастырские здания и церкви. Светских строений этого времени практически не сохранилось, да и немногие уцелевшие церкви подверглись в последующее время перестройкам и поновлениям. Тем не менее постройки англо-саксонского периода свидетельствуют о проникновении на остров романской архитектуры и ее чрезвычайном упрощении. Небольшие размеры, крайне скромное наружное оформление как стен, так и порталов характерны для большинства церквей, в том числе для древнейшей сохранившейся почти без поновлений церкви в Эскомбе (рис. 42). Лишь в X—XI вв. появляются более значительные строения, непременным элементом церквей становится башня в юго-западной части (рис. 43), начинают использоваться некоторые элементы декоративного оформления стен. Но наибольших успехов в христианское время англо-саксы достигли в литературе и в искусстве рукописания и оформления рукописей.

Глава 2

ИСКУСНЫЕ В КНИГАХ

К V в. словесность германских народов насчитывала несколько веков интенсивного развития. Римский историк I в. н. э. Корнелий Тацит писал, что события прошлого запечатлеваются германцами в поэтической форме и эти «древние песнопения» любимы всеми.¹ Существовали также сказания о богах, которых Тацит отождествляет с богами римского пантеона, но ни одного произведения континентальных германцев на мифологические темы мы не знаем. Лишь в древнейшем дошедшем до нас поэтическом тексте на древневерхненемецком языке, Втором Мерзебургском заклинании (сохранилось в рукописи IX в.), упоминаются Водан (сканд. Один), Фрейя и Бальдр, хорошо известные по древнескандинавской мифологии, а также ряд других божеств.

Фоль и Водан ехали к лесу.
Тогда у кобылы Бальдра была вывихнута нога.
Тогда заклинала её Синтгунт, Сунна её сестра.
Тогда заклинала её Фрийя, Фолла её сестра.
Тогда заклинал её Водан так хорошо, как он умел
и от вывиха кости,
и от вывиха крови,
и от вывиха сустава:
кость к кости,
кровь к крови,
сустав к суставу
да приклеятся.²

Героические же сказания дошли до нас, хотя и в более поздних обработках: это и фрагмент «Песни о Хильдебранде» (рукопись начала IX в.), и цикл песней об остготском короле Равенны Теодорихе Великом (471—520 гг.), и многочисленные варианты преданий о гибели

Бургундского королевства (позднее отразились в древнескандинавском эпосе — цикл сказаний о Нифлунгах и в немецкой литературе — «Песнь о Нибелунгах»). Традиционные предания о героях, живших во времена Великого переселения народов — в IV—V вв. н. э., были принесены англо-саксами с континента на Британские острова.

Героико-эпическая традиция, подавляемая на континенте христианской культурой, расцвела в благоприятных условиях островной изоляции, как бы относительна эта изоляция ни была. Немалую роль здесь сыграло сохранение языческих верований и представлений на протяжении столетий почти в нетронутом виде. О язычестве англо-саксов известно мало: отдельные упоминания в «Церковной истории» Беды, данные топонимики и свидетельства нескольких римских и средневековых авторов. Наряду с поклонением многочисленным богам общегерманского пантеона, среди них в первую очередь Водану — повелителю королей, дарителю удачи и славы, была широко распространена вера в существование злых духов и чудовищ, в магическую силу заклинаний и заговоров.³ «Нет никого, кто был бы проникнут такою же верою в приметы и гадания с помощью жребия, как они, — писал о древних германцах Тацит. — Вынимают же они жребий безо всяких затей. Срубленную с плодового дерева ветку они нарезают плашками и, нанеся на них особые знаки, высыпают затем, как придется, на белоснежную ткань. После этого... жрец племени... вознеся молитвы богам и устремив взор в небо, трижды вынимает по одной плашке и толкует предрекаемое в соответствии с выскобленными на них заранее знаками».⁴

Языческий мир англо-саксов, как и других германских народов, — мир богов-дарителей плодородия и благосостояния и богов-воителей, наделяющих людей удачей в бою и славой отважного воина. Этот мир населяли и герои — прославленные вожди, бесстрашные и непобедимые витязи прошедших времен, слава которых продолжала жить и служила примером для новых и новых поколений. В период завоевания малоизвестных земель, населенных враждебными племенами, древние сказания были особенно популярны: ведь в них знаменитые предки также сражались за власть и богатство, завоевывали земли и тем стяжали немеркнущую славу среди потомков. Трагический конец многих из них лишь подтверждал их избранность: они мужественно встречали смерть, как подобает героям.

Однако подспудно зревшие исторические перемены незаметно, но неотвратимо воздействовали на духовную культуру, вели к переосмыслению традиционной словесности. Среди этих многообразных процессов был один, непосредственное влияние которого на литературное творчество англо-саксов трудно переоценить. Это было введение христианства.

С VII в. по всей стране возводились церкви, строились монастыри, росло число людей, получивших образование и в этих монастырях, и на континенте, преимущественно во Франкии. Приобщившись к христианству, англо-саксонское общество включилось в сферу культуры, которая уже сформировалась в западноевропейском мире. Ее проповедниками были как посылаемые Римом папские легаты, так и церковные деятели: настоятели монастырей, епископы, церковнослужители, совершавшие путешествия во Францию и Рим. Присланный папой в 668 г. в качестве архиепископа Кентерберийского Теодор из Тарса (668—690 гг.) привез с собой немало рукописей, содержавших церковные и светские произведения. Будучи сам человеком образованным, склонным к просветительской деятельности, Теодор насаждал грамотность и основал первые в Англии монастырские скриптории. Позднее, уже в VIII в., крупнейший деятель Каролингского возрождения Алкуин, наставляя многочисленных писцов, предписывал:

...Пусть берегутся они предерзко вносить добавленья,
Дерзкой небрежностью пусть не погрешает рука.
Верную рукопись пусть поищут себе поприлежней,
Где по неложной тропе шло неизменно перо.
Точкою или запятой пусть смысл пояснят без ошибки,
Знак препинанья любой ставят на месте своем,
Чтобы чтецу не пришлось сбиваться или смолкнуть неожиданно...⁵

Древнейшие сохранившиеся англо-саксонские, по преимуществу нортумбрийские, рукописи свидетельствуют не только о прилежности писцов, но и о высокой технике письма и оформления рукописей.⁶ Уже от VII в. дошли до нашего времени великолепные, украшенные миниатюрами, заставками, колонками манускрипты, созданные в монастырях Англии. Один из наиболее ранних и известных — Линдисфарнское евангелие (ок. 700 г.) (рис. 44). Располагаемые в начале книг,

Рис. 44. Линдисфарнское евангелие, ок. 700 г.

миниатюры являлись своего рода торжественным прологом к священным текстам (все рукописи раннего времени включают произведения религиозного содержания: Евангелия, литургические тексты, сочинения отцов церкви). Особенно распространены были изображения евангелистов (рис. 45), парадные, пышные. Используя позднеантичные образцы, англо-саксонские миниатюристы рисовали евангелистов сидящими на троне в декоративно оформленных неглубоких нишах.

Восприятие буквы как магического знака, свойственное как германцам, так и кельтам, явилось причиной особого распространения инициала: сложного орнаментального изображения начальной буквы в книге или главе. В рукописях VII—IX вв. изощренный узор инициала в некоторых книгах занимает всю страницу (рис. 46) и включает разнообразные мотивы: ирландскую плетенку, растительный и зооморфный орнамент, фигуры людей и животных. Живость и непосредственность рисунка, обращение к светской сюжетике сочетаются с необыкновенной изобретательностью в декоре (рис. 47), сочностью и яркостью красок, среди которых излюбленными были красно-желто-коричневые тона.

Стремление к максимальному украшению рукописей и развитие геометрических орнаментов привели к созданию так называемых ковровых страниц в кельтском и англо-кельтском книгописании. Причудливое переплетение лент, сочетающееся с завитками, спиральями, раструбами, заполняет все поле страницы (рис. 48), причем необходимо отметить удивительное чувство меры и симметрии у миниатюриста: ритмичное расположение основных элементов орнамента, выделение центрального поля и окаймляющей полосы уравнивают динамику рисунка. Нередко геометрический орнамент дополняется рисунками звериного стиля (рис. 49) Нортумбрийский стиль Дарроу—Линдисфарна, во многом обязанный кельтским и римским традициям, сложился как самобытное искусство, высоко ценимое и в самой Англии, и на континенте.

В VIII—IX вв. в результате датского нашествия нортумбрийские монастыри приходят в упадок, почти затухает работа в скрипториях. Производство книг перемещается на юг, и основным центром рукописания становится Кентерберн. В кентерберийских ру-

Рис. 45. Евангелист Иоанн, миниатюра из «Линдисфарнского евангелия», ок. 700 г.

Рис. 47. Ковровая страница из «Линдисфарнского евангелия»,
ок. 700 г.

Рис. 48. Ковровая страница из «Евангелия из Дарроу»,
вторая половина VII в.

Рис. 49. Ковровая страница в зверином стиле из «Линдисфарнского евангелия», ок. 700 г.

копиях миниатюристы чаще прибегают к сюжетным многофигурным композициям, тогда как роль орнаментальных мотивов сокращается (рис. 50).

Второй «золотой век» англо-саксонское рукописание переживает во второй половине X в. Его центром становится юг Англии, и лучшие произведения создаются в Винчестере, занявшем в это время выдающееся место в возрождении искусства и литературы. Тесные связи с Францией обусловили значительное влияние каролингского искусства на формирование стиля Винчестерской школы. Наиболее ранним ее произведением является посвятельный лист Дарственной хартии короля Эдгара (966 г., рис. 51). Исполненный на окрашенном пурпуром пергамене, он изображает короля Эдгара, стоящего между Марией и св. Петром и вручающего хартию Христу. Характерным элементом винчестерской орнаментики является рамка из листьев аканфа. Статичные человеческие фигуры нортумбрийского стиля сменяются динамикой и повышенной экспрессивностью: все находится в движении, которое отражается даже в складках одежд, как бы колеблемых ветром (рис. 52). Изменяется и вид инициалов, утонченных и меньших по размерам, но отличающихся изящным переплетением лент. Рукописи Винчестерской школы завоевывают общеевропейское признание и распространяются по крупнейшим собраниям Европы: английские скриптории получают заказы из монастырей Франции, Италии, Германии. (рис. 53). Наряду с многоцветными миниатюрами широкое распространение получают рисунки, иллюстрирующие текст. Сложная графика и выразительность фигур отличает «Рукопись Кэдмона» (Junius 11) (рис. 54) и ряд других манускриптов, особенно происходящих из Эксетера (рис. 55). К началу XI в. относится первая созданная в Англии карта мира (рис. 56).

Важнейшую роль играют монастыри и как центры образованности. Англо-саксонские монахи и церковные деятели занимаются богословием и литературой, историей и естественными науками. Выдающиеся труды многих представителей англо-саксонской церкви входят в золотой фонд европейской литературы, а монастыри в Кентербери, Йорке, Ярроу уже в VIII в. становятся ведущими центрами Европы не только в области богословия, но и в области латинской и греческой учености.

Рис. 50. Евангелист Лука, миниатюра из «Евангелия св. Августина», Италия, конец VI в.

Рис. 51. Посвятительный лист Дарственной хартии короля Эдгара Нью-Минстерскому аббатству, 966 г.

Рис. 52. Въезд Христа в Иерусалим, миниатюра из «Молитвенника св. Этельвольда», Винчестер, 971—984 гг.

Рис. 53. Поклонение агнцу, миниатюра из «Миссала Робера Жюмьежского», начало XI в.

þam þe þu þuðiað þu h þe. and buðde. alle on
 þoð. þoð bāun þuðo. 7 þuðnd þe. blisse min
 ne. 7 blaþunge. on þuðo. þuðe. þe. þe. þe. þe.
 þe. þuðe. mon. þu. þe. an. 7 þe. und. þe. þe. þe.
 þu. þu. 7 þe. þu. 7 þe. þe. þe. þe. þe. þe. þe.
 þe. þe. þe. þe. þe. þe. þe. þe. þe. þe. þe. þe.

Рис. 54. Господь дает наказ Моисею, миниатюра из «Рукописи Кэдмона», 930—960 гг.

Рис. 55. Христос в чистилище, миниатюра из Псалтыри, ок. 1050 г.

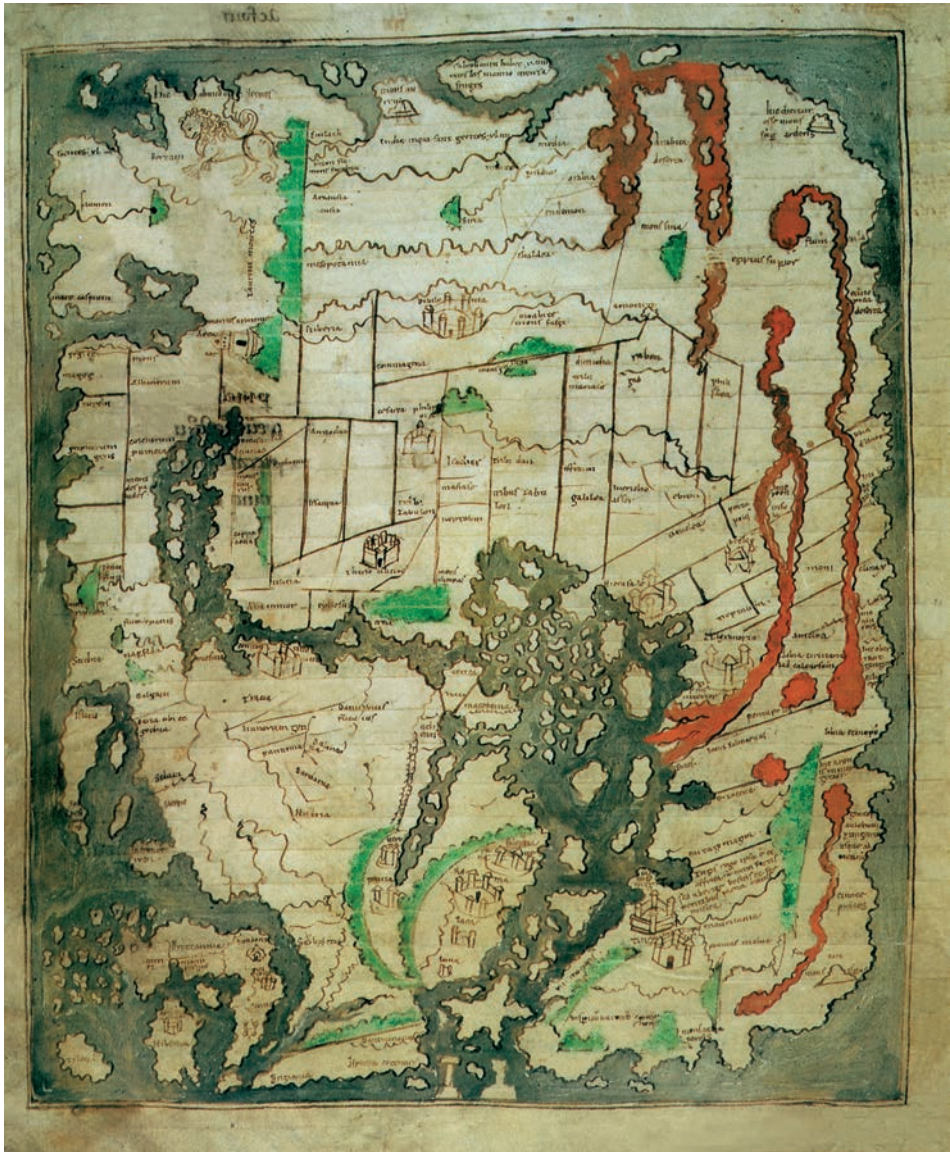

Рис. 56. Англо-саксонская карта мира, 1025—1250 гг.

Так, уже в VII в. начинают формироваться два литературных и, шире, культурных пласта.⁷ С одной стороны, это была принесенная вместе с христианством латинская культура, общеевропейская по своему характеру, с другой — народная поэтическая традиция, основанная на дохристианской культуре древних германцев. Их относительная самостоятельность вытекала как из истоков той и другой, так и из их функционирования в обществе. Первая имела ограниченное распространение и была связана по преимуществу с монастырской средой и — в меньшей степени — с феодализирующей знатю. Вторая — была достоянием всего общества: от широких масс свободных общинников до высшей знати. Первая опиралась на христианскую картину мира, разработанную в сочинениях отцов церкви; вторая воплощала сложившиеся еще в языческую эпоху представления свободного члена общины, рядового дружинника об окружающем его мире. Первая пользовалась по большей части латинским языком, непонятным массе населения (поэтому литература этого направления часто называется англо-латинской, термином достаточно условным, поскольку, как будет видно далее, древнеанглийский язык широко использовался и в монастырской среде), вторая же развивалась исключительно на основе народного, древнеанглийского языка.

Тем не менее, при всей, казалось бы, противоположности этих двух течений их изоляции не было и не могло быть. В сознании христиан-неофитов христианские представления накладывались на языческие понятия, идеи и образы, переплетаясь, сосуществовали и взаимно дополняли друг друга.

Ярким примером этого смешения являются изображения на панелях ларца Фрэнкса (VII в.). «Кузнец Веланд (которого, кстати, Альфред Великий упоминает в своем переводе Боэция. — *Е. М.*) помещен здесь бок о бок с «Поклонением волхвов» (рис. 57); на другой стороне — Ромул и Рем; на третьей — Тит у Иерусалима; на крышке ларца — оборона здания человеком, стреляющим из лука по нападающим; его имя написано над ним — *Ægli* — Эгиль, Стрелок из лука (рис. 58), как Вёлунд — Кузнец в скандинавской мифологии... Очевидно, что художник не подозревал... о том, что в его творениях что-либо неправильно или неестественно. Именно в таких условиях сохра-

Рис. 57. Местъ Веланда (слева) и поклонение волхвов (справа), панель ларца Фрэнкса, конец VII в.

Рис. 58. Осада бурга, панель ларца Фрэнкса, конец VII в.

нялась эпическая поэзия...» — так характеризовал выдающийся исследователь средневековой литературы У. Кёр «состояние умов» в это время.⁸

Становление англо-саксонской литературы на латинском языке протекало под сильным воздействием общеевропейской христианской письменности, эстетические принципы которой, как и литературные формы, уже сложились к VII в. Но существовавшая традиция не была механически усвоена островными авторами. Ее творческая переработка и развитие привели к тому, что уже через столетие, в VIII в., некоторые из произведений англо-латинской литературы получили европейскую известность и заняли почетное место в ряду знаменитейших памятников европейской словесности.

Наиболее ранним в плееде выдающихся писателей Англии был Альдхельм (ок. 639—709 гг.), брат уэссекского короля Инэ, аббат одного из первых англо-саксонских монастырей (Мальмсберийского), впоследствии Шерборнский епископ, канонизированный вскоре после смерти.⁹ Альдхельм прославился своими поэмами и сочинениями на латинском и древнеанглийском языках, хотя последние и не дошли до нас. Уильям Мальмсберийский (начало XII в.) рассказывает как о вполне достоверном факте, что св. Альдхельм часто собирал немалое число слушателей, читая свои поэмы, написанные на древнеанглийском языке и прославляющие Бога или повествующие о его деяниях.¹⁰ Звучные стихи, традиционные по своей форме, привычные звуки арфы — все это облегчало слушателям восприятие нового содержания. В церковной среде пользовались популярностью дидактические трактаты Альдхельма. В списке X в. его сочинению «О похвалах девственности» («De laudibus virginitatis») предпослана небольшая поэма, свидетельствующая о высоком авторитете этого святого и поэта: «Святой и праведный автор, муж, искусный в книгах, благородный поэт Альдхельм, прославленный в земле англо-саксов, — вот кто сочинил меня», — говорится в этом стихотворении как бы от лица самой книги.¹¹

К сожалению, мы знаем лишь одну сторону творчества Альдхельма — его дидактические трактаты, наставляющие монахов и монахинь, священников и паству в христианских добродетелях и проникнутые идеей христианского смирения и аскетизма. Но одно сочинение

Альдхельма, дошедшее до нас, поражает своей самобытностью в трактовке материала и соединением англо-саксонской и континентальной поэтических традиций. Это сборник «Загадки» («Enigmatae»), содержащий 100 стихотворений на латинском языке, чрезвычайно разнообразных по темам и предметам. Здесь мы встретим описания облаков, созвездий, реальных и мифических животных (льва, единорога), предметов вооружения (щита, лат), мельницы и многого другого. Сам жанр загадок (в духе христианской символики) был широко распространен в Западной Европе. Непосредственным образцом сочинения Альдхельма послужили загадки Симфозия (конец V в.). Сохраняя в значительной степени дух своего образца — атмосферу наивного мистицизма, где любое проявление природы, любая вещь обретают высший смысл, отражая волю и мудрость Божественного провидения, Альдхельм широко использует традиционный арсенал поэтических средств народного певца. В таких загадках, как «Ворон», «Орел», «Облако», христианский символизм органично сочетается с реалистическим описанием предмета или явления:

Цвет изменяя, бегу, покидаю и небо и землю,
Ни в небесах постоянного нет, ни на суше мне места.
Нет никого, кто бы так терпел постоянно изгнание,
Но зеленеет весь мир, орошенный дождем моих капель.¹²

Глубоко поэтическое восприятие природы, трогательно-наивный взгляд на мир придают этой загадке Альдхельма, как и многим другим, очарование истинной поэзии. Неслучайно именно эти загадки были переведены или пересказаны на древнеанглийском языке и включены в «Эксетерскую книгу» («Exeter book»), крупнейший сборник англо-саксонской поэзии. Их связь с народной словесностью проявляется и в мироощущении, и в использовании поэтических приемов, типичных для традиционного эпоса и неизвестных латинской литературе: аллитераций, внутренних рифм, нанизывания синонимов. В поэтическом творчестве Альдхельма очевидно стремление сблизить церковную и народную культуры, облечь в формы народной словесности христианскую идеологию.

Выдающимся ученым и писателем своего времени был монах-бенедиктинец монастыря в Ярроу Беда Достопочтенный (672 или

673—735 гг.).¹³ С его именем связана целая эпоха в развитии англо-саксонской литературы. Богатство мысли, глубокая образованность и широта интересов Беда проявились прежде всего в разнообразии тем его сочинений. Наряду с теологией и грамматикой, наиболее распространенными областями ученых занятий в то время, Беда пишет трактаты по математике и медицине, истории и поэзии. Его сочинение «О природе вещей» («*De natura rerum*»),¹⁴ основанное на трудах Плиния и Исидора Севильского, содержит рассказы о создании мира и его устройстве, описания различных явлений природы: звезд, солнца и их путей на небосклоне, комет, радуги, океана, многочисленных камней и растений. Хотя в этом труде во многом сказывается средневековый мистицизм, Беда опирается на достижения естественнонаучной мысли своего времени и на собственные наблюдения природы. Так, например, он приводит собственные доказательства шарообразной формы Земли, связывает приливы и отливы с фазами Луны.¹⁵ Бич Средневековья — чуму — Беда описывает с позиций медицинских знаний VIII в. Возникновение болезни он связывает с чрезмерной засухой или излишней влажностью; он считает, что чума проникает в воздух и попадает в человека с пищей или вдыхаемым им воздухом. В этом описании, как и во многих других, проявляется тенденция к рационалистическому объяснению явлений.

Еще нагляднее эта тенденция обнаруживается в крупнейшем сочинении Беда — «Церковной истории народа англо-саксов» («*Historia ecclesiastica gentis anglorum*»), законченной в 731 г.¹⁶ Этот труд — первый из длинного ряда сочинений, посвященных происхождению англо-саксов и истории Англии, — оказал огромное влияние на развитие раннесредневековой английской и европейской историографии. Во-первых, это было первое авторитетное произведение, где использовалось новое летосчисление — от рождения Христа, предложенное римским диаконом Дионисием Экзегетом в 525 г., — вместо традиционного счета времени от сотворения мира. Авторитет Беда был настолько высок, что его примеру последовало большинство средневековых хронистов. Во-вторых, Беда первым выдвинул и воплотил в своем сочинении идею единства английского народа — *gens anglorum*, объединяющего и англо-саксов, и ютов.

Основная тема «Истории» — распространение и утверждение христианства в Англии. В соответствии с общеевропейской традицией, Беда начинает ее географическим описанием Британских островов. Историческое повествование открывается рассказом о завоевании Цезарем Британии и доведено до 730 г. Большой интерес проявляет Беда к отдельным личностям, сыгравшим значительную роль в истории страны: королям и папским легатам, святым и простым монахам.

Прекрасно знающий западноевропейское историописание, как и богословские сочинения, Беда широко использовал все возможности уточнить имеющиеся в его распоряжении сведения, расширить и пополнить их. Большое значение он придавал точности и достоверности приводимых им сообщений. Он не упускает случая сослаться на авторитеты, процитировать автора, пользующегося всеобщим доверием. Создавая «Историю англос», Беда предпринял небывалую по тем временам работу: он сам и его ученики сверили многие копии документов с оригиналами, хранящимися в других монастырях, а священник Нотхельм, посетивший Рим, по просьбе Беды переписал и сверил с оригиналами документы папской канцелярии, в частности послания Григория I в связи с миссией Августина.

Наряду с документальным материалом и более ранними историческими трудами (например, сочинением Гильдаса) Беда привлекает многие легенды и сказания о событиях прошлого, сохранившиеся в народной памяти. Он прибегает к ним, когда они одни освещали какие-то моменты истории (как, например, упоминавшееся выше сказание о призвании Хенгиста и Хорсы) или сохраняли более подробные сведения об известных по другим источникам событиях.

Велик вклад Беды и в создание канонов агиографической литературы в Англии. Большой популярностью пользовались его краткие жития, включенные в «Церковную историю»: житие св. Освальда из Нортумбрии и св. Чада из Мерсии. Позднее оба они были переведены на древнеанглийский язык и во многом определили канонические формы английской житийной литературы.

Сочинения Беды получили широчайшее распространение в Средневековье. Они высоко ценились во всех странах Западной Европы наряду с трудами Орозия, Исидора Севильского. Беда стал непрере-

каемым авторитетом для многих поколений богословов, хронистов, ученых вплоть до эпохи Возрождения. И не случайно уже в конце XIII в. великий итальянский поэт Данте поместил Беду среди других знаменитейших мудрецов и христианских мыслителей древности в рае.¹⁷

Большое влияние, оказанное Бедой на развитие средневековых естественнонаучных и исторических представлений, было связано не только с глубиной и новизной материала в его трактатах, но и с тем, что Беда имел немало учеников, впоследствии ставших видными деятелями английской церкви. Один из них, Эгберт, глава монастыря в Йорке, превратил его во всемирно известный культурный центр, где спустя несколько десятилетий получил образование Алкуин, один из вдохновителей Каролингского возрождения.

Если Беда провел всю свою жизнь в монастыре Ярроу (7-летним мальчиком его отдали в Веармутский монастырь, а через два года он перешел в Ярроу), то Алкуин — одна из интереснейших личностей своего времени — это человек, немало постранствовавший на своем веку, видевший крупнейшие города средневековой Европы, близко знакомый с наиболее авторитетными церковными и светскими лицами и, наконец, активный участник многих важных событий. Его роль в истории западноевропейской культуры — это роль выдающегося организатора и просветителя, инициатора небывалых по своему размаху и замыслу начинаний, но не самобытного писателя, каким явил себя миру Беда.

Родившийся в 735 г. в Нортумбрии, Алкуин учился в Йорке у ученика Беды Эгберта и стал, как предполагают, епископом Кентерберийским. В 780 г. он был послан в Рим и на обратном пути встретился с Карлом Великим. Встреча изменила всю дальнейшую судьбу Алкуина. С этого времени Алкуин находился преимущественно при дворе Карла, возглавляя созданную им академию. Лишь один раз (в 790—792 гг.) побывал Алкуин в Англии, а в конце своей жизни — с 796 г. — стал аббатом в Туре, где умер в 804 г.¹⁸ Литературное наследие Алкуина представлено многочисленными работами почти исключительно церковного содержания: это трактаты по богословию, на этические темы, комментарии к Библии. Велико и его эпи-

столярное наследие. Вклад Алкуина в развитие средневековой культуры чрезвычайно значителен. «Всем тем, что изучил я у учителей... этим я весьма рад делиться с людьми нашей народности; и не только с ними, но со всеми, которые охотно ищут», — писал он епископу Гигбальду около 783 г. Эти слова можно было бы поставить эпиграфом ко всей его деятельности. Целью его сочинений было «не искание новых путей в науке, но передача старых знаний в возможной их чистоте».¹⁹

После смерти Беда и Алкуина в развитии церковной культуры в Англии наступил некоторый застой, вызванный в первую очередь острой борьбой англо-саксонских государств, особенно Нортумбрии, с нараставшей экспансией скандинавских викингов. Набеги на побережье Северного моря, ограбление и разрушение монастырей и церквей привели к утрате ими прежнего значения. Многие монастыри опустели, средств на их восстановление и поддержание не было: все силы уходили на борьбу, по большей части безуспешную, с отрядами датчан и норвежцев. Не удивительно поэтому, что первая половина IX в. отмечена падением грамотности. Это позволило Альфреду Великому 50 лет спустя написать: «Мало осталось людей по эту сторону Хамбера, понимавших на английском мессу, которую они служат, или хотя бы способных перевести письмо с латыни на английский; я думаю, и по ту сторону Хамбера было не многим больше. Так мало их было, что я никого не могу припомнить из тех, кто жил бы к югу от Темзы в те времена, когда я стал королем».²⁰ Конечно, Альфред сильно сгущает краски, но англо-латинская литература к началу IX в. уже пережила период своего расцвета. Это было связано с вполне определенными причинами.

Памятники латиноязычной англо-саксонской литературы, как это очевидно даже из столь краткой их характеристики, были рассчитаны на образованного читателя, разбирающегося в тонкостях богословской, исторической и естественнонаучной мысли своего времени. Однако таких читателей в средневековой Англии, естественно, было меньшинство. Несравненно больше было людей, восприятию которых церковная культура была доступна лишь в адаптированном виде. Удовлетворение духовных потребностей этой — основной — части

населения: низшего клира, рядовых членов христианских общин потребовало качественно нового по сравнению с эпохой Беда и Алкуина подхода к христианской литературной традиции. Необходимость углубления христианского вероучения в массах, распространения элементарных знаний определила два последующих подъема английской прозы: конца IX и второй половины X—первой половины XI в., но прозы уже не латино-, а англоязычной.

Первый из них связан с литературной деятельностью уэссекского короля Альфреда Великого (849—899 гг., король — с 871 г.).²¹ Продолжая гуманистические традиции Алкуина, Альфред предпринял беспрецедентный для своего времени труд: перевод крупнейших латиноязычных произведений европейского Средневековья на древнеанглийский язык. Поставив своей задачей сделать доступными «некоторые самые необходимые книги на том языке, который мы все понимаем»,²² Альфред и его приближенные — а он собрал вокруг себя по примеру академии Карла Великого наиболее выдающихся представителей богословия, философии и литературы — перевели всего несколько произведений. Но их выбор обнаруживает глубину знаний и тонкость понимания культуры эпохи. Эти сочинения — наиболее полная история своего народа («Церковная история народа англвов» Беда),²³ подробное изложение всемирной истории и географических знаний («Семь книг истории против язычников» Павла Орозия, ум. в 420 г.), произведение, наложившее отпечаток на развитие философской мысли всего Средневековья («Об утешении философией» Боэция, ум. в 524 или 526 г.), литературный памятник, передающий в форме, доступной для широкого читателя, сущность патристического миропонимания («Монологи» св. Августина, ум. в 430 г.), кодекс христианской этики («Обязанности пастыря» и «Диалоги» папы Григория I, ум. в 604 г.), а также первые 50 псалмов.

Благодаря просветительской деятельности Альфреда — работа над переводами была начата в 887 г. и закончилась лишь с его смертью — круг читателей этих выдающихся произведений сильно расширился. Идеи, конкретные сведения о мире, образы и символика этих сочинений стали доступны многим, приобщившимся таким образом к вершинам христианской культуры. Более того, Альфред не стремил-

ся к точному переводу избранных им сочинений: пополнение имеющихся в оригинале сведений новыми, актуальными, комментирование переводимого — таковы методы работы Альфреда. Именно ему современные исследователи обязаны ценнейшими сведениями о жизни народов северной и северо-западной Европы, включенными во всемирную историю Орозия.

В эпоху Альфреда и, вероятно, по его прямому указанию началось составление «Англо-саксонской хроники», содержащей погодное изложение событий, происходивших как в Уэссексе, так и в других королевствах. Не претендующие на стилистическую изысканность или пышность, безыскусные повествования, составленные разными авторами, дают широкую, насколько это возможно в хронике, картину жизни англо-саксонского общества IX—XI вв. Текст «Хроники», созданный в эпоху Альфреда, пополнялся новыми записями вплоть до середины XII в.

Со смертью Альфреда закончился первый взлет англоязычной прозы, и в последующие 50 лет она не дала миру сколько-нибудь выдающихся произведений. Более того, даже статьи «Англо-саксонской хроники» первой половины X в. обнаруживают упадок повествовательного мастерства.

Второй подъем англо-саксонской прозы, который связывают с Бенедиктинским возрождением, приходится на вторую половину X—первую половину XI в. В середине X в. в монастырях, ослабленных нападениями язычников-скандинавов, возобновляется духовная деятельность. Возрождаются заброшенные монастыри, вводится новый монастырский устав, вновь принимает широкий размах переписка книг, составляются новые сборники церковных и светских произведений. Именно к этому времени относятся основные дошедшие до нас рукописи, содержащие эпические памятники (см. примеч. 99). Но центральное место в этой деятельности занимает распространение и углубление богословия, христианской экзегезы и этики. Появляется огромное — несравнимое с предшествующим периодом — число проповедей, комментариев к Библии и сочинениям отцов церкви, житий и оригинальных сочинений на богословские темы, большинство из которых написаны на древнеанглийском языке.

Среди многочисленных авторов этого периода выделяются Эльфрик (955—1010 гг.²⁴) и Вульфстан (?—1023 г.).²⁵ Они оба были крупными церковными деятелями, и значительная часть наследия обоих — проповеди, рассчитанные на чтение перед широкими кругами верующих и посвященные поэтому различным аспектам христианской этики, комментированному пересказу некоторых ветхо- и новозаветных сюжетов, близких житиям святых.

Продолжая традиции Альфреда, Эльфрик, «человек, сопоставимый по количеству им написанного и по свойствам его ума даже с самим Бедой»,²⁶ осуществляет перевод значительной части Ветхого завета на древнеанглийский язык, снабжая его своими комментариями и дополняя упоминаниями трех уэссекских королей: Альфреда, Этельстана и Эдгара.²⁷ Отбор библейских сюжетов был обусловлен двумя основными задачами. С одной стороны, в условиях нового подъема борьбы со скандинавами повествования о таких библейских героях, как Юдифь, Эсфирь, Самсон, а также добавленные Эльфриком краткие жизнеописания уэссекских королей приобретали отчетливое патриотическое звучание, поскольку рассказывали о победах, одержанных этими героями над врагами своего народа. С другой стороны, Эльфрик сознательно избегает сложных богословских вопросов и сюжетов, которые могли бы заронить сомнения или поколебать веру слушателей или читателей его произведения. Наконец, Эльфрик первым из англо-саксонских писателей задумывается над целями и техникой перевода, излагая свои соображения в предисловии к книге «Бытие»: «Тот, кто переводит, или учит (переводу. — *Е. М.*) с латыни на английский язык, всегда должен так располагать слова, чтобы его английский сохранял особые свойства того языка. Иначе будет введен в заблуждение тот читатель, кто не знаком с особыми свойствами латыни».²⁸

Часть проповедей, разъясняющих главные события церковного года (первый сборник из 40 проповедей) и догматы и историю церкви (второй сборник), написаны ритмической прозой с аллитерациями. Эту же технику Эльфрик использует и в житиях святых, причем настолько последовательно, что их издатель, В. В. Скит, представил их в виде стихотворного текста с разбиением на строки.²⁹

Если Эльфрик всю жизнь провел в монастырях, сначала в качестве монаха, а затем аббата Корнельского монастыря (Cerne) и с 1005 г. — новооснованного монастыря в Эйсхеме, то Вульфстан занимал высокие посты в церковной иерархии как епископ Лондона с 996 г. и Вустера и как архиепископ Йорка с 1002 г. и был также выдающимся политическим деятелем, который оказал значительное влияние на внешнюю и внутреннюю политику Англии. Его перу принадлежат многочисленные произведения разных жанров: проповеди, церковные каноны, политические трактаты. В церковном законодательстве он следовал идеям Бенедиктинской реформы: строгое следование монастырскому уставу, регулирование жизни священнослужителей, установление четкой церковной иерархии, примат Римского престола, важность католических, т. е. всеобщих, церковных практик во всем христианском мире. Вульфстан активно участвовал, в том числе и как автор, в составлении законов Этельреда Нерешительного и Кнута Великого и выступал в качестве советника последнего. Его ярко эмоциональные проповеди посвящены нескольким темам: эсхатологии, Антихристу и Страшному Суду (вероятно, в связи с распространенными в конце X в. ожиданиями конца света), христианской догматике, обязанностям епископов и архиепископов. Последняя группа проповедей живописует несчастья, которые должны постичь государство и народ, нарушающие церковные заповеди. Среди них наиболее известна «Проповедь Вульфа (Волка. — *Е. М.*) к англам».

Подъем англо-саксонской прозы в конце X—первой половине XI в. проходил в рамках церковной литературы, в отличие от светской по преимуществу литературной деятельности Альфреда. Это определило основные особенности творчества Эльфрика и Вульфстана: сугубый дидактизм, стилистическую усложненность наряду с упрощением содержания.

Эти черты оказали влияние и на получившие тогда же распространение «массовые» жанры светской литературы. Предназначенные для широкого и зачастую мало искушенного в книжной премудрости читателя, эти произведения отличались стереотипностью тематики и литературной формы. Тем не менее и среди них встречаются сочинения большой художественной ценности. Одним из них является англо-сак-

сонский поэтический «Бестиарий» («Физиолог»). В многочисленных «Физиологах», пользовавшихся большой популярностью у средневекового читателя, в духе христианской символики изображались различные реальные и фантастические животные: единорог, феникс, кит, свойства которых толковались с этико-дидактических позиций.

Англо-саксонский «Бестиарий» — одно из лучших произведений этого жанра — содержит описания всего трех животных: пантеры, кита и куропатки — существ, населяющих три стихии: землю, море и воздух.³⁰ Все три поэмы объединены общим вступлением и заключением, но каждая из них в сущности представляет самостоятельное и законченное произведение, лишь в общих чертах напоминающее свои континентальные прототипы. Пантера изображается прекрасным, с изумительной красоты шкурой существом, добрым и миролюбивым ко всем, кроме дракона-дьявола, с которым она, символизируя Христа, ожесточенно сражается. Ее трехдневный сон после трапезы и последующее пробуждение должны олицетворять смерть и воскресение Христа. Символизирующий Сатану кит, распахнув пасть, заглатывает рыб, неосторожно заплывших в нее, или увлекает в пучину моря моряков, принявших его широкую спину за остров:

Так искусный лукавец
завлекает многих
в бездну, злобесный,
в обитель огненную,
всех, кто усердно
силе дьявольской
служил грехами
и охотно при жизни
внимал в этом мире
злонамеренным его советам,
а после за падшими
пасть смыкается,
челюсти чудовищные,
крепчайшие створы врат адских...

(Кит, 71—78)

Широкое использование образно-символической христианской сюжетики, как и ее осмысление в духе традиционных легенд (напри-

мер, в стихотворении «Кит» легенды об острове, который на деле является спиной огромного кита) было вполне естественно. Существуют три основных источника «массовой» литературы англо-саксонского периода: классическая, библейская и национальная традиции.³¹ Отголоски античной литературы, если таковые действительно имеются,³² доходили до Англии лишь как часть христианской традиции, переосмысленные и переработанные западноевропейскими писателями. Напротив, влияние христианских этических и эстетических представлений было чрезвычайно сильно. Библия и вместе с ней церковная повествовательная литература стали неиссякаемым источником тем и сюжетов. Вновь и вновь разрабатывались темы сотворения мира, отдельные эпизоды жизни Иисуса Христа, рассказы о жизни апостолов, христианских святых, причем они облекались в формы привычные, а потому доступные недавно обращенным членам христианских общин. В проповедях и повествовательных произведениях обнаруживается стремление познакомить аудиторию с основными сюжетами Ветхого и Нового Заветов. Совершенно очевидно стремление к занимательности повествования, часто в ущерб рассуждениям богословского характера. В произведениях, ориентированных на широкую аудиторию, значительно меньше места уделяется христианской догматике. Произведения приспособляются к восприятию неискушенного и малосведущего читателя, а чаще, вероятно, слушателя.

Едва ли не наиболее ярко эти тенденции обнаруживает один из наиболее популярных жанров «массовой» средневековой литературы — жития святых.³³ Основы англо-саксонской агиографии были заложены Бедой в кратких, входящих в «Церковную историю» житиях и в одном из первых пространственных житий местного англо-саксонского святого — Кутберта. Каноническая форма жития, выработанная в Западной Европе, была усвоена Бедой, а через него и другими англо-саксонскими авторами. Однако и у Беды, и особенно в последующих произведениях жанр претерпевает существенные изменения под влиянием стремления приспособить текст к восприятию местной аудитории. Большую роль в этом процессе играло раннее (по сравнению с другими странами Западной Европы) развитие церковной литературы на древнеанглийском языке. Собственно, латинский язык никогда и не был в Англии единственным официальным языком, как во Франк-

ском государстве, Германии и других странах: даже первые («Законы Этельберта» — Кент, между 597 и 616 гг.) и все последующие судебники были записаны на древнеанглийском языке.

Уже в VIII в. были сделаны первые поэтические переложения библейских сказаний на древнеанглийский язык. Однако эти тексты надо было не просто перевести на понятный всем язык: их содержание должно было стать доступным населению своим мировосприятием, оценками, повествовательными формами, т. е. переводу подлежала не только словесная оболочка произведения, его «буква», но и — в первую очередь — его «дух», содержание. Но мог ли такой «перевод» осуществляться на путях создания совершенно новой, оригинальной поэзии, радикально отличной от той, что уже существовала в обществе, что пользовалась любовью как кэрлов, так и знати, что звучала на пирах и собраниях в королевских бургах, деревнях и даже монастырях? Разумеется, нет — она была бы столь же непонятна и далека большинству слушателей, как и латинская литература. Закономерно поэтому неосознанное, но неизбежное обращение к поэтике традиционного и наиболее распространенного вида словесности англо-саксов — героического эпоса, взаимодействие которого с христианской литературой привело к самобытным результатам, не имеющим аналогий в других европейских литературах, — бурному развитию эпической поэзии в VIII—X вв.

* * *

Относительная терпимость англо-саксонской церкви к народной культуре в эпоху распространения христианства привела к тому, что монастыри стали не только проводниками новой религии в обществе, но и центрами, где сосредоточилась запись памятников народной словесности, правда, с соответствующими ее отбором и обработкой. Именно этим объясняется довольно значительное число дошедших до нашего времени памятников народной поэзии. Для сравнения: из центральногерманской, чрезвычайно богатой поэтической традиции сохранились лишь небольшие отрывки: фрагмент «Песни о Хильдебранде» и два заклинания. О древнейшей поэзии франков мы не зна-

ем практически ничего. Исчезла, оставив лишь незначительные следы в эпосе других народов, эпическая традиция готов. И только Скандинавия донесла до нас богатейшее поэтическое наследие «героической эпохи» древних германцев, отразившееся в песнях о героях «Старшей Эдды» и исландских «сагах о древних временах». Конечно, нам известна лишь незначительная часть произведений, исполнявшихся англо-саксами,³⁴ большинство эпических поэм утрачено безвозвратно. Однако четыре сохранившиеся рукописи древнеанглийских поэтических текстов (все они написаны около 1000 г.)³⁵ и несколько фрагментов обнаруживают редкое богатство и разнообразие тем, сюжетов, поэтических форм. Не случайно поэтому VIII—X вв. считается эпохой расцвета англо-саксонского эпоса.

В его основе лежал круг идей и представлений, составляющих то, что можно условно назвать художественным сознанием той части населения, в чьей среде возникали и передавались из поколения в поколение, пересоздаваясь в каждом новом исполнении, эпические произведения. Эстетические потребности сочетались в нем с этическими и юридическими взглядами. В эпосе отражались представления о всемирной (сколь бы ни был ограничен «весь мир») истории и месте в ней истории своего народа; в нем воплощались и передавались последующим поколениям сведения о прошлом; через эпические предания осуществлялись введение каждого нового поколения в историю, непрерывная связь времен от прошлого к будущему, задавались модели поведения. Эпос заключал в себе космологическую модель и идеальный образ общества, воссоздавая макро- и микрокосм в поэтических формах. По своей природе эпическое творчество было синкретично и полифункционально и являлось основной формой выражения знаний, чувств, устремлений и идеалов его создателей.³⁶

Именно поэтому роль исполнителя и создателя эпических сказаний — скопа — в англо-саксонском обществе была чрезвычайно велика.³⁷ Скоп — приближенный короля, сидящий у его ног на пиршестве, получающий щедрые дары и встречаемый почетом, когда он странствует по свету. Скоп — хранитель мудрости, передаваемой им людям, кладезь знаний. Поэтому в англо-саксонских поэмах одно из первых достоинств мудрого человека — знание им многих песней: этим достоинством обладают и Моисей («Исход»), и Хродгар («Беовульф»),

и Соломон, и многие другие. «Как драгоценные камни пристали королеве, оружие — воинам, так и хороший скоп — людям»,³⁸ — гласило одно из древнеанглийских гномических стихотворений. Без скопа невозможно было обойтись на пиру и в походе, он находился рядом с королем и в дни войны, и в часы мира, чтобы прославлять его подвиги. Только в песнях могла сохраниться и быть передана потомкам слава героя, память о его доблести и щедрости:

...и приближенный,
любимец конунга,
славословий знаток
многопамятливый,
сохранитель преданий
старопрежних лет,
он, по-своему
сопрягая слова,
начал речь —
восхваленье Беовульфа;
сочетая созвучья
в искусный лад,
он вплетал в песнопение
повесть новую,
неизвестную людям
поведывал быль —
все, что слышал
о подвигах Сигмунда,
о скитаниях, распрах,
победах Вэльсинга...
(Беовульф, 867—876)

Скоп, как правило, — дружинник, принимавший участие и в военных действиях. Но сохранилось немало упоминаний о том, что и знатные люди, и короли нередко выступали в качестве певцов: так рассказывают о св. Дунстане и Альдхельме, об Альфреде Великом и многих других. Исполнение песней не считалось чем-то постыдным, недостойным знатного или просто благочестивого человека. Напротив, умение в звучных стихах поведать о прошлом — свидетельство мудрости, знаний, богоизбранности. Не случайно так часты изображения скопа на миниатюрах древнеанглийских рукописей (рис. 59).

Рис. 59. Изображение скопа, миниатюра из «Рукописи Кэдмона», 930—960 гг.

Как рассказывается в поэме «Видсид» («Многостранствовавший»), скоп часто переходил от одного правителя к другому, разнося славу и хулу по всему свету:

Так скитаются,
 как судьба начертала,
песноказители
 по землям дальним,
о невзгодах слагая слово,
 о благих щедроподателях:
и на севере, и на юге,
 всюду найдется
в песнях искушенный,
 не скупящийся на подношенья
державец, перед дружиной
 жаждущий упрочить
дела свои славословьем,
 покуда благо жизни
и свет он видит.

(Видсид, 135—142)

Странствуя из королевства в королевство, исполняя песни при дворах правителей разных земель и народов, скоп вел рассказ о деяниях давно погибших властителей готов (Эрманариха) и гуннов (Аттилы), о победах над чудовищами, великанами и драконами, грозившими гибелью их соплеменникам, об отважных и могучих героях — Беовульфе, Сигмунде, Вальдере. Жажда битвы звучала в его сказаниях о расспрях и кровопролитных сражениях между данами и ютами, гуннами и бургундами, геатами и свеями, и неважно было, что нет уже на свете многих из этих племен. Они населяли эпический мир англо-саксонского скопа и его слушателей и в нем обретали новую полнокровную жизнь.

Были и новые песни у скопа — песни, рожденные христианством:

...там арфа пела
 и голос ясный
песноказителя,
 что преданье
повел от начала,
 от миротворенья;

пел он о том,
 как Создатель устроил
сушу — равнину,
 омытую морем,
о том, как Зиждитель
 упрочил солнце
и месяц на небе,
 дабы светили
всем земнородным,
 и как Он украсил
зеленью земли,
 и как наделил Он
жизнью тварей,
 что дышат и движутся.
 (Беовульф, 89—98)

Были и печальные песни — о герое, отторгнутом от мира, в котором он жил, герое, которому остались лишь воспоминания о минувшем счастье в кругу друзей за пиршественным столом. Весь этот разнообразный по истокам, сюжетике и настроениям материал объединял в своей памяти дружинный певец.

Цельность эпического фонда англо-саксов зиждилась, с одной стороны, на единстве образа мира, созданного художественным переосмыслением действительности в сознании многих поколений скопов. С другой — на общей системе стихосложения с традиционным комплексом поэтических средств и приемов.³⁹ Имелся выработанный веками набор метафор, сравнений, стереотипных описаний, которые могли использоваться в самых различных произведениях — так называемых устных формул.⁴⁰ Память скопа услужливо подсказывала ему слова и выражения, которые следовало употребить при рассказе о той или иной ситуации, при описании определенного события, независимо от того, произошло ли оно с христианским святым, Беовульфом, великаном Гренделем или языческим правителем.

Вот, например, скоп живописует сражение, ожесточенное и кровопролитное. Не прибегая к его подробному описанию, он говорит лишь о воронах и волках, насыщающихся на поле брани.⁴¹ Этот условный «типовой» образ вбирает в себя все множество возможных значений и их нюансов и, лишенный конкретики, применим к характеристике

битвы в произведении любого содержания и жанра. Вот герой элегии вспоминает причины своего несчастья:

...рать побита
гордая возле города,
кого-то ворон унес
через пучину высокую,
кого-то волчина серый
растерзал по смерти...

(Скиталец, с. 79—83)

Ту же топику использует скоп, прославляющий реально состоявшееся сражение, в котором англо-саксонское войско разгромило отряд викингов:

На поле павших
лишь мрачноперый
черный ворон
клюет мертвечину
клювом острым,
трупы терзает
угрюмокрылый
орел белохвостый,
войностервятник,
со зверем серым,
с волчиной из чащи.

(Битва при Брунанбурге, 60—65)

Ему вторит автор поэтического переложения библейского сюжета, хотя описывает отнюдь не поле битвы, а гибель войска фараона, преследовавшего израильтян под водительством Моисея, в водах Красного моря:

Птицы битвы кричали,
падалю сытые —
в росе оперение, —
кружили над трупами
жаждущие сражения.
Волки пели
мрачные звери боя,
объятые яростью,

песнь погребальную
войску вослед...
(Исход, 162—166)⁴²

Стереотипность средств выражения наряду с единой системой стилистических приемов (повторов, нанизывания синонимов и т. п.) создавала единство поэтической ткани различных по характеру и сюжетам памятников, скрепляла героический мир англо-саксонского эпоса. Вместе с тем единство поэтики эпических произведений не может скрыть разнообразия их видов. Развитие художественного сознания как результат начавшейся дифференциации отдельных сторон общественного сознания в целом, с одной стороны, и влияние христианской словесности с ее осознанными и теоретически осмысленными литературными формами — с другой, вели к постепенному усложнению и расслоению эпической словесности, к появлению новых повествовательных видов. Этот процесс, вероятно, шел постепенно, медленно. Но мы ничего не знаем о нем. Известен лишь его итог — в VIII—X вв. на английской почве создано множество эпических памятников с различной сюжетикой, особыми образами героев, отражающих разные стороны жизни, в неодинаковой степени подвергшихся влиянию христианского мировоззрения и литературы.

Каковы же типы этих произведений, можно ли их считать самостоятельными жанрами эпической словесности, что позволяет вычленивать их?

Наиболее очевидный признак, на основании которого обычно выделяются отдельные группы памятников, — сюжет и его ориентация на отражение определенного круга событий и явлений.⁴³ Так, в поэмах, причисляемых к героическому эпосу, центральное место занимают борьба с чудовищами, племенные распри и войны. Содержание небольших по объему стихотворений, обычно называемых героическими элегиями, — психологическое состояние человека, потерявшего своего господина и близких и остро ощущающего свое одиночество. Религиозный эпос представляет собой поэтическое переложение библейских легенд и житий святых. Исторические песни посвящены поэтическому рассказу о реально происходивших событиях. Разграничение тем и сюжетов влечет за собой ряд других существенных при-

знаков, совокупность которых и позволяет рассматривать выделенные группы как самостоятельные жанры в системе англо-саксонского эпоса. Наиболее важными моментами представляются: соотношение памятников различных жанров с общегерманской эпической традицией и с христианской литературой; их отношение к истории, т. е. уровень и характер их историзма; взаимодействие в них правды и вымысла и понимание того и другого; их композиционная структура; трактовка образа героя, а также основные элементы эпического мира памятников, в первую очередь их пространственные и временные характеристики. Некоторые отличия имеются и в социальном функционировании различных жанров, в их предназначенности для определенной аудитории, хотя это обстоятельство и не всегда очевидно в достаточной степени.

Вместе с тем нельзя преувеличивать самостоятельность, отчужденность жанров в англо-саксонской эпической поэзии. «Они не противопоставлены достаточно четко друг другу как разные художественные формы»,⁴⁴ и потому границы между ними размыты и неопределенны. Не случайно нет согласия в вопросе о том, например, какие стихотворения относить к жанру героических элегий,⁴⁵ а в «Беовульфе» имеются эпизоды, которые — будь они записаны отдельно — были бы сочтены героическими элегиями, религиозно-эпическими и даже религиозно-дидактическими произведениями. Проницаемость и взаимопереплетение жанров свидетельствуют не только о начальном этапе их развития, но и о еще существующем единстве, цельности эпической поэзии англо-саксов, жанровые различия внутри которой представляются по преимуществу вариантами, модификациями единой поэтической картины мира.

Именно это делает невозможной историческую классификацию эпических жанров, тем более что все памятники были созданы в дошедших до нас редакциях в промежутке между серединой VIII и концом X в., т. е. в течение очень небольшого промежутка времени. За исключением нескольких произведений — наиболее раннего («Гимн» Кэдмона — третья четверть VII в.) и наиболее поздних (исторические песни) — нет оснований и для их датировки, хотя попытки такого рода предпринимались неоднократно.⁴⁶ Поэтому единственно возможным представляется установление типологии эпических жанров.

Наиболее ранними с типологической точки зрения являются памятники собственно героического эпоса — «Беовульф» (что не исключает возможности более позднего происхождения сохранившейся до наших дней его редакции), «Вальдере», «Битва при Финнсбурге». Это сказания на традиционные сюжеты, частично восходящие к общегерманскому эпосу («Вальдере») или содержащие аллюзии на него. Влияние христианской идеологии обнаруживается в них в той мере, в какой она проникает в художественное сознание как один из составляющих (но не определяющих) его элементов. Однако надо отметить, что и к этой группе относятся произведения типологически неоднородные. Поэма «Беовульф», повествующая о победах героя над чудовищами, восходит, очевидно, к архаическим формам эпоса древних германцев, от которого сохранились лишь отдельные следы в скандинавских повествовательных мифологических песнях (о добывании у великанов культурных ценностей, например мёда поэзии; о возвращении похищенных великанами сокровищ и т. п.). Однако эти крайне архаичные сюжеты помещены в исторический контекст реального бытия и взаимоотношений (дружеских или враждебных) известных по другим источникам «народов»: данов, геатов-гаутов, свеев, ютов и др. Удивительным кажется соединение в рамках одного, цельного произведения мотивов, сюжетов, представлений многих эпох. В «Беовульфе» мы находим включения текстов других эпических жанров: элегий (например, жалобы воина), героических сказаний (песнь о Сигмунде, песнь об Ингельде и др.), религиозного эпоса (песнь о создании мира или обращение Хродгара к Беовульфу). В нем сочетаются представления родового общества с дружинной этикой, героический идеал воина-богатыря — с образом «справедливого правителя». Поэма аккумулирует многовековые традиции германского эпоса (не случайно героями поэмы, сложившейся на англо-саксонской почве, являются не англосаксы, а скандинавские народы) и является своего рода его энциклопедией — настолько много в ней реминисценций из известных нам по другим памятникам и совершенно неизвестных эпических произведений.

Иной характер имеют другие героико-эпические произведения, которых, правда, сохранилось очень мало — и по преимуществу во фрагментах (наиболее известен фрагмент «Битвы при Финнсбурге», песни, полностью, но кратко пересказанной в «Беовульфе». Их герои,

как правило, легендарно-исторические личности, сюжетом служат межплеменные распри, они посвящены какому-либо одному событию или цепи событий, составляющих единый сюжет, идеальный эпический мир наделен чертами квази-историчности.

Типологически более поздними жанрами представляются религиозный эпос и героические элегии. И тот, и другой жанр возникают под сильным воздействием англо-саксонской христианской литературной традиции, но разных ее аспектов.

В памятниках религиозного эпоса наиболее ярко проявляется взаимодействие двух пластов древнеанглийской культуры и их переплетение в сознании англо-саксов. Библейские и житийные сюжеты перерабатываются в формах традиционного германского героического эпоса. Эту переработку, однако, нельзя рассматривать как «вливание молодого вина в ветхие мехи», т. е. как механическое сочетание христианского содержания с традиционной эпической формой. Использование древнегерманской эпической поэтики неизбежно влекло за собой воссоздание (в более или менее полном объеме) картины мира, свойственной германскому дохристианскому обществу. Оно трансформировало понятия христианской этики в привычные и доступные всем героико-эпические представления и тем самым включало христианские сюжеты в привычный мир героических сказаний. Не случайно большая часть памятников религиозного эпоса основывается на библейских или житийных сюжетах, изначально имеющих героические черты, выбираются те библейские персонажи и святые, поступки которых согласуются с представлениями о героическом. Это Юдифь, убившая Олоферна и тем самым спасшая родной город от полчищ ассирийцев. Это св. Андрей, сокрушающий каннибалов-мирмидонян, чтобы освободить попавшего к ним в плен св. Матфея. Это Моисей, мудрый, знающий много песней вождь и правитель, ведущий свое племя из плена и организующий достойный отпор наступающему их войску египтян (поэма «Исход»). Библейский сюжет разворачивается и разрастается в соответствии с требованиями героико-эпической поэтики, хотя временные и пространственные рамки строго ограничены оригиналом. Вводится множество дополнительных эпизодов, по преимуществу героического содержания, цепь которых и создает постепенное развитие действия.

В героических элегиях получил развитие совершенно иной аспект христианской литературы. Это древнейшие в западноевропейской литературе произведения на народном языке, где в центре внимания рассказчика — психологический мир героя. Разумеется, он стереотипен, как стереотипна и сама ситуация во всех произведениях этого жанра. Более того, внимание сосредоточено лишь на одной стороне этого мира — на чувствах печали, одиночества, острого ощущения изменчивости мира, преходящести его радостей и скорбей. Противопоставление счастливого прошлого и трагического настоящего создает контраст, который и лежит в основе композиции элегий. Но все переживания героя разворачиваются на фоне идеального героического мира. Он присутствует в воспоминаниях героя о счастливом прошлом. Им определяется трагизм ситуации — оторванность героя от этого мира, невозможность для него проявить свою героическую сущность. Герой безлик, у него (за исключением певца Деора) даже нет имени.

Исторические песни представляют более поздний этап развития эпоса. Их связь с общегерманской традицией проявляется лишь в системе стилистических приемов и образов; они ориентированы на изображение конкретного, реального, исторически достоверного события, хотя принципы его отражения содержат много традиционных черт. Как рассказ об одном событии, они композиционно строятся на последовательном разворачивании действия во времени; место и время действия, как правило, строго ограничены, одноплановы, приурочены к реальному месту и времени, где и когда происходило событие, составляющее сюжет произведения. Таковы наиболее известные песни «Битва при Мэлдоне» и «Битва при Брунанбурге», таковы и менее значительные «Песнь о смерти короля Эдуарда» и др. Но и в исторических песнях, и в элегиях, и в религиозном эпосе мы находим общую для всех них систему ценностей, единое всеобъемлющее поэтическое видение мира, наконец, эпический мир и эпическое общество, созданные многими поколениями певцов-скопов и наиболее полно воплотившиеся в памятниках героического эпоса.

Глава 3

В СИЯНИИ СЛАВЫ: ТРАДИЦИОННЫЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Мир англо-саксонского эпоса возродился для современного читателя в 1815 г. вместе с первой публикацией поэмы «Беовульф». Издание исландского любителя древностей Гримура Йоунссона Торкелина (Grímur Jónsson Thorkelin, 1752—1829), снабженное переводом памятника на латинский язык,¹ сразу же привлекло внимание как специалистов в области древнегерманской литературы, так и широкой публики. Хотя первоначально поэма рассматривалась как создание поэта-датчанина (о чем говорит и само название, данное Торкелином: «О деяниях данов в III и IV вв. Датская поэма на англо-саксонском языке»), значение ее было оценено практически сразу. Ярким свидетельством тому являются следующие одно за другим издания поэмы в Англии, Германии, Скандинавских странах и ее переводы на современные европейские языки.²

Интерес к древнеанглийской словесности, пробужденный «Беовульфом» в этих странах, находился в тесной связи с господствовавшим в то время романтическим увлечением фольклором. Начались поиски других памятников англо-саксонского эпоса, и их результаты не замедлили сказаться. Публикация «Эксетерской книги» вывела из небытия героические элегии и такие крупнейшие произведения религиозного эпоса, как «Юлиана» и «Христос». В ней же оказалось и второе по значению произведение героического эпоса — «Видсид». Вскоре в Лэмбетском дворце были найдены фрагменты героической поэмы «Битва в Финнсбурге», а в составе «Англо-саксонской хроники» выявлены исторические песни. Только тогда, к концу XIX в., англо-саксонская словесность предстала во всем ее многообразии и великолепии.

Второй перечень, мало отличаясь стилистически от первого, перечисляет племена (с. 57—87), третий — правителей, у которых Видсид побывал сам (с. 107—130).

Уравновешенность, плавность этих тул подчеркивается стройностью композиции поэмы, ее своеобразной симметричностью. Краткие вступление и заключение (по 9 строк) обрамляют тулы, а небольшие «автобиографические» пассажи соединяют их и придают им завершенность. Среди упомянутых в тулах 69 «королей» (чаще это племенные вожди) и 70 народов часть хорошо известна по памятникам европейской средневековой литературы: Аттила (Этла), король гуннов, который царствовал с 434 по 453 г.; остготский король Эрманарих (умер ок. 375 г.); Теудерих, король франков (после 594 г.); такие народы, как англы, финны, саксы, франки. Другие — по эпическим произведениям древних германцев: это герои поэмы «Беовульф» — Хродгар и Хродульф (в «Видсиде» — Хродвульф, в скандинавских сказаниях — Хрольв Жердинка); герой песни «Битва при Финнсбурге» — Финн из рода Фольквальдингов; упомянутый в скандинавских песнях «Старшей Эдды» и в «Круге земном» Снорри Стурлусона правитель свеев Ангантюр (в «Беовульфе» — Онгентеов) и др. Многие же имена и этнонимы не встречаются больше нигде, и мы не знаем, кто такие Вульфинги или Боинги, кем был Холен, правивший некими Вроснами.

Чрезвычайно широкий хронологический диапазон поэмы явно не согласуется с ее сюжетной канвой — путешествием Видсида, охватывая, если отбросить упоминания Александра Македонского и библейских народов (считается, что это позднейшие вставки переписчика поэмы), III—VI вв. н. э. Столь же обширен и пространственный кругозор рассказчика: в поле его зрения находятся народы от крайнего северо-востока ойкумены (финны) до ее южных пределов (сарацины). Поэтому выявить какую-либо систему в перечнях не удастся.

Вместе с тем создателям «Видсида», очевидно, лучше известен ареал древнейшего расселения германских племен: побережье Балтийского и Северного морей; народы и правители Центральной Европы упоминаются в поэме реже. К германским древностям ведет и та единственная связующая нить, которая сообщает цельность всему произведению и объединяет содержание тул: все известные нам имена принадлежат героям древнегерманских эпических сказаний. Некото-

Эпоха Великого переселения народов, важнейший этап в историческом развитии древних германцев, стала «героическим веком» эпического творчества.⁷ В произведениях, восходящих к этому времени, формируются неповторимые особенности древнегерманской эпики: представления о героике и героической этике, о времени и пространстве, образы идеального воина и правителя, способы обобщения и художественного преломления действительности — все то, что воплотилось в своеобразных формах героического мира германского эпоса. В эту эпоху уходят корнями основные эпические сюжеты, объединенные в несколько циклов: слившиеся воедино предания о гибели под ударами гуннов первого Бургундского королевства (436 г.); сказания об остготском правителе Северной Италии с центром в Равенне Теодорихе Великом (471—526 гг.); о короле гуннов Аттиле; о смерти готского короля Эрманариха. Сложившиеся до переселения англо-саксов на Британские острова, эти сказания стали достоянием всех (или по крайней мере большинства) германских народов. Потому так многочисленны варианты отдельных сказаний, так разнообразны их интерпретации в памятниках, записанных от VI до XIV в. в разных частях германского мира. Нашли они отражение и в англо-саксонском эпосе, хотя и не в виде дошедших до нас эпических поэм, но как краткие аллюзии в «Видсиде», «Деоре», «Беовульфе».

Значительная часть этих сюжетов более или менее непосредственно связана с именами крупнейших вождей эпохи Великого переселения народов: Аттилой, Эрманарихом, Теодорихом. Их образы становятся тем стержнем, вокруг которого циклизуются предания. Не теряют они своего значения и в эпоху более позднюю, когда складываются местные эпические традиции.⁸

Второй — «национальный» — героический век (для англо-саксов, вероятно, охватывающий VII—VIII вв.) создает собственные сюжеты (англо-саксонские сказания о короле Оффе, скандинавские — о Хельги), выдвигает новых героев (Беовульфа, Ингельда, Финна, Сигурда), трансформирует — в новых исторических условиях — структуру и этику героического мира. Однако общегерманские традиции сохраняются не только как источник, питающий местное творчество, но и как эталон, соотнесенность с которым становится важным элементом героического мира. В местных эпических сказаниях общегерманские

герои перестают быть активными участниками событий, о которых рассказывается в том или ином произведении, но либо присутствуют на периферии повествования, либо упоминаются в нем и обретают значение поэтических символов, знаменующих отнесение действия к «героической эпохе». Агтила, Эрманарих, Теодорих в англо-саксонском, да в значительной мере и в скандинавском эпосе, не столько действующие герои, сколько приметы, знаки эпического героического века. Уже в «Видсиде» отсутствует хронологическая упорядоченность (все жившие на протяжении трех столетий правители оказываются современниками Видсида), забыта (или скорее представляется несущественной) та конкретная роль, которую каждый из них играл в судьбах германского мира. Остались лишь признание их выдающегося положения и их исконная принадлежность героическому миру древних германцев.

Поэтому хотя бы на периферии действия большинства германских героико-эпических сюжетов присутствуют эти персонажи. Так, Видсид начинает свои странствия с посещения Эрманариха (Видсид, 6—8), ему же когда-то принадлежало драгоценное ожерелье, полученное Беовульфом. В ряду сюжетов, перечисляемых в «Деоре» и служащих параллелями к несчастьям самого певца, важное место занимают не совсем ясные из контекста поэмы события в жизни Эрманариха и Теодориха Равеннского. Более того, прослеживается тенденция соединить эти три образа в одном сюжете. В сказании о Нифлунгах («Старшая Эдда») вдова Сигурда Гудрун становится женой Атли—Аттилы, одним из наиболее прославленных витязей которого (по «Песни о Нибелунгах») является Дитрих из Берна (Теодорих Равеннский), а дочь Гудрун, Сванхильд, оказывается женой Ёрмунрека—Эрманариха.

Включено в круг сюжетов о Нифлунгах или, точнее, имеет с ними несколько общих персонажей и широко известное в германском мире сказание о Вальтере Аквитанском, вероятно, южнонемецкого происхождения. Оно дошло до нас в виде двух поэм: германской — «Вальтарий мощный дланью» Эккехарда, изложенной гекзаметрами на латинском языке (первая половина X в.), и англо-саксонской — «Вальдере» (не позже X в.), от которой сохранилось лишь два фрагмента.⁹ Упоминания героев этого сказания встречаются и в более поздних памятниках, как немецких («Песнь о Нибелунгах»), так и скандинав-

ских («Сага о Тидреке Бернском»). В нем рассказывается — содержание восстанавливается по латиноязычной поэме, — как заложники Аттилы (Этлы в англо-саксонском варианте) Вальтарий (Вальдере), сын короля Аквитании, и Хильдегит, бургундская принцесса, полюбившие друг друга, спасаются бегством, взяв с собой сокровища Аттилы. Они добираются до владений бургундского (в «Вальтарии» франкского) короля Гундахария (англо-саксонский Гудхере, Гуннар песней «Старшей Эдды», Гунтер «Песни о Нибелунгах») на Рейне. Гундахарий, предполагая, что сокровища Аттилы — это дань, собранная гуннами с франков, решает овладеть кладом. Вместе с 12 воинами, среди которых — Хагано (англо-саксонский Хагена, Хёгни песней «Старшей Эдды», Хаген «Песни о Нибелунгах»), обменявшийся с Вальтарием клятвами верности, когда они оба жили при дворе Аттилы, Гундахарий нападает на беглецов в узком ущелье. В первый день сражения Вальтарий убивает всех франков, кроме Гундахария и Хагано, который не участвовал в битве. На второй день Гундахарий и Хагано, племянник которого пал накануне, нападают на Вальтария. После ожесточенного сражения герои, получившие тяжелые раны, заключают мир, и Вальтарий с Хильдегундой едут дальше. После смерти отца Вальтарий, женившийся на Хильдегунде, правит Аквитанией 30 лет.¹⁰

Судя по сохранившимся отрывкам, содержащим описание сражения (первый фрагмент) и оружия Вальдере (второй фрагмент), которые не имеют параллелей в тексте Эккехарда, англо-саксонская поэма представляла собой пространное эпическое произведение, в основе которого лежал несколько иной, чем в латинской переработке, вариант сказания. Однако существенно, что в обеих редакциях фигурируют традиционные эпические персонажи, в первую очередь Аттила. Более того, сюжет сказания, вероятно, отражает реальное историческое событие — взятие Аттилой заложников у германцев после битвы 437 г., но большинство имен и исторических примет утрачивается или искажается в поздних обработках. Неизменным остается лишь имя Аттилы и героя сказания — Вальтария–Вальдере. Переброшен мостик и к циклу сказаний о Теодорихе Равеннском: он оказывается бывшим владельцем Мимминга, меча Вальдере. Таким образом, при всей самостоятельности сюжета поэма десятками нитей оказывается сплетена с узловыми темами и образами общегерманского эпоса.

* * *

Сложившийся в эпоху Великого переселения народов эпический мир древних германцев на английской почве нашел отражение в наиболее яркой и законченной форме в поэме «Беовульф», созданной, как полагают большинство исследователей, в VIII в.¹¹ (рис. 60). Ни одно англо-саксонское произведение, дошедшее до наших дней, не получило такого широкого признания, как «Беовульф». И это не случайно. Ведь поэма — единственное крупное произведение героического эпоса англо-саксов, сохранившееся целиком. Величественные образы поэмы, своеобразный, торжественный стиль изложения, точность и выразительность поэтического языка привлекали и привлекают к нему филологов, поэтов, читателей. Многочисленные исторические реминисценции, описания быта, обрядов, вооружения, отражение этических взглядов той эпохи делают поэму неиссякаемым кладом сведений для историков политической и социальной жизни англо-саксов и скандинавов, историков культуры. Архаичные сюжеты поэмы, перекликающиеся с сюжетами волшебных сказок, представляют интерес для фольклористов. Разнообразие подходов к поэме было связано как с преимущественным интересом ученых разных специальностей к тем или иным ее аспектам, так и с общими тенденциями в мировой науке. Не останавливаясь на истории изучения поэмы,¹² отметим лишь, что на протяжении полутора столетий ее интерпретация претерпела коренные изменения. Определение ее места в англо-саксонской и мировой литературе колебалось в самых широких пределах: от причисления ее к народному эпосу, фольклору, до отождествления с творением монастырского клирика, имевшего перед собой в качестве образца «Энеиду» Вергилия. Особенно много усилий прилагалось и прилагается к модернизирующим символично-аллегорическим толкованиям поэмы: как отражению борьбы со стихиями (К. Мюлленхоф), воплощению солярного мифа (Б. Саймонс), христианско-мессианских идей или различных аспектов христианской этики (наказания гордыни, бренности земной жизни и т. д.).

Надо сразу же сказать, что содержание и поэтика «Беовульфа» действительно поражают своей сложностью, многогранностью, разновременностью. И это открывает пути для противоречивых, порой взаимоисключающих ее характеристик. Ведь в ней органически пере-

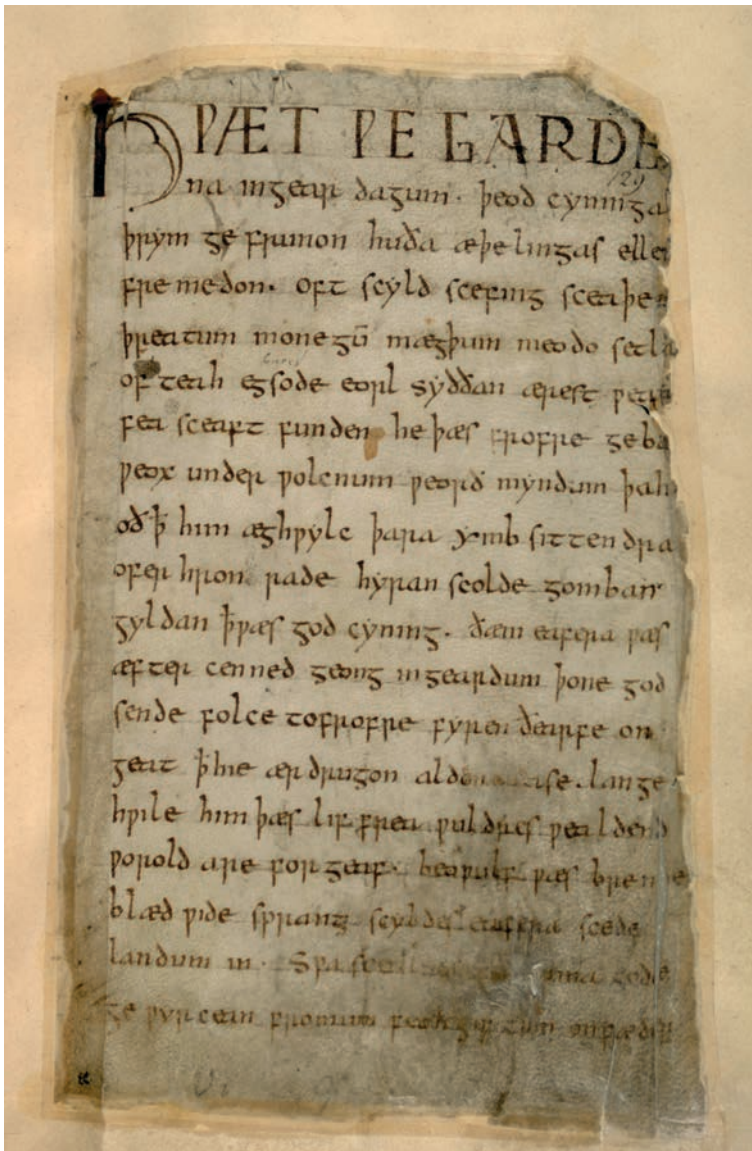

Рис. 60. Лист с началом поэмы «Беовульф», «Кодекс „Беовульфа“»,
ок. 1000 г.

плетены архаические сюжеты борьбы героя с чудовищами (великанами и драконами) — и этика раннегосударственного общества; краткий пересказ библейских сказаний — и легенда о золотом кладе, на котором лежит проклятие, являющееся истинной, хотя и тайной причиной гибели Беовульфа; изысканные описания и сложные метафоры (кеннинги) — и древний аллитерационный стих с многочисленными формулами, типичными для фольклорного произведения, — все это неопровержимо указывает на сложную многовековую историю, которую прошла поэма до ее записи около 1000 г.

Фабула поэмы проста и безыскусна: Беовульф, племянник короля геатов — скандинавского племени, населявшего, очевидно, юго-западное побережье современной Швеции и называвшегося в Скандинавии гаутами (совр. Вестгёталанд), — узнает о несчастье, постигшем данов. На их прославленный дворец Хеорот — Оленью палату, возведенную королем данов Хродгаром, уже длительное время нападает по ночам человекоподобное чудовище Грендель и пожирает лучших из воинов. Беовульф с небольшой дружиной отправляется к данам, остается на ночь в Хеороте и в жестоком поединке с Гренделем вырывает у него правую руку. Но на следующую ночь в Хеорот приходит мать Гренделя. Мстя за сына, она убивает и уносит с собой одного из датских витязей. Наутро Беовульф в сопровождении короля данов Хродгара разыскивает по кровавым следам логово Гренделя, находящееся на дне горного озера, населенного чудовищами. С помощью волшебного меча, найденного в жилище великанов, Беовульф побеждает великаншу и отрубает голову Гренделю. Благополучное возвращение героя отмечается пиром, после чего геаты пускаются в обратный путь. Через некоторое время в неудачном походе на франков погибает Хигелак, король геатов; убит в распре со шведами его сын, и королем геатов становится Беовульф. 50 лет его правления — время благоденствия и процветания геатов, «золотой век» племени. Но вот появляется огнедышащий дракон. Клад, охраняемый им, был потревожен, и он, жаждущий мести, нападает на геатские селения и крепости. С помощью своего дружинника Виглафа Беовульф побеждает дракона и завоевывает клад, но оказывается, что клад был проклят его последним владельцем и каждый, кто овладеет им, должен погибнуть. Раненный драконом, умирает Беовульф, и геаты, оплакивая своего короля, сжигают его тело и на-

сыпают высокий курган на мысе, выдающемся в море, чтобы издалека был виден курган Беовульфа. Поминальный плач завершает поэму.

В основе фабулы поэмы лежат два мотива, широко известные в древнегерманском фольклоре (волшебных сказках, сагах, эпосе) и в фольклоре других народов мира: это мотив борьбы с великанами и мотив драконоборчества. Основные элементы фабулы первой части поэмы совпадают в общих чертах со сказочным сюжетом «Три похищенные принцессы»: ¹³ в доме, построенном старым королем, появляется чудовище, которое причиняет вред обитателям. Старшие сыновья короля по очереди вступают в борьбу с ним, но терпят поражение; на третью ночь в доме остается младший брат, который ранит и обращает чудовище в бегство. Оно скрывается в подземном (или подводном) логове. Наутро братья по кровавым следам находят путь в подземное (подводное) царство, куда спускается младший брат. Он побеждает ряд фантастических существ и находит жилище чудовища, где томятся в заточении одна или несколько пленниц. После победы над чудовищем герой помогает им подняться на землю, сам же из-за предательства братьев остается внизу, и лишь с большим трудом ему удастся вернуться в мир людей.

Сходство сюжетов настолько поразило исследователей, что первая часть поэмы стала рассматриваться чуть ли не как поэтическая обработка волшебной сказки. ¹⁴ Обнаруженные в исландских сагах параллели к сюжету ¹⁵ на первых порах лишь укрепили это мнение, так же как и обращение к сюжету второй части поэмы.

Мотив драконоборчества не менее распространен в фольклоре. Змей как хтоническое чудовище вошел в мифологию многих народов мира. Обычно образ змея связывается с огненной стихией и позднее развивается в образ огнедышащего дракона. Чудовищный змей олицетворяет враждебные человеку силы, противопоставит богам и людям, как «мировой змей» скандинавской мифологии Ёрмунганд, который поднимется со дна океана при конце мира и примет участие в борьбе против богов; как змей Апоп, с которым сражается бог Ра в египетском мифологическом эпосе. Образ дракона не менее широко представлен и в героическом эпосе. В русских былинах Добрыня Никитич одерживает победу над Змеем Горынычем, освобождая пленниц из Киева, в скандинавском эпосе Сигурд убивает дракона Фафнира ¹⁶ (рис. 61), забирая себе его сокровища, в древнегреческих героико-мифологиче-

Рис. 61. Сцены из сказания о Сигурде Убийце Фанфира, рунический камень из Гокстада, Упланд, Швеция, XI в.

Рис. 62. Св. Михаил сражается с Антихристом в образе дракона, рельеф на портале церкви в Ипсвиче, X в.

ских сказаниях Геракл сражается с Лернейской гидрой. О популярности в Средние века мотива драконоборчества, использованного и в церковной христианской литературе, говорят многочисленные изображения на порталах церквей битвы св. Георгия или св. Михаила с дьяволом в облике огнедышащего дракона (рис. 62). В древнеанглийских гномических стихах дракон изображается огнедышащим чудовищем, лежащим в могильном кургане и охраняющим золотой клад.

Предполагалось, что сюжет второй части «Беовульфа» также связан с волшебной сказкой.¹⁷ об этом свидетельствует композиция, повторяющая основные элементы сказочного сюжета. Важным моментом сходства является его соединение с мотивом золотого клада, что характерно именно для сказки, а не для мифа — сочетание этих двух мотивов широко представлено в германском героическом эпосе. В ряде сказаний герой, побеждая дракона, овладевает кладом, причем нередко стремление добыть золото становится в сюжетах драконоборчества основной мотивировкой подвига героя. Подводя перед смертью итог своей жизни, Беовульф в числе своих главных деяний называет именно завоевание сокровищ дракона — для своего племени (Беовульф, 2792—2799). В «Песни о Сигмунде», которая пересказана в «Беовульфе» (с. 871—900), сокровища дракона являются главной и единственной побудительной причиной битвы с драконом, а размеры и великолепие клада — мерой величия победы. Сходен и рассказ о битве Фродо с драконом, который изложен Саксоном Грамматиком:

Неподалеку есть остров, поднимающийся пологими склонами,
Скрывающий в своих холмах сокровища и гордый добычей.
Здесь благородные богатства охраняются стражем сокровищ,
Змеем, свернувшимся в кольца многими витками,
С хвостом, вытянутым дугой, потрясающим могучими кольцами,
Брызжущим ядом.¹⁸

В героических песнях «Старшей Эдды» овладение кладом нифлунгов является целью Регина, который подстрекает своего воспитанника Сигурда убить Фафнира, своего брата, обратившегося в дракона, чтобы охранять клад, и намеревается затем убить и самого Сигурда, причем даже предостережение умирающего Фафнира: «Золото звонкое, клад огнекрасный погубит тебя!»¹⁹ — не останавливает

Сигурда, увозящего сокровище во Фраккланд, где он и найдет свою смерть — также из-за клада.

Золотой клад, таким образом, играет в повествовании важную, сюжетообразующую роль. Это обуславливает интерес и к описанию самого клада (в «Беовульфе» оно занимает около 20 строк), и к его истории, в которой особо выделяется тема проклятия, придающего золоту губительную силу. В «Старшей Эдде» — это заклинание карлика Андвари, обрекающее на гибель всех, кто станет владельцем клада:

Золото это,
что было у Густа,
братьям двоим
гибелью будет,
смерть восьмерым
принесет героям;
богатство мое никому не достанется.²⁰

В «Беовульфе» — это проклятие последнего из оставшихся в живых воина некогда могучего племени. Золото начинает жить своей, независимой от воли людей жизнью; оно вторгается в их судьбы и сокрушает все на своем пути. Неслучайно в героических сказаниях, формирующихся в эпоху разложения родового строя, герои, вовлеченные в борьбу за золото, гибнут, как Сигурд и Беовульф, а вместе с ними гибнет героическое общество, представителями которого они осмысляются в эпических памятниках.

Мотивы сказочного эпоса вплетаются и в характеристику Беовульфа. С одной стороны, это сходство проявляется в самой общей их функции: и Беовульф, и герой сказки — борцы с враждебными человеку силами, воплощенными в фантастических образах, оба восстанавливают нарушенную чудовищем справедливость. С другой — в отдельных деталях образа, сохраняющихся в поэме, несмотря на их явное противоречие основному повествованию. Яркий пример — изображение юности Беовульфа:

Прежде гауты
презирали его и бесчестили,
и на пиршествах
обходил его

вождь дружинный
 своей благосклонностью,
ибо слабым казался он
 и беспомощным,
беспольным в бою;
 но теперь он за прежнее
получил с лихвой
 воздаяние!

(Беовульф, 2184—2189)

Оно резко контрастирует с его прославлением как избранного, лучшего среди геатских витязей:

Слышал весть
 о победах Гренделя
храбрец гаутский,
 дружинник Хигелака —
он был сильнейшим
 среди могучих
героев знатных,
 статный и гордый...

(Беовульф, 194—197)

Это единственное упоминание о «достойных презрения» юношеских годах Беовульфа. В других рассказах о его юности — повествовании о состязании с Брекой, о борьбе с морскими чудовищами — подчеркивается, напротив, его богатырская мощь, отвага, прославляются его блистательные победы. Обе версии не согласованы между собой, и «негероичность» Беовульфа в юности была бы непонятна, если бы не известный сказочный мотив «сидня», часто связанный с сюжетом «Три похищенные принцессы» и широко распространенный в эпосе — достаточно вспомнить Илью Муромца в былинах об исцелении Ильи. Но в сказочном сюжете мотив «сидня» играет важную функциональную роль: младший брат, считавшийся дурнем и трусом, в решительный момент оказывается способным совершить подвиг, который не под силу его старшим, «умным» братьям. Тем самым он восстанавливает справедливость и в отношении самого себя. В «Беовульфе» же нет противопоставления юности и зрелости героя,

он «героичен» уже от рождения, и вся его жизнь с детских лет — воплощение заложенных в нем изначально героических качеств. Однако традиционный сказочный мотив, связанный с его образом, сохраняется на периферии повествования, утрачивая свое значение для развития сюжета.

Но, несмотря на все сходство, связь между волшебной сказкой и «Беовульфом» нельзя преувеличивать; тем более нет оснований считать сказочный эпос непосредственным источником поэмы: вероятнее, как и считается ныне, и мифологический, и героический, и сказочный эпос (зарождавшиеся на разных этапах развития общественного сознания) взаимодействовали и имели частично общий сюжетный фонд. Однако трактовка одних и тех же сюжетов в различных видах эпоса была принципиально иной. Так, в «Беовульфе» со сказкой сопоставимы фабула и отдельные эпизоды, их детали; различие же коренится в первую очередь в объекте интересов рассказчика и слушателей. В сказочном эпосе все внимание сосредоточено на индивидуальной судьбе героя. Поэтому одинаковый интерес представляют все эпизоды его приключений. Итогом его выезда и последующих событий является устройство семьи (обычное завершение сказки — свадьба героя со спасенной им девушкой).²¹ Для героического эпоса характерен интерес к судьбам социума, к которому принадлежит герой. Подвиги, совершаемые им, направлены на защиту и освобождение племени, страны, государства. Патриотическая направленность в германском эпосе в целом выражена слабее, чем в эпосе других народов, но «Беовульф», безусловно, в этом отношении отражает скорее общие эпические, чем специфические германские, тенденции. Не случайно в нем, как и в других памятниках западноевропейского эпоса, отсутствует тема сватовства (как и в «Песни о Роланде», «Песни о Сиде» и др.), а на первый план выступает тема борьбы с общим врагом.²²

Различны и принципы отражения действительности в сказочном и в героическом эпосе. В сказке она предстает в максимально обобщенном, деконкретизированном виде. Действие сказки не введено в хронологические рамки, относится к неопределенному «сказочному» времени. Не приурочено оно и к определенному месту: события происходят в «тридевятом царстве», в подземном, подводном или ином фантастическом мире. Для героического эпоса, напротив, характерны макси-

мальная конкретизация действия, правдоподобие деталей, создание квази-исторического фона, на котором разворачивается действие.²³ Черты, отличающие поэму от сказок со сходными сюжетами, по сути обусловлены поэтическим мировосприятием создателей поэмы. Наиболее полно и ярко оно воплотилось в поэтическом мире поэмы, мире, где живут и действуют герои и чудовища, мире, одновременно далеком и близком для певца и его слушателей.

* * *

...Певец тронул струны арфы и начал рассказ о прославленных героях прошлого. Умолк шум в палате, с пристальным вниманием следят дружинники и их король за событиями жизни славного короля Хродгара, за строительством островерхого Хеорота, восхищаются щедростью, мудростью, благородством короля данов. Таким, собственно, ему и надлежит быть — ведь он потомок славного рода воинов и правителей. Не менее знамениты своими достоинствами и отец его, и дед, не говоря уже об основателе династии — Скильде Скевинге, память о котором прожила века и будет жить вечно. И согласны они с заключением певца: да, это был добрый конунг! Сочувствуют они и его беде: ведь со всяким может случиться несчастье, и кто может одолеть такое чудовище, как Грендель! Есть ли, нет ли великанов на самом деле (а скорее всего, они есть — просто нечасто встречаются, не то что в прошлые времена) — не это важно. Существенно то, что не всякий может спасти Хродгара: здесь нужен герой, обладающий многими выдающимися качествами. Слушатель уже знает: должен появиться не просто воин, равный своими заслугами лучшим среди сидящих здесь, в палате. Ему будет по плечу подвиг, который не сумели совершить храбрейшие из датских воинов — а они известны как бесстрашные воители, недаром их нападений так страшатся жители побережья.

Так, вызывая бесчисленные поэтические, исторические, бытовые ассоциации, переплетая события прошлого и настоящего, рассказчик подготавливает появление Беовульфа — самого могучего, благородного и отважного среди витязей прошлого, и нет и не может быть ему равных в настоящем.

Рассказ ведется о знакомых вещах: и сам певец, и его слушатели — это те же воины, старые, закаленные в битвах, известные своими победами, о которых, быть может, когда-нибудь тоже сложат песни, и молодые, жаждущие проявить себя в бою, доказать, что и они достойны славы и почестей. Как и дружинники Хродгара, Хигелака или Беовульфа, они сидят в пиршественном зале, перед ними кубки с элем, на руках — запястья и кольца, подаренные их господином. Так же расположились для пира и дружинники Вильгельма Завоевателя перед битвой при Гастингсе 1066 г., определившей судьбы Англии, на расшитом полотне из Байо (рис. 63). Как Беовульф, плавали они в далекие и близкие страны, чтобы захватить богатую добычу, и не один из их сотоварищей, как Хигелак, погиб в бою. Мир, о котором повествует певец, — это их мир, знакомый во всех мелочах, узнаваемый уже по отдельным намекам. Вот певец описывает шлем Беовульфа:

...кров надежный,
 увитый сетью
 и золоченым
 вепрем увенчанный...
 (Беовульф, 1450—1451)

Именно такой (может быть, лишь немного менее пышный) видел он на своем господине. Можем и мы увидеть подобный шлем — например, найденный в Саттон-Ху (рис. 64). И он украшен золочеными фигурками, и он бы сверкал на солнце, будь он на голове Беовульфа, гордо идущего ко дворцу Хродгара. Тысячи подобных мелких деталей (многие из них ускользают от современного читателя) неразрывными нитями связывали повествование с сегодняшним днем его слушателей. Знакомы были и персонажи, и события, упоминаемые певцом лишь вскользь, да большего и не требовалось. Достаточно было лишь сказать, что меч Беовульфа — изделие Веланда, и каждому становилось ясно, что меч был превосходен, — каждый знал о мастерстве этого легендарного кузнеца. Мимоходом упоминает певец печальную участь Хеорота — погибнет он в пламени пожара, когда Хродульф будет бороться за датский трон, — и все вспомнят предание о могучем правителе данов, история которого рассказывается в исландской «Саге о Хрольве Жердинке».

Но сколь бы ни был близок своими деталями мир поэмы к жизни рассказчика, он не был тождествен ей. Воспроизводя реальные приметы быта и нравов, он в то же время отличался от нее в своей сущности: это был близкий и одновременно далекий идеальный мир, существующий лишь в сознании певца и его слушателей. Являясь отражением реального мира — что и обусловило его видимое правдоподобие и что заставило многие поколения ученых стремиться сопоставить сюжет поэмы с какими-либо реальными событиями,²⁴ — он по сути был творением поэтической мысли, отделенным от действительности «абсолютной эпической дистанцией».²⁵

Созданный воображением и существующий лишь в воображении, эпический мир обладает многими чертами мира действительного: он занимает определенное, хотя и воображаемое, пространство, соотношенное в то же время с реальными территориями, знакомыми рассказчику. Действие протекает в присущем этому миру времени, но не всегда совпадающем с реальным. В нем присутствуют реальные предметы быта: жилища, утварь, оружие, одежда, но все это вещи лишь нескольких определенных категорий: миру поэмы свойственны лишь избранные предметно-вещные атрибуты. Он населен людьми, но далеко не каждый может занять в нем место: это мир героев, избранных, людей, наделенных особыми качествами. Отнюдь не всякое событие может произойти в этом мире — оно должно согласовываться с определенными эстетическими нормами, быть значимым в системе ценностей именно эпического мира. И, наконец, главная, универсальная особенность этого мира, определяющая все остальные его черты, — его героичность.²⁶

Концепция героического (ее основные элементы будут рассмотрены ниже) служила тем основным критерием, в соответствии с которым осуществлялся по большей части неосознанный отбор фактов реальной жизни, отражаемых в эпическом мире: событий, персонажей, деталей быта, вещных атрибутов, которые становились частью эпического мира, заполняли его пространство. Принципиально важным было соответствие рассказываемого не реальности, а тому представлению о героике, которое существовало в сознании рассказчика и слушателей.

Разумеется, эти представления возникали как своеобразное отражение и осмысление действительности, они коренились в укладе жиз-

Рис. 63. Пир Вильгельма Завоевателя, вышивка из Байо, ок. 1077 г.

Рис. 64. Шлем из кургана № 1 могильника в Саттон-Ху, начало VII в. (реконструкция)

ни, корректировались и преображались под ее влиянием, но по сути своей они являлись художественным преломлением жизни в героических образах, ситуациях, описаниях. Историческая обусловленность эпической героики проявлялась в конкретных формах поэтического мира поэмы.

Основу героического действия поэмы составляет конфликт крупного масштаба, определяющий судьбы целых племен. Наследуя «архаическую эпическую сюжеттику, трансформируя ее в соответствии с новыми идеалами... героический эпос периода формирования народностей и складывания ранних государств» выдвигает «новые исторические идеалы и новые коллизии — защита родной земли от внешнего врага, героика патриотического подвига... отношения народа и власти».²⁷ В этом и заключается главное отличие в трактовке аналогичных сюжетов, с одной стороны, в «Беовульфе», с другой — в сказках, а также в скандинавских сагах, в частности в «Саге о Греттире». В саге, как и в сказке, конфликт имеет локальное значение, он связан только с судьбой героя и не выходит за ее пределы. В эпосе, как правило, в основе героического конфликта лежит реальное историческое событие. Но и тогда, когда конфликт, с нашей точки зрения, фантастичен, т. е. в него вовлечены сверхъестественные существа (Грендель и его мать, дракон), масштаб конфликта и его значение несколько не снижаются: нападения Гренделя и дракона угрожают гибелью всему племени данов — в первом случае и геатов — во втором, а по существу — героическому миру в целом. Сказочность, неправдоподобие — в глазах современного читателя — конфликтов, лежащих в основе поэмы, не воспринимались как таковые (мы уже говорили об устойчивости бытовой мифологии у англо-саксов) и тем самым не могли препятствовать их восприятию как героических. Наоборот, необычность, мощь, особая опасность противников героя усугубляли серьезность ситуации и трудность ее разрешения.

Аналогичны конфликтные ситуации отступлений в поэме, которые, как обычно считается, являются краткими пересказами самостоятельных эпических произведений. Таковы борьба фризов и данов (песнь о битве при Финнсбурге), данов и хадобардов (песнь об Ингельде и Фреавару) и др. Мелкие племенные распри и столкновения приобретают в устах рассказчика мировые масштабы, разрастаются

в события, определяющие судьбы народов. Их героическая гиперболизация, не соответствующая реальной значимости, — единственно возможное осмысление этих событий при их перенесении в пределы воображаемого поэтического мира, при их эпизации.

Основная особенность героического конфликта в поэме — его масштабность — определяет и второе его свойство — высокий накал страстей, эмоциональную насыщенность действия. Создание конфликтной ситуации сопровождается взрывом эмоций: ужаса, ярости, беспощадной жестокости, описание которых неизменно включено в преамбулу, предваряющую рассказ о самой битве.

Так двенадцать зим
 вождь достойный,
друг Скильдингов,
 скорби смертные
и бесчестье терпел
 и печали неисчислимые.
(Беовульф, 147—149)

Многострадального
старца-правителя
 скорбь сокрушила,
когда он услышал,
 что умер лучший
из благороднейших
 его соратников.
(Беовульф, 1306—1309)

Набор чувств стереотипен. Правитель племени, на которое нападает чудовище, охвачен горем, он оплакивает свое несчастье (Хродгар — в двух первых эпизодах, Беовульф — в третьем). Герой, который должен будет сокрушить чудовище, проявляет героическое бесстрашие, отвагу (Беовульф: 603—608, 1383—1396, 2509—2527). Чудовище — противник героя — обуреваемо кровожадностью, алчностью, злобой (Грендель: 729—746; его мать: 1276—1281; дракон: 2286—2310). Эмоциональная атмосфера конфликтов чрезвычайно напряжена: неслучайно употребление в этих описаниях эмоционально насыщенных глаголов (*ahlieh-han* — «ликовать», 730; *gebelgan* —

«разъяриться», 2550) и прилагательных (*galg-mod* — «злобный», 1277; *stearc-heort* — «твердый сердцем», 2288).

Характер конфликта — его масштабность, значимость, неразрешимость обычными средствами — обуславливает тип и способы героизации эпического героя. В первую очередь подчеркиваются уникальность, неповторимость, которые выражаются в его предназначенности совершить этот подвиг.

Но вот он, витязь,
по воле Создателя
то совершивший,
чего не умели,
вместе собравшись,
мы, хитромыслые!

(Беовульф, 939—942)

Беовульф — единственный из всех живущих на земле, кто может одолеть Гренделя и его мать, сразить огнедышащего дракона. Сама ситуация выступает в роли главной характеристики богатыря, именно она определяет его героическую сущность, которая выявляется в деянии, направленном на спасение целого племени и непосильном другим людям. Все остальные черты, присущие образу, производны и лишь оттеняют его героичность с различных сторон как частные ее проявления.

В образе Беовульфа концентрируются качества всего племени. Сила Беовульфа — это аккумулированная сила всех геатов, ее символ, что прямо говорится в поэме в связи с победой Беовульфа над Гренделем: «...врага они (геаты. — *Е. М.*) одной силой все превзошли, его (Беовульфа. — *Е. М.*) мощью» (Беовульф, 698—700). Сам образ могучего богатыря, олицетворяющего силу и мощь своего племени, лишённого индивидуальных черт, но зато наделённого гиперболизированными достоинствами, нацелен на выполнение главной задачи, стоящей перед ним, — защиты племени (своего или дружественного) от чудовищ.

Выполнение этой задачи обеспечивается совокупностью качеств, которыми наделяется Беовульф: силой, отвагой, верностью своему долгу. Причем все эти качества гиперболизированы, возведены в высшую, недостижимую для других степень. Сила Беовульфа такова, что «тридцать ратников переборол он одной рукою» (Беовульф, 381—

382). Беовульф выделяется среди других дружинников своим внешним видом, сразу же обнаруживающим его героическую сущность. Неслучайно датчанин — страж побережья — сразу обращает внимание на Беовульфа и опознает в нем героя:

И я ни в жизни
не видел витязя
сильней и выше,
чем ваш соратник —
не простолюдин
в нарядной сбруе, —
кровь благородная
видна по выправке!
(Беовульф, 248—252)

Точно так же Вульфгар, воин Хродгара, принимающий гостей в Хеороте, с первого же взгляда уверен в том, что Беовульф является прославленным вождем, известным своей силой и воинской доблестью (Беовульф, 336—339).

И внешность Беовульфа, и его сила, и его нравственные качества — верность долгу, верность королю и родичу — гиперболизированы, идеальны, что и создает четко ощущаемую слушателями и рассказчиком дистанцию между ними и героем.

Дополнительным средством героизации служит родословная героя. Человек в поэме не мыслится вне коллектива, с которым он связан узами родства. Введение любого персонажа открывается указанием на род, к которому он принадлежит, и перечислением его прославленных предков: подробно рассказывается родословная Хродгара и Хигелака, Унферт — «сын Экглава», Эскхере — «старший брат Ирменлава», некий Оффа — «родич Хеммингов». Вот на сцене появляется Виглаф:

То Виглаф был,
сородич Эльвхера,
сын Веохстана,
щитоносите...
(Беовульф, 2601—2602)

Указание рода, к которому принадлежит персонаж, имеет глубокий смысл. Связь с прославленным, известным своими подвигами ро-

дом дополняет характеристику и определяет в известной мере достоинства героя. Он способен и готов к совершению подвигов не только в силу своих личных качеств, но и как представитель славного своими подвигами рода.²⁸ Его «героические» качества в значительной степени оказываются не индивидуальными, а родовыми.

Все достоинства Беовульфа направлены к одной цели, героической по своей сути, — защите племени от нападений врага. Беовульф, и только он, может спасти данов и геатов — таково его предназначение, и, лишь выполняя его, он становится героем. Здесь уместно вспомнить, что и первый, юношеский подвиг Беовульфа, кратко упомянутый в поэме, также заключался в уничтожении чудовищ, нападавших на мореплавателей. Только после этого, говорится в поэме, геаты стали считать его отважным витязем.

Так, представление о героическом реализуется в первую очередь в действии, в подвиге, причем подвиге общественно значимом, совершенном ради блага племени. Рассказчик не представляет возможности «чистого» подвига, совершенного исключительно из стремления к героическому, подвига ради подвига — эта идея возникает значительно позже и развивается в куртуазном романе (например, в романах Артуровского цикла). Деяния Беовульфа не осознаются как самоценный акт личного героизма, вне судебных и благополучия племени.

С тех же позиций оцениваются и действия других персонажей: постройка Хеорота служит прославлению данов; смерть Беовульфа — несчастье, так как за ней должны последовать бедствия для геатов. Осуждается за «зломыслие» в отношении своего народа Херемод:

А допрежде того Херемод
растерял храброту...
...стал он бременем
для дружины своей
и для подданных;
и скорбели тогда
о судьбе его
многомудрые мужи,
прежде чаявшие,
что сумеет он
упасти их от бед...
(Беовульф, 901—909)

В образе Беовульфа представление о героическом воплощается в наиболее полном, прекрасном и величественном его варианте. Но есть и другие формы героического поведения: мудрость и щедрость Хродгара — короля племени, покровителя дружинников и защитника народа; отвага, бесстрашие и преданность Виглафа; красота и щедрость Вальхтеов, королевы данов. Эти качества в совокупности составляют своего рода «каталог достоинств», обязательных для положительного персонажа героического эпоса и распространявшихся на литературное изображение любого знатного человека (лишь иногда, как в случае с Херемодом, эти качества обретали знак минус): неслучайно перечислению многих из тех достоинств, которые мы находим у героев «Беовульфа», посвящена небольшая поэма «О дарованиях человеческих».²⁹ В наибольшей степени этими достоинствами, естественно, награжден сам Беовульф: в ипостаси победителя чудовищ — отвагой, опытом, боевым искусством, искусством кораблевождения и плавания, красотой, ростом, силой, в ипостаси правителя — мудростью, щедростью, заботой о подданных. Почти весь «каталог добродетелей» приложим к герою. Остальные персонажи наделены лишь частью этих стереотипных качеств: определенные «наборы» их, сочетание тех или иных из них, соответствуют различным образам поэмы: идеальному правителю (Хродгару, Беовульфу), воину-богатырю (Виглафу), что и создает в значительной степени обобщенность, стереотипность образов. Характеристика одного и того же качества различных персонажей неизменна, что также способствует созданию образов-стереотипов. Вот, например, характеристика трех королей — идеальных правителей своих племен: Хродгара, Оффы и Беовульфа.

Хродгар возвысился,
в битвах удачливый,
без споров ему
покорились сородичи,
выросло войско
из малой дружины
в силу великую.

(Беовульф, 64—67)

...от моря до моря
 Оффа славился и
 победами ратными,
 и подарками щедрыми
 копьеносцам-дружинникам,
 и в державе своей
 мудровластием...

(Беовульф, 1957—1960)

...они простились
 с умершим конунгом,
 восславив подвиги
 и мощь державца
 и мудромыслие...

(Беовульф, 3172—3174)

Количество таких образов-стереотипов невелико, их функции в сюжете строго разграничены, каждый из них воплощает один из аспектов героического поведения, и, в совокупности образуя систему образов поэмы, они дополняют друг друга.

В первой части поэмы эта система состоит из героя-богатыря, чудовищ — противников героя, правителя племени, которому угрожает чудовище, и королевы — хранительницы мира. Наряду с ними в действии принимают участие — пассивное — две дружины: короля — Хродгара и героя — Беовульфа. Та же система образов сохраняется во второй части поэмы, хотя в ней есть ряд изменений, возникающих в силу усложнения образа Беовульфа. Герою-богатырю противостоит чудовище — дракон. Но поскольку образ Беовульфа совмещает черты богатыря и правителя, то появляется фигура второго богатыря — Виглафа, частично взявшая на себя функции, которые в первой части полностью принадлежали Беовульфу. Систему завершают образы идеального правителя — Беовульфа и королевы Хюгд.³⁰ Как и в первой части, имеются две дружины: Беовульфа-короля («большая» дружина, о которой лишь упоминается) и Беовульфа-богатыря (те 11 человек, которых он выбрал для битвы с драконом). Обе дружины не принимают активного участия в действии, более того, пассивность второй — малой дружины, которая в первой части естественно и закономерно

вытекает из «правил» героического эпоса, во второй части приобретает иное — социальное звучание, о чем речь пойдет ниже. Четыре образа стоят в центре действия, в их поступках и речах раскрывается основной конфликт повествования.

Выражаясь в противоборстве двух враждующих сил, конфликт делит образы поэмы на два лагеря, в одном из которых — герой, король и королева племени, а также их дружины, в другом — чудовища, противники героя. Это деление нельзя рассматривать лишь как формальную, поверхностную реализацию конфликта. Последовательное и многогранное противопоставление этих лагерей ведет к формированию одной из основных черт героического мира: его биполярности, дихотомии. Мир поэмы разделен на две части: в центре первой — герой, в центре второй — его противники. Все элементы этого мира тяготеют к одному из полюсов, нет «нейтральных», не связанных с тем или иным лагерем деталей. Образы персонажей и их характеристики, временные и пространственные особенности, предметы — все несет отпечаток принадлежности к миру героев или их противников.

Система противопоставлений охватывает все элементы обоих миров: блистающему Хеороту, олицетворению счастья, добра, воинской доблести, противостоит подводное сумеречное жилище Гренделя; высокой нравственности, благородству героя — алчность, кровожадность чудовища; героическому обществу Хеорота — внесоциальное, одинокое существование Гренделя или дракона. Ряд оппозиций можно было бы увеличить во много раз, но ниже, при характеристике отдельных элементов героического мира многие из них будут рассмотрены подробнее, поэтому сейчас хотелось бы обратить внимание лишь на одну особенность дихотомии героического мира.

Противопоставленность отдельных элементов настолько последовательна и всеобъемлюща, что мир чудовищ предстает как перевернутый мир героев. Он имеет те же самые характеристики, но со знаком минус. Это своего рода абсолютная противоположность мира героев, его обратная сторона.

Что представляет собой Грендель? Это великан, известный своей жестокостью и алчностью, как Беовульф известен благородством и щедростью. Гиперболизированным качествам Беовульфа соответ-

ствуют гиперболизированные свойства его противников, что оттеняет и подчеркивает значительность и неосуществимость для других его подвигов. Поэтому не раз отмечается в противоположность статности, красоте Беовульфа безобразный, наводящий ужас вид Гренделя и его матери. Он напоминает изображение волшебника и злобного чародея Мамбреса на миниатюре в рукописи «Чудес Востока» (около 1030 г., рис. 65):

Едва он коснулся
рукой когтелапой
затворов кованых —
упали двери,
ворвался пагубный
в устье дома,
на пестроцветный
настил дворцовый
ступил, неистовый,
во тьме полыхали
глаза, как факелы,
огонь извергали
его глазницы.
(Беовульф, 722—728)

Высокой нравственности Беовульфа, основанной на соблюдении норм и обычаев общества, в котором он живет, противостоит «аморальность» Гренделя, его пренебрежение «старыми законами», отказ от выполнения обязательных для любого члена общества норм, например нежелание выплачивать вергельд за убитого. Как основное предназначение Беовульфа — творить добро, освобождая людей от чудовищ, так предназначением Гренделя является зло, наиболее наглядным проявлением чего является людоедство.

Последовательная противопоставленность каждого элемента этих двух миров пронизывает всю поэму. Система оппозиций настолько универсальна, что они, как скрепы, сопрягают мир героев и мир чудовищ в единый, хотя и антагонистический эпический мир. Две его полярные половины не только не исключают друг друга, но, находясь в сложной взаимосвязи, немыслимы одна без другой.

Рис. 65. Волшебник Мамберс у врат ада, миниатюра из рукописи «Чудеса Востока», ок. 1030 г.

* * *

Рассмотрим теперь более подробно отдельные элементы эпического мира, и в первую очередь его социальное устройство.

Нетрудно заметить, что система образов поэмы: король, дружинники, королева, герой, его дружина — образует не что иное, как идеальное общество эпического мира. Эпический социум ограничен: в нем нет места реальным общественным отношениям. Лишь одна-единственная ячейка социальной структуры — вождь и его дружина, в наибольшей степени отвечающая героическому идеалу, возникшему, надо полагать, в дружинной среде, воссоздается в эпическом мире.

Этот микросоциум в поэтическом сознании рассказчика и слушателей заменяет весь остальной мир. В поэме, как и в других памятниках героического эпоса, нет пахарей и купцов, охотников и рабов. Лишь один раз в «Беовульфе» упоминается раб — тот, который украл чашу из сокровищницы дракона (поступок столь низкий сам по себе, что его не мог бы совершить свободный) и тем самым навлек на геатов нападение чудовища. Дружинный мир в опозитизированной и возвышенной форме и есть идеальное эпическое общество. Дружина поэтому постоянно отождествляется со всем племенем. Говоря о фризах, например, scop повествует лишь о дворце Финна и его дружинниках, постоянно называя их «все фризы». «Даны» для него — это те, кто пирует в Хеороте, ходит в походы под водительством Хродгара, получает от него дары.

Поэтому описание датского двора в Хеороте — наиболее полное изображение эпического идеального общества в англо-саксонской поэзии, а сам Хеорот является вещественным, материальным воплощением и олицетворением дружинного мира.³¹ Его создание может быть сопоставлено с актом творения мира — неслучайно первыми в нем были исполнены песни о творении земли. Завершение Хеорота знаменует установление социального порядка и гармонии:

Он (Хродгар. — *Е. М.*) же задумал
данов подвигнуть
на труд небывалый:

хоромы строить,
 чертог для трапез,
какого люди
 вовек не видывали;
там разделял бы он
 со старыми, с юными
все, чем богат был
 по милости Божьей.

(Беовульф, 67—72)

Только при таком понимании роли Хеорота — как центра, вокруг которого строится весь эпический мир, как средоточия героического пространства — становится ясно и то, почему вся ярость Гренделя обращена именно против дворца. Казалось бы, основатель и хранитель радостного мира героев — Хродгар. И кто, как не он, должен быть уничтожен, чтобы воцарился хаос чудовищ? Но нет. Хродгар спокойно живет в своих покоях поблизости от Хеорота, а великан нападает на всех, кто смеет остаться в Хеороте после захода солнца. Достаточно отойти от знаменитой палаты на несколько шагов, чтобы очутиться в безопасности:

Не раз случалось
 людям в ту пору
искать ночлега,
 стелить постели
вдали от высокой
 дворцовой кровли,
ибо враг кровожадный
 в этом доме бесчинствовал,
и, спасаясь от недруга,
 уходили воины
прочь от места опасного.

(Беовульф, 138—143)

Все это указывает на совершенно особую роль, которую играет Хеорот в представлениях скопа и, соответственно, в героическом мире поэмы. Гибель Хеорота, предсказываемая скопом, — это одновременно и гибель датского героического общества, уничтожение порядка и гармонии, попрание нравственных норм, скрепляющих мир,

в первую очередь выполнения взаимного долга короля и его дружинников. Собственно, и гибель Хеорота есть результат нарушения традиционных этических норм — борьбы за власть над данами между родичами: Хродульвом и сыновьями Хродгара (по «Беовульфу» и Саксону Грамматику) или между Хродульвом, погибшим в огне своего дворца, и его шурином Хьёрвардом (по «Саге о Хрольве Жердинка»).

Благополучие общества полностью зависит от соблюдения освященных многовековой практикой норм поведения, подобающих королю, с одной стороны, и его воинам — с другой. Король должен быть могуществен, щедр, мудр (последнее понимается именно как соблюдение традиционных норм поведения). Воин — предан королю, отважен в битве.

Центром и символом этого общества является король — идеальный правитель своего народа. Образ «идеального правителя» хорошо знаком европейскому эпосу, но более позднего времени: вспомним Карла Великого в «Песни о Роланде», князя Владимира в русских былинах. В «Беовульфе» в первой части поэмы это образ Хродгара, «старого и седовласого» короля данов, основная сюжетная функция которого — не совершение подвигов (хотя и говорится, что в юности он одержал немало побед на ратном поле), а привлечение героев и предоставление им возможности совершить подвиг. Его пассивность в момент несчастий требует активного вмешательства извне, появления богатыря, который сможет восстановить порядок и мир. В образе идеального правителя воплощаются представления о социальном порядке и благополучии. Одна из основных его функций — перераспределение богатств, раздача сокровищ. Именно поэтому столько внимания уделяется щедрости Хродгара и других правителей. Она является залогом справедливого, «правильного» распределения ценностей. Поэтому и Хеорот в первую очередь изображается как место раздачи сокровищ:

Он же задумал...
хоромы строить...
там разделял бы он
со старыми, с юными
все, чем богат был
по милости Божьей...

Там золотые
дарил он кольца
всем пирующим.

(Беовульф, 67—73, 80—81)

Вторая функция правителя — защита своего племени, своей дружины от возможного урона. О важности этой функции свидетельствует большое количество эпитетов, выражающих идею защиты, покровительства: *leod geburcea* («защитник народа»: 269), *helm* («шлем», метафорически «защитник»: 371, 456), *eodor* («охранитель»: 428, 663), *wigendra hleo* («хранитель воинов»: 429), *folces hyrde* («пастух народа»: 610), *eorla hleo* («хранитель эрлов»: 1035) — по отношению к Хродгару; *eþelweard* («хранитель племени»: 2210), *folces weard* («страж народа»: 2513), *eorla hleo* («хранитель эрлов»: 791), *wigendra hleo* («хранитель воинов»: 1972, 2337) — по отношению к Беовульфу.

И еще одно качество правителя регулярно отмечается в поэме — его мудрость, которая понимается, однако, не как чисто интеллектуальное качество, а как практическое следование существующим этическим нормам, неукоснительное выполнение того, что должно. Мудр тот король, который соответствует героическому идеалу, этикетному образу.

Выполнение взаимных обязанностей создает в обществе мир и гармонию, которые царят в Хеороте до нападений Гренделя и после победы Беовульфа над ним:

Конунгу предан
каждый наш ратник,
верен другу
и кроток духом;
старейшины дружны;
слуги покорны;
хмельные воины
мне повинуются!

(Беовульф, 1228—1231)

Долг по отношению друг к другу — это те узы, которые связывают героическое общество воедино, это основа основ его благополучия и жизнеспособности.³²

Понятие взаимного долга играет в поэме важнейшую роль. В нем сочетаются этические представления разных эпох, их трансформация отражает эволюцию поэмы и эволюцию того общества, в котором она существовала. Концепция долга мыслится чрезвычайно широко: это призма, сквозь которую рассматриваются взаимоотношения человека и общества, человека и его родичей, дружины и короля. Широта основной этической категории создает сложность и многоплановость изображения персонажей, мотивировок их действий. Ведь, с одной стороны, любой человек (равно как и чудовище) — член определенного рода. Узы родства едва ли не самые важные социальные связи. О каждом даже третьестепенном персонаже указывается, кто его родичи, к какому роду он принадлежит, а в некоторых случаях приводится и подробная родословная героев (так, предкам Хродгара посвящено более 90 строк).

С другой стороны, человек включен в формирующуюся систему отношений вассалитета, что обуславливает взаимные обязательства короля и его дружины. Обязанности короля по отношению к дружинникам достаточно однозначны и с наибольшей полнотой воплощены в образе идеального правителя. Сложнее с отношением дружинников к королю. Декларируемым идеалом является Виглаф, однако отклонения от этого идеала образуют чуть ли не правило. Очевидно, определяющими для певца продолжают оставаться родственные связи: Беовульф верен своему сюзерену Хигелаку, который одновременно является его дядей. Он помогает сыну Хигелака и заботится о нем, как подобает родичу. Хродульф осуждается в наибольшей степени за то, что в борьбе за датский трон убивает своего родича, сына Хродгара. Да и Виглаф, как оказывается, связан с Беовульфом узами хоть и отдаленного, но родства.

Долг вассальной верности — плата за милости, которыми одаривает король своего дружинника. Именно так понимает Виглаф свой долг, произнося речь, обличающую «малую дружину» в пренебрежении своим долгом:

...Правдоречивый
сказал бы:
воистину
вождь, наделивший
вас, нестоящих,

кольцами золота,
ратными сбруями...
...зря отличил он
мечами острыми
вас, дрожащих
при виде недруга.
Не мог он похвастаться
вашей помощью...
(Беовульф, 2863—2872)

Распад героического общества может быть вызван лишь одной причиной — несоблюдением «героических» норм поведения, «нелояльностью» одной из сторон. И тогда наступает катастрофа: мир разрушается, утрачиваются связи между отдельными его членами, каждый из них в отдельности уже не может существовать как полноценная личность — именно положение человека вне присущего ему социума станет темой героических элегий. Дисгармония датского общества после смерти Хродгара наступает как результат предательства Хродульфа, нарушения им вассальной верности по отношению к сыну Хродгара. Гибель геатского общества — результат невыполнения дружиной Беовульфа обязанностей перед своим королем на поле битвы. Никакие внешние причины, как бы существенны они ни были, как кажется, не могут поколебать героическое общество, если сохранены его основы. Нападения Гренделя, хотя они и наносят урон дружине, не вызывают катастрофических последствий: Беовульф застаёт датский двор опечаленным, но вполне гармоничным и нормально функционирующим: его встречают страж побережья, затем советник Хродгара; «согласно обычаю», его приводят к Хродгару, вечернее застолье не отклоняется от привычного течения, между Хродгаром и его дружиной царят мир и согласие.

В противоположность миру героев с четкой иерархией социальных связей мир Гренделя и дракона асоциален. Каждое из чудовищ лишено даже родственных связей. Они существуют в полном одиночестве и изоляции даже от себе подобных.

...народ издревле
нарек его Гренделем, —
Но кем зачат он,
и чьи они чада,

Этот меч по описанию и функциям в повествовании — типичный волшебный предмет сказочного эпоса. Но в поэме его значение несравненно шире: он указывает на избранность героя, его выдающиеся качества, способность к подвигам. Прославлению Беовульфа служат и другие описания оружия (щита, с которым он выходит на битву с драконом, меча Нэглинга, шлема с золочеными вебрями и др.), корабля, на котором он приплыл к данам.

Особая ценность и превосходные качества оружия и доспехов — мечей, шлемов, лат — отмечаются разными способами. В первую очередь это обычные эпитеты, указывающие на остроту, крепость, прочность оружия, подробное описание украшений на нем: фигурок вебрей на шлеме, орнамента на рукояти меча, найденного Беовульфом в подземном жилище Гренделя, на лезвии меча Хрунтинга и т. д. Не меньшее значение имеет и «генеалогия» оружия: его происхождение, принадлежность его прославленным воинам, победы, одержанные с его помощью. Типична характеристика меча Виглафа:

...и меч, наследье
потомка Охтхере,
скитальца Эанмунда,
который был в битве
убит, бездомный,
в сраженье с Веохстаном,
взявшим в добычу
это оружие...
...тот меч хранился
и щит и кольчуга
у Веохстана,
покуда не вырос
ему преемник,
дабы продолжить
славу отцовскую
среди гаутов...
(Беовульф, 2609—2613,
2619—2622)

Родословная оружия, как и родословная персонажа, удостоверяет его достоинства, свидетельствует о присущих ему изначально, не зависящих от него самого выдающихся качествах.

В то же время благодаря столь подробным описаниям истории того или иного предмета он начинает жить своей собственной жизнью. Его нынешний владелец обладает им лишь временно, он — один из длинной цепи людей, владевших этим предметом. Меч Виглафа, например, это *laf* — наследственное сокровище, которое принадлежало многим прославленным воинам до него и которое станет достоянием его потомков.³⁵ Меч осуществляет непрерывную преемственность поколений, оставаясь неизменным воплощением героического поведения, передаваемым из отдаленного прошлого в будущее.

Предметы — далеко не всегда пассивные символы связи поколений. Не раз именно они определяют развитие героического действия, выявляя конфликт и приводя действие к критической развязке. Такова роль меча в трагических событиях распри между данами и хадобардами. Один из воинов Ингельда — его брак с Фреавару, дочерью Хродгара, должен был скрепить мир между их народами, — узнает меч, которым похвается на пиру датчанин, дружинник Фреавару, и вспоминает, что этим мечом раньше владел один из хадобардских вождей, убитый данами. Его воспоминания пробуждают гнев хадобардов, и распря вспыхивает вновь (Беовульф, 2041—2060). Меч вызывает взрыв подавляемых эмоций, бурную и неожиданную, но предсказуемую развязку.

Большое внимание уделяется рассказчиком тем дарам, которые Беовульф получает от Хродгара и Хигелака за победу над великанами. Певец подробно и любовно повествует о каждом из предметов, характеризует их внешний вид, превосходные качества, «родословную» каждого из них:

Ласковым словом,
 чашей медовой
был он привечен,
 а также пожалован
двумя запястьями
 златовитыми
да украшением —
 кольцом ошейным,
какого в жизни
 я и не видывал,
и кто из героев
 владел, не знаю,

подобным сокровищем,
 кроме Хамы,
который в дом свой
 внеся ларец
с ожерельем Бросинга,
 бежал от гнева
Эрменрика
 под руку Предвечного.
(Беовульф, 1192—1201)

В этих описаниях подчеркивается принадлежность предмета лишь избранным героям. Пышность, великолепие дара, с одной стороны, являются мерилом подвига, материальным воплощением мужества, отваги, силы, проявленных героем в борьбе; с другой — они позволяют герою приобщиться к удаче, славе, счастью короля, сделавшего дар, и всех тех знаменитых людей, которые ранее владели этим предметом.³⁶

Значение ценного предмета как символа достоинств персонажа — специфически героико-эпическая черта. Она распространяется как на отдельного персонажа, так и на целое племя, богатство которого определяет его коллективное достоинство: славное и могучее племя — а таков его героический идеал, и других мы не встретим в поэме — обязательно должно обладать многими сокровищами, которые являются вещественным, видимым всем проявлением его положения в окружающем мире. На этом представлении основывается и то значение, которое имеет в повествовании клад, охраняемый драконом. Неразрывно связаны гибель древнего племени и погребение клада; дракон мстит не столько в силу своей алчности — этот мотив и не упоминается в поэме, сколько потому, что покушение на клад равноценно покушению на его достоинство, умалению его героических качеств; напротив, обретение клада должно преумножить силу и славу племени геатов.

Описания предметов в поэме не только функционально значимы. Рассказчик сам любит ими, с тонким знанием дела и очевидным удовольствием изображает тот или иной предмет. Не менее детально и проникновенно рисунки вещей на миниатюрах рукописей англосаксонского периода — достаточно взглянуть на изображение доспехов и оружия на миниатюре из «Рукописи Кэдмона» (рис. 8). Неудиви-

* * *

Героический идеал, как мы видели, определяет внешний облик эпического мира и события, происходящие в нем. Но есть и другие свойства эпического мира, воспринимаемые на первый взгляд как нечто самоочевидное, реальное, несоотносимое с героикой эпического мира. Это пространство, занимаемое им, и время, которое в нем протекает.

Первое знакомство с эпическими произведениями англо-саксов, и в частности с «Беовульфом» и «Видсидом», создает впечатление, что эпическое пространство как таковое неотделимо от пространства реального: в «Видсиде», например, упоминается огромное количество реально существовавших народов и территорий; не меньше, хотя и в менее концентрированной форме, таких упоминаний в «Беовульфе». В поэме действуют реально существовавшие племена данов, фризов, ютов, франков, шведов. Описания местности — столь правдоподобные, как скалы датского побережья, микротопонимы типа Хреоснаберг, Хронеснес и т. д., — заставили не одно поколение ученых прилагать много усилий, чтобы локализовать место, где располагался Хеорот, где находилось озеро — жилище Гренделя и его матери, где были селения геатов и королевский дворец Беовульфа и где, наконец, те скалы, возле которых Беовульф сражался с драконом. Неудачи таких попыток закономерны, но не из-за нечеткости и скудости описаний местности или природы. Напротив, «Беовульф» содержит едва ли не наиболее поэтичные и яркие пейзажные зарисовки в древнеанглийской литературе — достаточно вспомнить описание пути к озеру, где находится жилище Гренделя:

Дальше направились
высокородные
к скалам гранитным,
к теснинам темным,
где меж утесов
стези кремнистые
шли над ущельем,
кишащим нечистью...
(Беовульф, 1408—1411)

И не в поэтической условности описаний дело, а в том, что эпический мир имеет свое собственное пространство, которое, хотя и соотносится с пространством реальным, не может быть отождествлено с ним, поскольку существует как некоторая поэтическая абстракция лишь в воображении рассказчика и слушателей.

Единственное место, действительно поддающееся локализации, — это резиденция датских вождей Скьельдунгов, где, по «Беовульфу», Хродгар воздвиг Хеорот. Ее издавна отождествляли с местечком под названием Лайре поблизости от Роскилле на о. Зеландия, и крупномасштабные раскопки 1980-х гг. и позднее обнаружили здесь поселение с курганными могильниками и богатейшую усадьбу вождя с несколькими большими домами до 60 м в длину, менее просторными жилыми и хозяйственными постройками, мастерскими (рис. 66). Немало было найдено ценных предметов, в том числе связанных, видимо, с культовыми ритуалами (рис. 67), а также привозных вещей. В 550—1000 гг. это было не только место пребывания вождя и его дружины, но и значительный центр ремесла и торговли, где производились предметы вооружения, украшения, здесь же находился и культовый центр. Относительно небольшое количество найденного на территории поселения оружия, видимо, указывает на то, что оно имело важное социальное и экономическое значение, но не являлось военной базой.³⁷ Однако в поэме все многообразные функции реального поселения в Лайре сведены к одной: это резиденция короля данов и место пребывания его дружины — «всех данов», сцена, на которой разворачивается героическое действие.

Эпическое пространство, как оно представляется англо-саксонскому скопу, чрезвычайно ограничено и мало. Самые дальние обитатели мира — финны — оказываются на таком расстоянии, которое Беовульф преодолевает, состязаясь с Брекой в плавании. Далекие и близкие земли одинаково далеки или близки — в зависимости от точки зрения рассказчика — и одинаково не соотносимы с расстояниями реальными. Поэтому Видсид с легкостью оказывается то на севере, то на юге Европы, и все народы представляются равно доступными и близкими для него.

Весь мир видится скопу как совокупность отдельных точек — локусов, представленных королевскими дворцами, где находятся король

Рис. 66. Реконструкция усадьбы вождя в Лйре,
о. Зеландия, Дания, VII—X вв.

Рис. 67. Скульптурное изображение Одина (18 мм). Серебро. Лайре, о. Зеландия, Дания, ок. 900 г.

и его дружина, символизирующие все племя (данов, фризов, хадобардов, франков). Племя данов воплощается и как бы концентрируется в образе Хродгара и его дружинников, а вся территория датского королевства сводится к Хеороту. Хотя и упоминаются в поэме геатские бурги и селения, которые сжигает дракон, но для сказителя реален лишь дворец Хигелака, где король выслушивает рассказ Беовульфа, получает и раздает дары своим дружинникам. Мир сводится к ряду дворцов, замков, пиршественных палат, и эта «точечность» пространства сужает мир, лишает его масштаба расстояний. Движение — переход из точки в точку — важно лишь в своих конечных пунктах, его промежуточные стадии интереса не представляют и потому просто опускаются. В путешествии Беовульфа к данам существенно лишь перенесение действия из земли (= дворца) геатов в землю данов (= Хеорот), поэтому подробно описаны сборы Беовульфа, отплытие корабля, а затем геаты оказываются у данов и начинается пространное объяснение Беовульфа со стражем побережья, потом с Вульфгаром, и наконец геатская дружина оказывается в Хеороте. Расстояние между «точками» несущественно и потому условно.

Пространство между точками-дворцами представляется скопом ничем не заполненным, лишенным каких-либо характерных примет. Но пусто оно не само по себе: его пустота определяется отсутствием в нем атрибутов героического мира, и потому пространство вне этих точек — это пространство вне героического мира. Оно включено в другую систему ценностей, наполнено событиями, людьми, предметами, не связанными с представлениями об эпической героике, и тем самым не попадает в поле зрения скопа. Промежуточное пространство не заполнено героическим действием, именно в связи с этим оно сжимается, и отдельные точки эпического мира как бы примыкают одна к другой. Пространство концентрируется, сгущается настолько, что весь мир помещается в стенах королевского дворца.

Уклад жизни, взаимоотношения людей, населяющих дворец (Хеорот, дворец Хигелака), нравы и обычаи, царящие в нем, представляются моделью всего миропорядка. Это героический микрокосм, который как две капли воды похож на все остальные локусы эпического мира. Строгое выполнение взаимного долга является основным устоем мира как данов, так и гуннов, фризов и др. Щедры и Аттила, и Теодорих, и

Хродгар. С интересом и вниманием слушают песни Видсида при дворах разных правителей. И во всех концах эпического мира понятны и близки мотивы, которыми руководствуются герои. Героический мир умножается, многократно воспроизводится во многих точках эпического пространства, и это сообщает ему однородность и универсальность. Пространство едино и в каждой точке равно самому себе, оно не может обладать различными признаками в различных его частях. Его неразрывная связь с героическим миром, обусловленность его существования этим миром позволяют говорить о нем как о героическом пространстве, структура которого строго подчинена дихотомическому делению мира.³⁸

Географические — ландшафтные — приметы эпического пространства отражают реальные условия существования тех, в чьей среде формировался героический мир. В «Беовульфе» явственно чувствуется близость моря: не говоря уже о морском плавании героя к данам, оно упоминается и в рассказах о первом юношеском подвиге Беовульфа (уничтожение морских чудовищ), о состязании в плавании; геатская дружина из дворца Хигелака идет к своему кораблю, дорога от моря ведет к Хеороту, тело дракона геаты сбрасывают с утеса в море, курган Беовульфа насыпан на мысе, чтобы он был виден далеко в море. Естествен гористый ландшафт, который описан и в первой части поэмы (жилище Гренделя находится в горном озере и окружено острыми скалами), и во второй (пещера, в которой скрывается дракон, находится в горах). Сам Хеорот расположен в равнинной местности, где есть болота, о которых упоминает Хродгар. Изображения ландшафта лишены гиперболизации, они, вероятно, и не воспринимались как самостоятельный эстетический элемент повествования, поскольку их включение в текст жестко обусловлено развитием действия и не выходит за рамки необходимого пояснения, т. е. преследует практические цели.³⁹ Беовульф направляет путь к «серым утесам» (с. 2540), «тропа торная вела по равнине, путь указуя в лесную чашу» (с. 1403—1404). Ландшафт нейтрален и не имеет особых примет героической приподнятости, вероятно, и потому, что герой, хотя и действует иногда на лоне природы, никогда не сопряжен с ней, не вступает с ней в какое-либо взаимодействие. Более того, природа предстает как нечто исключительное, выходящее за рамки героической повседне-

ности, чуждое и, вероятно, враждебное миру людей. Поэтому в англосаксонском эпосе описание природы — если оно встречается (например, в элегиях) — всегда мрачно, угрюмо, вызывает чувство страха и настороженности. Отсутствие поэтических средств для изображения пейзажа, прекрасного и радующего человека, вынудило даже создателя поэмы «Феникс» в изображении рая («Блаженная земля») пользоваться по преимуществу отрицательными конструкциями:⁴⁰

...чистая и беспечальная
 счастья обитель,
 цветущая непрестанно:
 ни утесы, ни горы
 ни скалы клыкастые,
 ни каменные уступы
 в поднебесье не вздыбаются,
 как здесь повсеместно,
 ни ущелия, ни лощины,
 ни пещеры, ни провалы,
 ни бугры, ни обрывы —
 не уродуют земь неровности...
 (Блаженная земля, 20—25)

Действие поэмы происходит почти исключительно во дворце, в замкнутом, «очеловеченном» пространстве. Если оно и попадает во власть чудовищ, то временно и не полностью:

...светлый Хеорот
 стал пристанищем
 полночной нечисти —
 только места высокого,
 освященного Богом,
 не касался поганый,
 не смел осквернять
 трона кольцедарителя.
 (Беовульф, 166—170)

Грендель владеет Хеоротом после захода солнца, и не весь дворец подвластен ему — он не может («не смеет») дотронуться до королевского трона. В этой неполноте обладания таится возможность возвра-

щения дворца героям, восстановления миропорядка. Большинство же эпизодов битвы героя с чудовищами (Беовульфа с великаншей и драконом, Сигурда с Фафниром) происходят за пределами дворца, но они происходят и за пределами мира людей: и горное озеро, и скалы, где находится пещера дракона, и Гнигахейд, логово Фафнира, — это территория противников героя, чудовищ, но никак не людей. С природой непосредственно связана лишь та часть эпического мира, которая противостоит миру героя.⁴¹

Специфика эпического пространства, его условность создают дистанцию между миром рассказчика и слушателей и эпическим миром. Эта дистанция формируется и временной отнесенностью действия, и вообще протеканием времени в эпическом мире. Это не мифологическое «неопределенное» или «изначальное» время архаического эпоса, а условно-историческое время, наделенное внешними признаками историчности, несмотря на вневременность самого сюжета.⁴² Действие поэмы сопряжено с «героическим временем» германского эпоса — эпохой Великого переселения народов. Выше упоминалось использование некоторых исторических имен (Аттилы и др.) как символов этой эпохи. Встречаются они и в «Беовульфе», безотносительно к развитию действия поэмы, но как краткие аллюзии в описаниях. Рассказывается в поэме и о некоторых реально происходивших событиях, которые засвидетельствованы хрониками и анналами других народов (например, о походе Хигелака).⁴³

В создании исторического фона участвует множество топонимов и этнонимов, разбросанных в тексте. Реальность большинства из них проверить практически невозможно, но в тех случаях, когда представляется шанс соотнести их с действительно существовавшим племенем или местом, степень их исторической достоверности вызывает глубокие сомнения. Например, Беовульф, рассказывая о состязании с Брекой, говорит:

...меня, усталого,
но невредимого,
приливом вынесло,
морским течением
к финским скалам.
(Беовульф, 581—583)

Дословно в тексте сказано *on Finna land* — «на землю финнов». Вопрос в том, какая историческая реальность скрывается за этим топонимом. Скорее всего, никакой. «Земля финнов», о которых англо-саксы могли слышать от своих скандинавских сородичей,⁴⁴ представлялась лишь как самая дальняя, предельная часть ойкумены, и упоминается она для того, чтобы придать бóльшую масштабность победе Беовульфа над Брекой: герой доплыл до края света, куда никто добраться не может и только слухи о существовании которого дошли до Англии.

Еще более интересный случай представляет самый часто встречающийся в поэме этноним: название племени, к которому принадлежит сам Беовульф, — геаты, которое соответствует, как полагают большинство современных исследователей, названию скандинавского племени гауты (*gautar*), идентичного или родственного готам, переселившимся на рубеже эр на материк в низовья Вислы, а затем мигрировавшего в Северное Причерноморье и в V в. вытесненного оттуда гуннами на запад.⁴⁵ О готах рассказывают многие позднеантичные и раннесредневековые историки до VII в., но племя геатов-гаутов в европейской хронографии не упоминается, а в памятниках художественной словесности как англо-саксов, так и скандинавов теряет конкретно-исторические приметы и становится своего рода символом. «Гаут» — одно из прозвищ верховного бога древних германцев Одина в скандинавской мифологии. Краткие упоминания: «он был гаутом», «он был родом из Гаутланда» относятся в скандинавских «сагах о древних временах» к наиболее знаменитым героям (например, Бодвару Бьярки). Создается впечатление, что Гаутланд — страна героев, а не реальная территория, населенная определенным народом. Все представители племени отважны, могучи, являются своего рода эталоном героичности. Поступив в дружины соседей-конунгов (а все свои подвиги герои-гауты совершают в чужих землях), они приносят им славу и победу. Теряя черты исторической реальности, геаты-гауты преобразуются из действительно бывшего народа в эпическое племя, существующее как модель идеального героического племени лишь в эпическом мире. Сам этноним становится символом, указывающим на исконную принадлежность воина к героическому миру.⁴⁶

Вероятно, именно в связи с условностью, «эпичностью» этнонимов «геаты» и «даны» создалась парадоксальная ситуация, так и не получившая объяснения: в эпоху ожесточенной борьбы англо-саксов со скандинавской экспансией формируется эпическая поэма, прославляющая героя-скандинава и его подвиги, совершенные ради блага тех самых данов, которые разоряют Англию.⁴⁷ Но лишь для современного читателя, знакомого с историей, археологией, культурой Скандинавских стран, геаты и даны «Беовульфа» — реальные народы, населявшие конкретные территории и известные некоторым средневековым авторам. Для скопа же и его слушателей такого прямого соответствия не было и, видимо, не могло быть. Эпический сюжет, пришедший к англо-саксам, вероятно, еще до их переселения на Британские острова, в ходе своего развития преобразовывал конкретные реалии, переносил их из действительного в эпический мир, где они утрачивали значительную часть своего конкретно-исторического содержания, зато обретали нетленный поэтический смысл. Поэтому геаты и даны, как и другие «исторически достоверные» этнонимы и топонимы поэмы, — одновременно и те самые геаты и даны, которые жили на юге Швеции и на Ютландском полуострове, и в то же время типизированные «эпические» народы, поэтический образ идеального племени.

Таких условно-исторических реалий, преобразующих пространство и время действия поэмы в условно-историческое пространство и время, можно привести немало. Но важно не их количество, а их значение. Благодаря широкому включению их в повествование, время действия поэмы воспринималось рассказчиком и слушателями как действительно бывшее, существовавшее в реальности, а не как фантастическое: сказочное или мифологическое. «Историзация времени» отражала общую установку на достоверность, «невывышленность» рассказываемого.

Отнесение действия к «героической эпохе» включало эпический мир поэмы в более широкий, но имеющий те же особенности мир всего древнегерманского эпоса, создавало единство эпического времени и обуславливало его замкнутость. Все основные сюжеты наиболее раннего германского героического эпоса (известные, однако, по более поздним англо-саксонским, скандинавским, верхненемецким редак-

циям) отнесены к одному времени и не выходят за его пределы. Эпическое время ограничено хронологическими рамками «героической эпохи», и все события, сжимаясь или растягиваясь, умещаются в нем. Замкнутость и компактность времени позволяла выработать незначительные по количеству, но чрезвычайно емкие и запоминающиеся приметы «героического времени». Неслучайно из поколения в поколение передаются, не претерпевая изменений, имена прославленных героев и названия мест, где они совершали свои подвиги, в то время как их индивидуальные характеристики и даже последовательность событий, связанных с ними, трансформируются, переосмысливаются иногда почти до неузнаваемости.⁴⁸ Имена собственные, в первую очередь имена героев, являются символами героической эпохи, героического времени. Представленные сложными существительными, подобными поэтическим синонимам, они также служили средством героизации: так, имена *Wid-sið* — «много странствовавший», *Hroð-gar* — «славное копье», *Beo-wulf* — «пчелиный волк», т. е. «медведь»,⁴⁹ значащи и, более того, содержат оценку, восхваляющую и прославляющую носителя имени.

Время поэмы не замыкается в самом сюжете. Многочисленные отступления о предках Хродгара, о судьбе Эрманариха, о шведско-геатской распре и др. расширяют хронологические рамки повествования, выводят слушателя за пределы самого сюжета. Создается некая, хотя и достаточно ограниченная, временная перспектива, на фоне которой особенно ярко и величественно выступают подвиги Беовульфа и которая охватывает как прошлое, так и будущее. Насколько можно судить, она основывается на широком распространении эпических сюжетов в среде слушателей. Рассказчик может позволить себе краткие намеки на дела давно минувшие и на грядущие (для Беовульфа или данов) события лишь потому, что все слушатели знают и помнят другие сказания, подробно повествующие о них, и потому эти аллюзии были понятны и соотносимы с развертывающимся действием.

Упоминания и рассказы о прошлых и будущих событиях буквально переполняют поэму. Они вводятся и в авторской речи (например, все четыре отступления о походе Хигелака), и в речах персонажей (так, Хродгар упоминает о бывшей когда-то размолвке Эггтеова, отца Беовульфа, с геатами; Беовульф подробно рассказывает Хигелаку

о грядущей судьбе дочери Хродгара, выданной замуж за Ингельда, и т. д.). Они вызывают постоянные остановки в развитии сюжета, прерывистость основного временного плана — настоящего.⁵⁰

В то же время все отступления имеют и тесную связь с настоящим. Прошлое объясняет настоящее, раскрывает существо происходящего в нем; будущее является прямым следствием и развитием настоящего и потому тоже неотделимо от него. Прошлое и будущее являются в поэме функциями настоящего и воспринимаются через его призму. Тем самым настоящее в поэме, т. е. время протекания событий сюжета, выдвигается на первый план, выступает более рельефно и ярко.

Что же представляет собой сюжетное время поэмы? В первую очередь оно строго линейно. Насколько легко забегает в будущее и возвращается в прошлое рассказчик в различных деталях, уточняющих действие, настолько жестко выдерживается им последовательность событий самой фабулы. Действие за действием проходят перед слушателем, и каждое из них занимает отведенное ему место во временном ряду, причем в одном временном отрезке содержится лишь одно событие, в какой бы точке пространства оно ни совершалось. Каждое из них обусловлено предшествующим, и потому оно не может быть передвинуто на хронологической шкале. Исключение составляют лишь две оговорки рассказчика перед битвами Беовульфа с Гренделем и драконом, когда он заранее как бы предупреждает, чем закончится предстоящее сражение:

...а вождь был должен
дни этой жизни
в битве закончить,
убив чудовище...
(Беовульф, 2341—2342)

Но эти предсказания будущего также основаны на общеизвестности фабулы, само повествование рассчитано не на сообщение совершенно новой информации, а на воспроизведение уже известного, и потому «предсказания» как бы удостоверяли традиционность рассказываемого и концентрировали внимание слушателей на том, как, а не что рассказывается.

Это восприятие и воплощение времени в поэме (и не только в ней, но и в других эпических памятниках) объясняет постоянное расчленение многоплановых эпизодов на серию последовательных сцен, например, боя.

Строгая очередность событий подчеркивается способом отсчета времени — от предшествующего события. Беовульф отплывает из земли геатов и через день и ночь видит утесы датского берега. Беовульф правит геатами 50 лет, и после этого дракон начинает свои нападения. Никаких других возможностей счета времени поэма не обнаруживает: внешние, не относящиеся к сюжету события не имеют для рассказчика значения временных ориентиров и не могут быть соотнесены со временем сюжета. Более того, в самой поэме временной распределенности подлежат лишь действия, непосредственно составляющие сюжет. Только они обладают длительностью по отношению друг к другу, занимают место во временном ряду. Что же касается отступлений, выходов в прошлое и будущее, то здесь невозможны вообще какие-либо отсчеты времени. Нигде нет ни единого указания на то, когда происходило то или иное упоминаемое событие: битва в Финнсбурге, гибель Хигелака, сражение у Хреоснаберга и т. д. В лучшем случае мы можем определить, что поход Хигелака к франкам состоялся после возвращения Беовульфа от данов и до его восшествия на геатский престол, но, как много после и за сколько до, неизвестно и не интересует рассказчика. О большинстве же событий мы не знаем и этого. Прошлое не членится на отдельные отрезки времени. Оно аморфно и обретает структуру, только если заполнено рядом последовательных, взаимосвязанных событий; тогда к нему применимы те же определения, что и к настоящему в поэме: достаточно вспомнить рассказ о распре геатов и шведов (Беовульф, 2922—2998), чтобы убедиться в том, что и там мы имеем дело с «сюжетным» одноплановым линейным временем.

Но, пожалуй, главной особенностью «сюжетного» времени является его непосредственная связь с действием, событием. «Сюжетное» время оформляется и приводится в движение развитием действия. «Пустые» промежутки времени, как и «пустое» пространство, отмечаются лишь в редчайших случаях и вполне условно («прошло 50 лет», но они не содержали героического действия, и потому о них нечего сказать) либо — чаще — не отмечаются вовсе.

Таким образом, время в эпическом мире поэмы подчинено закону героического. С одной стороны, оно героично уже потому, что принадлежит «героической эпохе» германского эпоса; с другой стороны, как и пространство, оно определяется героическим действием и не мыслится вне его. Структура эпического мира, таким образом, является взаимосвязанной и взаимодействующей системой «пространство — время — действие».

Таков эпический мир поэмы, мир противоборствующих добра и зла, мир героического деяния, гиперболизированных чувств и возможностей, мир, в котором отражается реальная жизнь певцов и слушателей, но лишь одной своей стороной — героической, праздничной, необыденной. Герои поэмы отделены от слушателей не тем, что они вымышлены, а идеальностью мира, в котором они живут, и идеальностью своих качеств. Немаловажную роль в формировании поэмы играет и христианский элемент.

* * *

Сюжет поэмы не несет никаких черт, связывающих его с христианской идеологией, христианскими литературными традициями. Как признают большинство современных исследователей, христианские элементы возникли в поэме на довольно позднем этапе ее развития, но к моменту ее записи были органически вплетены в текст, и без их характеристики анализ поэмы не может быть сколько-нибудь полным.⁵¹ Религиозность была неотъемлемой частью сознания средневекового человека, ею была проникнута вся его жизнь от рождения и до смерти. Поэтому неудивительно, что и в поэме, существовавшей во времена становления и укрепления христианской идеологии, она нашла довольно широкое отражение, причем не только в форме отдельных и более или менее самостоятельных отступлений (Песнь о творении, 90—98; Грендель и род Каина, 102—114; «проповедь» Хродгара, 1687—1768), упоминаний христианских легенд и реалий,⁵² но и как один из элементов эпического мира в целом.

Было давно уже замечено достаточно странное и до сих пор не объясненное обстоятельство: новозаветная — наиболее существенная

в глазах средневекового человека — литература не нашла никакого отражения в тексте: нет ни упоминаний имени Христа, несмотря на многочисленные обращения к Богу, ни ссылок на его жизнь или какие-либо события из жизни святых. Создается впечатление, что рассказчик или незнаком с новозаветными сюжетами (что практически невозможно), или по каким-то причинам не прибегает в своем изложении к ним. В то же время ветхозаветные сюжеты представлены широко: это легенда о сотворении мира (Беовульф, 90—98), о всемирном потопе (1689), о Каине и Авеле (106—108), о конце мира (978, 2724, 3069). Много в поэме и «нейтральных» бессюжетных включений элементов христианской идеологии: частые обращения героев к Богу («Дарителю славы» — Беовульф, 316, 928, 955, «Всемогущему повелителю» — 16, 665, 1314, и др.); рассуждения о губительности гордыни (этой теме посвящена речь Хродгара: 1727—1768). Христианские представления в поэме в целом отличаются крайней расплывчатостью и неясностью для самих слушателей. Они свидетельствуют о постепенном вытеснении представлений язычества, которые отнюдь еще не устранены полностью. Достаточно вспомнить описание рукояти меча, найденного Беовульфом в подводном жилище Гренделя:

...он разглядывал
 древний черен,
 искусно чеканенный,
 на котором означивалось,
 как пресек потоп
 великаново семя
 в водах неиссякаемых, —
 кара страшная! —
 утопил Господь
 род гигантов,
 богоотверженцев,
 в хлябях яростных,
 в мертвенных зыбях;
 и сияли на золоте
 руны ясные,
 возвещавшие,
 для кого и кем
 этот змеукрашенный
 меч был выкован

в те века незапамятные
вместе с черенном,
рукою витой...

(Беовульф, 1687—1698)

В традиционно-эпическом описании меча слились сюжеты и представления христианства и язычества, в нем соседствуют легенды о всемирном потопе и о великанах (образ, распространенный и в германской мифологии), Божий гнев и руническая надпись.

Видимо, не без оснований можно предположить, что в поэме нашли отражение мотивы и сюжеты христианства по преимуществу космогонического и эсхатологического характера, которые имеют черты сходства с космогоническими сюжетами древнегерманской мифологии. Благодаря их сопоставимости со знакомыми и привычными представлениями они быстрее и легче усваивались новообращенными христианами. Неслучайно, например, воплощенное в многочисленных кеннингах представление о Боге, бесспорно христианском: Бог для рассказчика и слушателей — это некое высшее существо, распределяющее земные блага и дары, повелевающее судьбами людей, дарующее достойным победу в битве и славу по образцу древнегерманского конунга.⁵³ Наиболее часты выражения, которые, например, в скандинавской мифологии относятся к Одину: «всемогущий отец», «даритель славы», «даритель победы». Лишь очень немногие эпитеты или метафоры связаны непосредственно с христианскими представлениями, например, «вечный отец».

«Проповедь» Хродгара, которая обычно считается наиболее ярким воплощением христианской идеологии, является по сути своей декларацией в формах христианской терминологии правил взаимоотношений короля и его подданных:

то не чудо ли,
что всеильный Господь
от щедрот своих
наделяет людей
властью и мудростью,
возвышает их, —
Бог, он всем вершит! —

он же в сердце
высокородного
поселяет страсть
любостяжания
и возводит его
на наследный престол,
ставит сильного
над дружиной,
над селеньями
и над землями
столь обширными,
что немудрому мнится,
будто нет пределов
владеньям его;
и богатство его возрастает,
и ни старость, ни хвори
не вредят ему,
беды и горести
не мрачат души,
и мечи врагов
не грозят ему,
ибо целый мир
под пятой у него.
Он же не ведает,
что, покуда в нем
расцвела страсть
да гордыня росла,
в его сердце страж,
охранитель души,
задремал, почил,
сном пересиленный,
а губитель уже
тайно лук натяг
и направил стрелу,
от которой душа
под кольчугой не спрячется...
станет мало
ему, ненасытному,
всех имений его,
станет он гневлив

и на кольца скуп,
и, презрев Судьбу,
он отвергнется
от Бога благостного,
ниспославшего ему
власть и золото...
...а на смену отжившему
придет конунг,
на рать расточающий
все богатства предместника
щедрой рукой.

(Беовульф, 1724—1757)

Именно пренебрежение короля своим долгом, забвение своих обязанностей (прежде всего «скупость на кольца»), как они мыслятся в героическом мире, осуждаются Хродгаром, рассказчиком и слушателями. Поведение «возгордившегося» короля соотносится не только с христианским, но и с героическим идеалом правителя.

Постоянные декларации Божественной помощи Беовульфу, Хродгару, участия Бога в земных делах отнюдь не исключают практического подхода рассказчика к событиям поэмы. Невзирая на все, Беовульф побеждает Гренделя «своей собственной силой» (Беовульф, 700); слушатель не ждет каких-либо чудес или непосредственного вмешательства Бога, и Беовульф погибает от ран, полученных в битве с огнедышащим драконом. Все развитие сюжета, все детали поведения героев объясняются вполне практическими, земными мотивами (об элементах сказочной фантастики говорилось выше), христианские мотивировки лишь иногда наслаиваются и как бы подкрепляют традиционно-эпические. Например, Беовульф уверен в победе над Гренделем и потому, что он в расцвете героических сил и это деяние является проявлением его сущности героя, и потому, что пользуется покровительством Бога.

Значительно существеннее роль христианских элементов в системе ценностей эпического мира. Пространство, принадлежащее героям, как и они сами, находится под покровительством Бога. Бог охраняет трон Хродгара и не допускает, чтобы Грендель воссел на него, он помогает Беовульфу во всех его подвигах (не избавляя, однако, от гибели

ли); герои в свою очередь преданы Богу, как и следует вассалам по отношению к своему сюзерену. Бог — верховный повелитель героев, и отношения между ними строятся по знакомому земному образцу: взаимное выполнение долга обеспечивает благополучие и неизменность миропорядка.

Участие Бога в судьбе Беовульфа, его поддержка и помощь в сражениях — дополнительное средство героизации образа, сообщающее ему ореол праведности в глазах слушателей-христиан, пускай неопитов, еще слабо знакомых со сложной догматикой и символикой, но уже воспринявших некоторые основные положения нового вероучения. Победы Беовульфа над чудовищами освящены авторитетом Бога.

Другой полюс эпического мира — это полюс отверженных Богом его врагов и недругов. Система оппозиций распространяется на характеристику персонажей с христианских позиций и также противопоставляет героев и чудовищ. В давние времена Бог осудил и отринул от себя противников героя за различные злодеяния, и они изгнаны не только из мира героев, но и из мира Божьего. Они находятся вне общественных связей, как земных, так и небесных, и победа над ними героя — это восстановление как земной, так и небесной справедливости. Более того, можно предположить, что Грендель в представлении рассказчика и слушателей ассоциируется с библейским (ветхозаветным) сатаной: многие метафоры, обозначающие его, являются парафразами слова «дьявол» в христианской литературе: *helle hafta* (лат. *captivus inferni*) «пленник ада», *feond mancynnes* (лат. *hostis humani generis*) «враг рода человеческого».

Влияние христианской религии, таким образом, проявляется в «Беовульфе» в бóльшей степени в передаче самой атмосферы жизни, где религиозность является естественным проявлением средневекового сознания, нежели в намеренном или ненамеренном воплощении основ христианского вероучения. Именно поэтому христианские представления включаются в систему элементов, определяющих облик эпического мира, его внешние атрибуты. Тем не менее наиболее существенные стороны эпического мира и его структура не обнаруживают влияния христианства, а остаются традиционно-героическими. Христианская идеология проникает лишь в наиболее подвижную,

наиболее подверженную изменениям систему ценностей эпического мира, причем на правах одного из многих ее элементов, и не влечет за собой радикальной перестройки или пересмотра остальных этических представлений. Христианская модель мира в некоторых своих частях совмещается с эпической, накладывается на нее, но не вытесняет и не подменяет ее.

* * *

Эпический мир «Беовульфа» близок общегерманскому, модификации его незначительны и, самое главное, не затрагивают его структуры. В то же время поэма, основываясь на традиционном общегерманском сюжете, отнесенном к «героической» для германцев эпохе, приобретает некоторые локальные черты и включает множество отступлений, сюжеты которых связаны с местными, английской и скандинавской, традициями. Правда, как свидетельствует «Видсид», грань между этими традициями ощущалась слабо: в поэме не ощущается различий между сюжетами (или героями) общегерманскими и местными; все они перечисляются подряд, без определенной системы. Тем не менее локальные сюжеты, очевидно, возникают в более позднюю эпоху, о чем свидетельствует ряд особенностей поэм на эти темы.

К сожалению, до нашего времени не сохранилось полностью ни одной англо-саксонской поэмы этого типа, хотя о существовании их мы знаем немало, и в первую очередь из «Беовульфа», где кратко пересказаны некоторые поэмы. Вторым источником наших сведений о героических поэмах на местные сюжеты является, конечно, «Видсид». И лишь краткий фрагмент одной из таких поэм, по счастью пересказанной полностью в «Беовульфе», дошел до нашего времени — это фрагмент (около 50 строк) песни «Битва в Финнсбурге». Среди других поэм, содержание (но не форма воплощения) которых известно, можно назвать сказания об Ингельде, «короле» хадобардов, который женился на дочери Хродгара в знак мира с данами (эта история излагается в «Беовульфе»), о мерсийском короле Оффе⁵⁴ и др.

Насколько можно судить на основании фрагмента «Битвы в Финнсбурге» и пересказов других поэм, эпический мир, воплощенный

в них, в целом очень близок «Беовульфу», хотя, возможно, и не тождествен ему. Общими являются наиболее существенные, структурообразующие элементы, в первую очередь концепция героического, определяющая основные признаки эпического мира. Общезначимым (для племени или народа) является центральный конфликт поэм, его разрешение влияет на судьбы данов и хадобардов в сказании об Ингельде, данов и фризов — в песни о Финнсбурге. Героическое действие — сражение — находится в центре внимания рассказчика, праздничные пиры с раздачей даров и приготовления к битве служат его обрамлением. Действия, характеристики героев сильно гиперболизированы, проникнуты пафосом героики. Сохраняются наиболее важные особенности и пространственно-временных характеристик эпического мира. Пространство представляется, как и в «Беовульфе», «точечным», дискретным, центр мира — дворец, в котором пируют герои, там же происходит и часть сражений: нападение на данов во время пира в сказании об Ингельде, битва данов и фризов во дворце Финна («Битва в Финнсбурге»). Замкнуто и дискретно «сюжетное» время этих поэм. Последовательные изображения отдельных эпизодов свидетельствуют об одноплановости повествования, строгой приуроченности временных промежутков к определенному участку эпического пространства. Так, сохранившийся фрагмент «Битвы в Финнсбурге» содержит рассказ об одном из эпизодов сражения в замке Финна — нападении фризов на зал, в котором расположились датские воины Хнэфа.

Как ни сложно говорить о поэтике произведений, которые не сохранились в полном виде, все же, как кажется, можно сделать несколько наблюдений об особенностях их эпического мира в сравнении с традиционным общегерманским. Во-первых, содержание конфликта лишено в них элементов фантастики: друг другу противопоставлены не герои и чудовища, как в «Беовульфе», а два племени или две группы одного племени. Это обстоятельство влечет ряд других изменений. Нет столь четкого, как в «Беовульфе», разграничения двух полюсов эпического мира. Повествуя о происходящем, рассказчик, как кажется, занимает позицию стороннего наблюдателя, не внося элемента оценки противников и не принимая сторону одного из них. Соответственно утрачивается столь существенное в «Беовульфе» постоянное противопоставление мира людей и мира чудовищ. В героических поэмах есть

только мир людей, героев, который функционирует в соответствии с общей моделью.

Во-вторых, пространство эпического мира, как о нем можно судить, представляется значительно менее условным, чем в традиционном героическом эпосе. Уже сам конфликт, требующий участия в нем реально существующих или существовавших в недавнем прошлом племен, снижает условность пространства, необходимость его топографического приурочения к какой-то определенной местности.

В-третьих, представляется, что время этих поэм не выходит за пределы «сюжетного» времени. Сам сюжет ни по времени, ни по другим признакам не приурочивается к «героической эпохе», а отнесен к более позднему и своему для каждой из поэм времени, которое начинается и заканчивается вместе с сюжетом.

Постепенное развитие героического эпоса на собственно английской почве ведет не только к модификации традиционных форм эпоса. Сосуществование и одновременное функционирование типологически разностадиальных жанров приводит к трансформации в них представлений о героическом мире и героическом обществе.

Глава 4

ВО МРАКЕ ОДИНОЧЕСТВА: ГЕРОИЧЕСКИЕ ЭЛЕГИИ

Эпический герой... Он выступает в блеске славы, в сверкании доспехов, бесстрашно сражается с несметными полчищами врагов или побеждает в поединке ужасающего, сверхъестественного противника — дракона, великана. Но может ли он остаться героем, если его лишит атрибутов величия, если его удел — печаль и горестные размышления, если он пассивен и погружен в страдания? Казалось бы, такому персонажу нет места в героическом эпосе, и тем не менее именно таков герой англо-саксонских элегий.¹

Тяготы морского плавания, чувство оторванности от всего близкого и родного, тоску по привычному образу жизни описывает Мореплаватель в пространном монологе (поэма «Морестранник»). В изгнании остро переживает свое одиночество, вспоминая былое, Странник («Скиталец»). Погибло некогда могущественное племя, и последний оставшийся в живых воин скрывает в земле сокровища предков, оплакивая их горькую судьбу и готовясь к жизни, полной невзгод («Беовульф», 2231—2270). Вынужден покинуть своего господина, отдавшего предпочтение другому певцу, Деор («Деор»).

Даже краткий пересказ содержания некоторых элегий показывает, что все они посвящены одной и той же теме, которую условно можно назвать «изгнанием», т. е. исключением героя из мира, к которому он принадлежит. В результате каких-то трагических событий (войны, болезней, изгнания), которые упоминаются лишь вскользь, герой отторгнут от привычного ему мира: утратил благосклонность своего господина Деор; защищая свою землю, погибли все соплеменники воина из «Беовульфа»; в битве пали родичи, друзья и вождь Скитальца; в из-

гнании Морестранник, Вульф («Вульф и Эадвакер»), воин из «Послания мужа»; какая-то болезнь опустошила город, описываемый в «Руинах» (если только выражение *swoton woldagas* «пришли дни моря» можно понимать буквально).

В центре внимания рассказчика — изображение того состояния, в котором находится герой, а отнюдь не событий, которые привели его к нынешнему бедственному положению. Стереотипность ситуации обуславливает устойчивый набор чувств и переживаний героя элегий: тоску, угнетенность духа, отчаяние. И сюжет элегий, и их эмоциональная атмосфера жестко определены и могут варьироваться лишь в ограниченных пределах.

Ситуация, в которой оказывается герой элегий, исполнена трагизма: разорваны узы социальных связей, герой-дружинник лишен покровительства вождя и дружбы товарищей, он утратил пристанище и кров. Оторванность героя от мира, к которому он принадлежал, ставит его в исключительное, более того, опасное для него положение. Средневековый человек был связан с коллективом, к которому он принадлежал, тысячами нитей. Он не мыслил себя вне своего локального мирка, который как в капле воды отражал и замещал в его сознании весь универсум. Вне своего коллектива, своей среды он переставал существовать как личность. Неслучайно еще в XI—XIII вв. в Исландии самым страшным наказанием, которому подвергались лишь за совершение наиболее тяжких преступлений (убийство родича, например), было изгнание, объявление человека вне закона. Утрата своего места в системе социальной иерархии создавала для человека почти непреодолимые трудности: лишенный покровительства, человек не мог рассчитывать на защиту и помощь, его имущество, земля и сама его жизнь переставали быть огражденными от посягательств более сильного (ср. требование англо-саксонских судебных кодексов, чтобы каждый человек имел сюзерена и покровителя). И неслучайно так заботит Беовульфа судьба его дружины, если он погибнет в поединке с матерью Гренделя:

...Славный! припомни,
наследник Хальфдана,
теперь, даритель,
когда я в битву

тернейших черт жанра героических элегий — лишен всех связей с реальностью, он вырван из мира социальных отношений, из мира людей.

Отсутствие фабулы и безликость героя взаимообусловлены: любое действие (а их последовательность и составляет фабулу произведения) требовало бы установления некоторых связей между героем и обществом, включало бы его в некую социальную среду, т. е. снимало бы трагизм ситуации.

Таково настоящее героя, то положение, в котором застаёт его слушатель или читатель элегий. Жизнь героя остановилась, замерла в наивысшей точке его страданий. Но в былое время — и в воспоминаниях героя рождаются яркие картины прошлого — все было иначе. Его жизнь проходила на поле брани и в пиршественном зале; вместе со своими товарищами-дружинниками он получал дары из рук щедрого короля (Скиталец, Вульф), он внимал звукам арфы и пению скопа (воин в «Беовульфе»). Герой имел родичей, верных друзей и покровителя, под защитой которого находился. Многими нитями он был связан с окружающим его миром: родственными узами, обетами верности, ясными и привычными иерархическими связями. Его жизнь была всецело регламентирована существовавшими нормами, и тогда он чувствовал себя уверенным и счастливым.

Контраст между описанием настоящего и прошедшего лежит в основе композиции элегий — описание трагического настоящего сменяется красочной картиной былого: войны в блестящих доспехах за столами пиров восславляли свои победы, звон оружия, шум голосов, звуки песней наполняли города, но теперь... И снова перед взором героя возникают руины, пустынные здания, озаренные, однако, призрачным отблеском былой славы. Противопоставление прошлого и настоящего подчеркивается и углубляется частыми переходами от одного к другому. Так, в «Скитальце» на протяжении 20 строк четыре раза сменяются картины: от констатации бедственного положения героя («познавший изгнание», «Скиталец», с. 32) к воспоминаниям о раздаче сокровищ во время пира (с. 34—36), которые завершаются патетическим восклицанием: «Убита радость», возвращающим героя в мир бед и печалей, которые ему хорошо известны: «Он уже знает...» (с. 37). Но его мысль недолго задерживается на печальных картинах, и снова герой попадает в зал для пиров, видит себя рядом с вождем: «видения при-

Как и в «Беовульфе», предложения, начинающиеся со слов «*Hwær swot*» «Куда ушли...», наслаиваются одно на другое, переходя от конкретных предметов, символов былого великолепия (конь, воин), к обобщению эмоциональной атмосферы прошлого (веселье застолий). Мы не только видим, какой была жизнь героя, но и слышим вопль отчаяния человека, лишённого смысла существования.

Противопоставление прошлого и настоящего героя определяет двухплановость изображения в элегиях. Жизнь героя разорвана на две части, его прошлое и настоящее разделены непроходимой пропастью и не пересекаются. Это два противостоящих друг другу мира со своими приметам и символами, связями, временем, эмоциональной атмосферой. Прошлое — мир людей, настоящее — холодное море, зимнее безлюдье; прошлое — богато убранные палаты, высокие крепости, настоящее — жалкая лачуга на морском берегу, углый корабль в бушующем море, развалины дворца; прошлое — радостные голоса и звон оружия, настоящее — завывание вьюги и рокот прибоя; прошлое — действие, жизнь, настоящее — бесплодное прозябание.

Первое, что обращает на себя внимание при сопоставлении двух миров элегий, — это четкое разграничение временных планов. Прошлое и настоящее не связаны между собой, второе не вытекает из первого, не является его естественным следствием и продолжением.² Напротив, настоящее понимается как прошлое со знаком минус, неслучайно так распространены в элегиях «отрицательные описания» прошлого, подобные приведенному выше. «Связь времен» для героя элегий распалась, и восстановить ее невозможно. Именно поэтому каждый из временных планов замкнут в себе. Время необратимо: нельзя вернуть былое великолепие, нет исхода и в настоящем. Замкнутость временных планов ведет к статичности, остановке времени в каждом из них. Ни один из миров не способен к развитию, движению, хотя, казалось бы, картины прошлого исполнены динамики. Скачут кони, вьется сокол, герой обнимает своего господина и получает дары из его рук. Картины прошлого содержат действия, их быстрая череда отражается в смене кратких, нераспространенных предложений, но эти действия статичны по своей сути. Действие как бы замкнулось в круговороте, не содержит цели и направленности; оно повторяется, воспроизводит само себя и замирает в той же точке, в кото-

рой началось. Как на ожившей картинке, мчатся, не двигаясь с места, кони; вновь и вновь поднимают кубки воины.

Лишено перспективы, сиюминутно и одновременно вечно время и в настоящем героя. Но статика изображения здесь имеет иную природу: герой пассивен по своей сути, он лишен возможности действовать и может лишь размышлять о своей печальной участи. Иной объект изображения — эмоциональный мир человека — требует и иных стилистических приемов: появляются длинные периоды, насыщенные причастными оборотами, широко используется параллелизм, а значительная часть глаголов обозначает различные формы восприятия:

...им же подобно должен
 думы свои прятать
 я, разлученный с отчиной,
 удрученный, сырый,
 помыслы я цепями
 опутал ныне,
 когда государь мой
 златоподатель
 в земную лег темницу,
 а сам я в изгнанье
 за потоками застылыми,
 угнетенный зимами,
 взыскал, тоскуя по крову
 такого колющедробителя...

(Скиталец, 19—25)

Плавность, неторопливость периодов, изображающих настоящее героя, сталкивается со стремительным потоком кадров-картин прошлого, вспыхивающих и гаснущих в его сознании. Но в обоих случаях время, лишенное причинно-следственных связей, не имеет направленности, не несет с собой изменений и ощущается лишь как нечто застывшее в своей сиюминутной данности.

Второй ряд противопоставлений двух миров охватывает предметно-вещный мир, окружающий героя в прошлом и настоящем. Мир прошлого, как и мир «Беовульфа», «Видсида», «Вальдере», — это бург англо-саксонского вождя или правителя небольшой политики, где в соответствии с эпическим идеалом протекает жизнь его дружины. Сра-

жения и войны, в которых они постоянно участвуют, хотя и не показаны непосредственно, составляют неотъемлемую часть их существования. В воспоминаниях героя элегий — редкие периоды мира, покоя, но основное занятие его самого и его товарищей — война — присутствует постоянно в упоминаниях оружия и доспехов, в характеристике окружения короля: «могучие воины», «воины, знаменитые своими победами», «прославленные мужи».

Этот мир насыщен разнообразными предметами: боевыми доспехами, чашами, кубками, арфами. Яркие краски, сверкание золота, блеск оружия создают, как и в «Беовульфе», многоцветную радостную картину:

...где сверкали прежде
золотом властные,
латами ратники
знатные, хмельные
казной любовались,
каменьями и серебром,
имением драгоценным,
мужи дружинные,
жемчугом самоцветным...
(Руины, 32—36)

В ней находится место и для людей, и для животных, и для вещей. Соразмерность частей, естественность включения отдельных элементов изображаемого, несмотря на краткость описаний, позволяет увидеть и ощутить этот мир.

Сам отбор предметов и событий указывает на героичность изображаемого. Здесь не место будничным, повседневным деталям, прозаическим подробностям жизни. Она предстает в величии и блеске, свойственным лишь идеальному миру героического эпоса. И как воплощение этого великолепия — сцены пиров, во время которых проявляются щедрость короля, его забота о дружине, верность дружинников своему покровителю и друг другу (Скиталец, 34—36; Руины, 23—37; Морестранник, 44—45 и др.). В застольных речах произносятся обеты верности, находят выражение воинственный дух и жажда подвига. Герой элегий в мечтах видит себя, как правило, именно в такие моменты — в пиршественном зале, рядом с королем, окружен-

ным товарищами, когда он приобщается к утраченной им жизни, возвращается в героический мир.

 Был изобильный город,
 бани многие;
 крыши крутоверхие;
 крики воинские,
 пенье в переполненных
 пиршественных палатах...

(Руины, 21—23)

...он вспомнит, мучаясь,
 молодость ратную
и подарки в застольях
 государя-златоподателя,
и как был он его любимцем;
 убита радость...
 ...государя как будто
обнимает он и целует,
 и руки ему на колена
и голову слагает,
 как было, когда слугою
в дни минувшие
 делил он дары престола...

(Скиталец, 34—36, 41—44)

Принципиально иным предстает перед ним мир настоящего. Это скорее не мир, а микромир одного человека, весь без остатка заполненный им самим. В нем не остается места для других людей (единственное исключение, возможно, составляет поэма «Послание мужа», где рядом с героиней находится гонец. Правда, часто предполагается, что это и не человек, а дощечка с рунической надписью). Поэтому излюбленная в элегиях форма повествования — монолог, рассказ героя о своих собственных переживаниях, о своей судьбе.

Вещественное окружение сведено к минимуму: это корабль в «Морестраннике», жалкая лачуга, землянка — жилище героя, а также природа, на фоне которой разворачивается картина страданий героя. Безлюден и не имеет предметно-вещных атрибутов мир настоящего, но тем более он эгоцентричен, сфокусирован на герое. Человек показан как бы крупным планом, так что виден весь, целиком. Его

тело, члены начинают привлекать внимание рассказчика: герой жалуется, что «холод прокалывал ознобом ноги» («Морестранник», 8—9), «озябло тело» («Скиталец», 33), «он меряет взмахами (руки. — *Е. М.*) море ледяное» («Скиталец», 4); еще чаще упоминаются «разбитое, полное печали» сердце, угнетенный дух, томимая горем душа. Тело и душа героя заслоняют весь окружающий мир, оказываются достойными внимания и описания. Можно ли представить себе Беовульфу, жалующегося на замерзшие ноги? Очевидно, такое упоминание вызвало бы комический эффект своим несоответствием героическому идеалу, парящему высоко над прозой будней. В элегиях же мир настоящего допускает такое «снижение» образа, видимо, именно в силу несоразмерности, непропорциональности его частей. Становится заметным и, более того, важным то, что в другом контексте мелко и несущественно. Вырванный из мира людей герой заполняет собой все пространство, открывающееся взору создателей элегий.

Лишь изображение фона, на котором разворачивается картина переживаний героя, в какой-то степени попадает в поле зрения рассказчика. Этот фон создается двумя типами картин: пейзажами и изображением покинутых, разрушающихся дворцов, замков. В некоторых элегиях предпочтение отдается одной из них — в «Морестраннике» это только изображение бушующего моря; в «Руинах» — развалины крепости. Но часто обе картины соседствуют, и взор рассказчика перемещается от одной картины к другой.

Описания природы приурочены к изображению настоящего героя, его жизни в изгнании. Ни одно из них не связано с воспоминаниями героя о его счастливом прошлом, т. е. о том времени, когда он жил среди людей, имел имя, друзей, покровителя. Разорванные социальные связи в какой-то степени восполняются или замещаются возникающими связями героя с природным окружением:

...холод прокалывал
ознобом ноги,
 ледяными оковами
мороз оковывал,
 и не раз стеноло горе
в сердце горячее...

(Морестранник, 11—14)

Параллельные ряды образов: состояние героя — состояние природы устанавливают взаимосвязь между тем и другим, создают ощущение активного взаимодействия между ними. Частые и обширные в элегиях описания природы: зимнего моря, шторма, наступления весны — конкретны и достоверны:

Мгла все гуще,
 пурга с полуночи,
Земь промерзает,
 зерна ледяные
пали на пашню...

(Морестранник, 31—33)

Но это не пейзажные зарисовки в их современном понимании. Число образов-картин природы ограничено: зима, морозная штормовая ночь, летающие над бушующим морем птицы, скованное льдом море. Эти образы переходят из поэмы в поэму, выполняют одну и ту же функцию: они являются своего рода штампами, символами эмоционального состояния героя. Чувства тоски, одиночества, безысходности, охватившие героя, находят поэтическое выражение в образах зимнего моря:

Но ото сна очнувшись,
 вновь он видит,
сирота-скиталец,
 темные волны
и как, воспаряя на крыльях,
 ныряют морские птицы,
и с неба снег,
 и со снегом дождь;
и с новой силой стонет
 старая рана —
память о павшем;
 не спит злосчастье...

(Скиталец, 45—50)

Бездеятельность, угнетенность героя находят параллель в образе моря, скованного льдом, в неподвижности зимней заледеневшей природы. Пробудившимся надеждам на избавление и возврат к прежнему благополучию соответствует образ весны, пробуждения природы:

рощи цветами покрылись,
стал наряден город,
поля зеленые,
земля воспряла,
и все это в сердце
мужа, сильного духом,
вселяет желание
вплывь пуститься
к землям дальним
по стезе соленой...

(Морестранник, 48—52)

Образы природы перекликаются с его настроением. Гибель дворца или крепости — это одновременно и гибель тех, кто давал жизнь этим зданиям, наполняя их шумом и весельем, и «героического» миропорядка. В картины «мертвого города» вплетаются изображения судеб людей, его населявших:

Смерти несметные,
мор явился,
гибель настигла
могучих всюду;
стогны опустели,
стены распались,
город сгинул;
в могилу — дружина,
в землю — зодчие;
разор и разруха,
и падает черепица
кирпично-красная
с кровель сводчатых...

(Руины, 25—31)

...ветрам открытые,
покрытые инеем
стены остались,
опустели жилища,
здания упадают,
вожди покоятся,
утрачена радость,
рать побита...

(Скиталец, 76—79)

Очень редко вспыхивает перед героем элегий луч надежды, редки и описания весенней природы, и даже в них проскальзывают печальные нотки: крик кукушки — символ весны — напоминает героине «Послания мужа» о разлуке и «горестно» звучит для нее.

Стереотипность изображения природы связана с набором образов, метафор, эпитетов, которые постоянно употребляются в элегиях. Так, во многих описаниях встречаются образы моря в ледяных оковах, птиц, летающих над морем с пронзительными криками, снежной бури. Дополнительные ассоциации между переживаниями героя и природой создает использование одних и тех же слов и словосочетаний, образующих параллельные ряды: «мороз сковал землю» — «сон и печаль сковали сердце одинокого человека» (Морестранник, 32; Скиталец, 40). Природа и душевное состояние человека создают некое единство, вытекающее из общей эгоцентрической направленности элегий: картины природы значимы лишь тогда, когда они соотнесены и находятся в прямой связи с изображениями героя. Их ценность — ценность символов, емких и красочных, обозначающих определенное состояние героя.

Несколько более самостоятельны в элегиях картины «мертвого города».³ Хотя они являются символами гибели мира, в котором жил герой в прошлом, пространственность их описания, детальность и разнообразие изображаемого — источником для них послужили не раз виденные скопами реальные развалины римских городов? — бесспорно свидетельствуют об их определенной самоценности.

Развалины, опустевшие, безлюдные палаты, непригодные для жизни, заросшие плющом стены — эти безрадостные, наводящие тоску картины, проносящиеся в сознании героя элегий, объясняют и в то же время перекликаются с его настроением. Гибель дворца или крепости — это одновременно и гибель тех, кто давал жизнь этим зданиям, наполняя их шумом и весельем. В картины руин вплетаются изображения судеб людей, его населявших:

...ветрам открытые,
покрытые инеем
стены остались
опустели жилища,

здания упадают,
 вожди покоятся,
утрачена радость,
 рать побита...
(Скиталец, 76—79)

 ...рать побита
гордая, возле города, —
 кого-то из битвы гибель
проворная умчала,
 кого-то ворон унес
через пучину высокую,
 кого-то волчина серый
растерзал по смерти,
 кого-то в землю глубоко
зарыли соратники...
(Скиталец, 79—84)

Самостоятельность этих описаний, возможно, обусловлена «пограничным» положением «мертвого города», связующего оба временных плана. Именно крепость, дворец являются материальным воплощением собственно прошлого (дворец, полный жизни) и прошлого в настоящем (его руины). Это одна и та же сцена, на которой разворачивались картины как великолепного прошлого, так и печального настоящего. Необычайное значение картин «мертвого города», их полифункциональность заставляют рассказчика элегий расширять их описание и вновь и вновь возвращаться к ним в рамках одной поэмы. Более того, одна из элегий (возможно, правда, что сохранилась лишь ее часть) полностью посвящена описанию разрушенной крепости:

Каменная диковина —
 великанов работа.
Рок разрушил.
 Ограда кирпичная.
Пали стропила;
 башни осыпаются;
украдены врат забрала;
 мороз на известке;

щели в дощатых —
 в щепки изгрызены
 крыши временем...
 ...стены красно-кирпичные
 видели, серо-мшаные,
 держав крушенья;
 под вихрями выстояли;
 рухнули высокосводчатые...

(Руины, 1—11)

Исследователи поэмы полагают, что в ней изображено одно из каменных строений (или группа строений) времен римского господства в Англии (I—IV вв.), возможно, в Бате. Но важен не конкретный объект, описанию которого посвящена поэма, — перед нами на мгновение предстает мир, в котором живет англо-саксонский скоп. Это картина жизни окруженного дружиной вождя, жизнь, полная сражений и радостей пира, скрепленная верностью и преданностью дружинников и вождей. Гибель дворца, запустение — далеко не только разрушение данного здания. Это гибель целого мира с определенным укладом, нормами, традициями. Мертвы дружинники — сотоварищи героя поэмы, и порваны связи, соединявшие его с миром, он лишен опоры привычных действий и отношений. Погиб правитель — и герой утратил смысл своего существования: он ни с кем более не связан узами верности, он никому ничем не обязан, но он одновременно и лишен покровительства, защиты, жизненных благ.

Статика описаний природы сменяется здесь динамичной выразительностью быстро сменяющихся деталей, совокупность которых создает картину «мертвого города». В описаниях разрушений почти нет прилагательных. Многие предложения нераспространенны и состоят лишь из подлежащего и сказуемого: «рок разрушил, пали стропила, башни осыпаются» и т. д. Длинный ряд глаголов и причастий: *gebrascon*, *burston*, *brosnad*, *berofen* — заставляет ожить картину, показать здание в процессе его разрушения. Оно происходит как будто у нас на глазах: колеблются и рушатся с грохотом стены, осыпаются черепицы, обнажаются перекрытия сводов.

Картины «мертвого города» в наиболее яркой форме раскрывают и контраст эмоциональной атмосферы, свойственной миру прошлого

и миру настоящего. Прошлому соответствует радостное, приподнятое настроение. В прошлом была «вся радость» (*wyn eal* — Скиталец, 36); атмосфера праздничности, веселья присуща всем эпизодам, изображающим картины былого. Эта атмосфера создается и лексикой соответствующих эпизодов, и синтаксическим построением фраз, о чем говорилось выше, и быстрой сменой картин, а также и самим отбором изображаемых сцен, в первую очередь пира как символа дружинного образа жизни. Герой ощущает связь (точнее говоря, замечается им не сама эта связь — настолько она естественна и органична, — ощущается ее утрата) с окружающим миром, и это придает ему уверенность, твердость. Основные эмоции, переживаемые им, — счастье, гордость своей причастностью к блестящему героическому миру, преданность своему господину.

Прямо противоположен эмоциональный строй настоящего. Трагизм, ощущение безысходности пронизывают элегии. Многократно варьируется тема тоски, печали, охвативших героя, от кратких упоминаний состояния его духа: «Я... вовсе истосковалась» (Плач жены, 29), «С новой силой стонет старая рана — память о погибшем» (Скиталец, 49—50) — до развернутых описаний его страданий:

Быль пропеть
я о себе могу,
повестить о скитаньях,
как на пути многодневном,
не раз безвременье,
нередко в сердце
горе горькое
и невзгоды всякие
знал в челне я,
многих скорбей обители,
качку морскую,
и как ночами
я стоял, бессонный,
на носу корабельном,
когда несло нас на скалы:
холод прокалывал
ознобом ноги,
ледяными оковами

мороз оковывал,
и не раз стеноло
горе в сердце горячее,
голод грыз утробу
в море души измученной...
(Морестранник, 1—12)

В начальных строках «Морестранника», как ни в одной другой элегии, ясно обнаруживается постепенное нарастание силы эмоций. Нейтральное начало — «Быль пропеть я о себе могу, повестить...» — еще не предвещает каких-либо бурных проявлений чувств, но уже во второй строке упоминание «тягостных дней» (*geswinc-dagas*) настраивает слушателя на восприятие повествования о печальных событиях. Изображение переживаний героя расширяется, углубляется эмоциональная характеристика: он переносил тревоги, бремя страданий, сердечные муки. Перечисление сходных по своему существу, но характеризующих различные стороны состояния героя эмоций постепенно сгущает краски и подводит слушателя к наивысшей точке: «горе в сердце горячее». Нагнетание эпитетов, метафор, образов, символизирующих горе человека, создает атмосферу подавленности, глубокой и безысходной тоски.

Несколько более безыскусны изображения настроения героя в других элегиях, они не образуют единой последовательной картины. Отдельные упоминания о том, что герой удручен духом, печален, тоскует по прошлому, обуреваем отчаянием, разбросаны по всему тексту. Но это не мешает почувствовать драматизм ситуации, в которой находится герой, остроту его переживаний. Даже многочисленные воспоминания героя, где царит совершенно иная атмосфера, не могут ослабить общее настроение элегий: слишком часто картины прошлого возникают как прямое противопоставление настоящему, для чего используются конструкции «отрицательного описания» («не слышно арфы, не вьется сокол...» — Беовульф, 2262 и далее) и непосредственные высказывания: «Минули радости все!» (Скиталец, 36), «Время ушло, скрылось во мраке, словно и не было!» (Скиталец, 95—96). Эти описания и восклицания, хотя в них звучат отголоски настроений, свойственных прошлому, не только не снимают, но в силу контраста усу-

губляют трагизм настоящего, постоянно напоминая герою, чего он лишился. Поэтому в целом мир элегий трагичен и безысходен.

Единственная связующая нить между двумя мирами, если не считать «мертвого города», — сам герой, он принадлежит как прошлому, так и настоящему, сквозь призму его восприятия оценивают рассказчик, а вслед за ним и слушатели все происходившее и происходящее. В мире прошлого герой наделен всеми привычными атрибутами героико-эпической обстановки: он гарцует на коне, блистая оружием, участвует в пирах после сражений, принимает дары щедрого короля. Но существенную особенность по сравнению с героическим эпосом составляет его слияние с другими представителями его среды. Герой элегии не выделяется среди других дружинников, не находится на переднем плане, он растворен в присущем ему окружении. Он — один из многих, и нет никаких индивидуальных особенностей, позволяющих как-либо выделить его из той среды, к которой он принадлежит. Противореча в принципе эстетическим требованиям героического эпоса, эта растворенность отдельного лица в героическом обществе является существенной чертой жанра элегий: благодаря ей отчетливо выступает одиночество героя в настоящем. Помимо своего желания он выделяется из коллектива, обособляется и приобретает некоторую индивидуальность (конечно, здесь не имеется в виду индивидуализация литературных образов более позднего времени). Обретение индивидуальности оборачивается в элегиях своего рода «дегероизацией» героя с точки зрения эпических установок. Лишенный эпического окружения, где каждая деталь подчеркивает его героическую сущность, он теряет непосредственную связь с героическим миром, отделение от которого поэтически осмысливается как его драма. Она состоит и в том, что идеальный эпический герой вырван из той единственной обстановки, в которой он может выявить свою героическую сущность, он лишен атрибутов героического и тем самым своего собственного «я».

Но настоящее элегий — это не проза будней. Героический идеальный мир оборачивается лишь своей обратной стороной. Насколько великолепен и светел был мир прошлого, настолько мрачен и трагичен мир настоящего. Он изображен в тех же гиперболизированных, «героических» формах, его безысходность так же величественна, как и былое сияние славы.

Таким образом, настоящее и прошлое элегий при всей их несхожести, более того, противоположности образуют единство — это два полюса героико-эпического мира. Они связаны рядом оппозиций, которые охватывают не только вещную сторону описаний (о чем, собственно, шла речь выше), но и сущность самого мира: героическое действие — полная бездеятельность, активность героя — его пассивность; а также душевный мир героя: радость — печаль, боевой азарт — тоска, уверенность в своих силах, гордость — чувство бренности всего земного, преходящести земных радостей.

Именно последнее легло в основу большинства современных интерпретаций героических элегий. Обращая внимание на христианские мотивы в некоторых из них (по преимуществу в «Морестраннике» и «Скитальце»), многие исследователи считают их своеобразным воплощением христианской идеи бренности всего земного в противовес вечности божественного. Один из крупнейших исследователей элегий, Ч. Кеннеди, писал: «Их (элегий. — *Е. М.*) сфера интересов — всеобщее, происходящее из чувства трагичности самой жизни, сознание преходящести земных радостей и мимолетности славы земной силы. Их ритм созвучен бесконечному потоку времени и перемен. Их пафос проистекает из знания того, что вся жизнь движется на хрупких крыльях. Их величие — в сознании того, что для жизни человека — это вначале надежда и короткая борьба, а затем молчание, воспоминания и руины времени».⁴ Но это определение элегий учитывает лишь одну, хотя и существенную, из сторон отображения в них жизни. Чтобы подробнее рассмотреть этот вопрос, нам придется, отвлекшись от поэтики элегий, подробнее остановиться на их возможных источниках и на их взаимодействии с другими жанрами англо-саксонского эпоса и литературы.

Некоторые специалисты считают элегии фрагментами одной или нескольких героических поэм.⁵ Прямую зависимость между элегиями в целом и героическим эпосом пытались установить Р. Имельман, Р. Бур, В. Лоуренс, С. Гринфилд и некоторые другие.⁶ Однако этим попыткам противоречит одна из главных особенностей элегий — отсутствие сюжета, действия. Ни одну из элегий нельзя непосредственно связать с каким-либо из известных нам эпических сюжетов. Лишь в поэме «Деор», наиболее своеобразной из элегий и потому иногда ис-

ключаемой из их числа, есть прямая перекличка с германским героическим эпосом.

Каждая из пяти строф элегии — строфическое построение с рефреном несвойственно англо-саксонской поэзии и является примечательной особенностью «Деора» — посвящена отдельному эпическому сюжету, четыре из которых хорошо известны по памятникам скандинавского героического эпоса. Первые две строфы содержат упоминания скандинавского сказания о кузнеце Вёлунде (древнеанглийский Веланд), основателе одного из знаменитейших эпических родов — Вёлсунгов, к которому принадлежал, в частности, Сигурд, убийца дракона Фафнира. В первой из них повествуется о пленении Веланда конунгом Нидхадом (в песнях «Старшей Эдды» — Нидуд), во второй — о мести Веланда, обезглавившего юных сыновей конунга, сделавшего чаши из их черепов и обесчестившего его дочь Беадохильд (в древнескандинавской традиции — Бёдвильд). В эддической «Песни о Вёлунде» далее рассказывается, что Вёлунд освобожден из заточения, взлетев в воздух с помощью волшебного кольца, а поздняя «Сага о Тидреке Бернском» пересказывает легенду в несколько ином варианте: Вёлунд изготовил крылья из перьев птиц и улетел от Нидуда, а Бёдвильд родила сына по имени Видга (который упоминается в «Видсиде» как Видья). Это сказание в различных вариантах было хорошо известно в Англии. В «Беовульфе» и других англо-саксонских памятниках не раз то или иное оружие называется «работой Веланда», отголоски сказания звучат в «Видсиде». ⁷ Нашел отражение этот сюжет и в изобразительном искусстве англо-саксов: на одной из панелей ларца Фрэнкса (середина VII в.) вырезана сцена мести Веланда (рис. 57), на другой — воин, душащий птиц, его имя начертано рунами, — *Egill* (древнескандинавское *Egill* — так звали брата Вёлунда, охотника. См. рис. 58).

В четвертой строфе Деор вспоминает Теодориха Равеннского, героя цикла верхненемецких эпических песней и скандинавской «Саги о Тидреке Бернском», прославленного персонажа германского эпоса. Пятая — посвящена остготскому королю Эрманариху, о правлении которого сохранилось несколько песней в скандинавской эпической традиции, а также упоминания в англо-саксонских поэмах «Видсид» и «Беовульф». ⁸ Имена Теодориха и Эрманариха, как говорилось выше,

принадлежат «героической эпохе» германского эпоса и в поздних памятниках символизируют причастность к ней изображаемых событий.

Сюжет, упоминаемый в третьей строфе, — единственный в «Деоре», не известный ни по англо-саксонским, ни по скандинавским памятникам. Судя по тому, что его героем является Геат, т. е. соплеменник Беовульфа (или, быть может, сам Беовульф — Геат *par excellence*), сказание, возможно, имело скандинавское (гаутское) происхождение. Однако гаутская эпическая традиция не сохранилась (если не считать «Беовульфа»). Да и текст «Деора» явно апеллирует к знаниям аудитории и потому крайне лаконичен:

Мы же немало
 о Мэдхильд слышали,
 как стала ей пропастью
 страсть Геата,
 что мучила ночами
 мужа бессонного.

(Деор, 14—16)

Попытки связать его с каким-либо известным нам сказанием — например, с сюжетом скандинавской баллады «Власть арфы», где герой, названный в исландских вариантах Геатом, спасает свою возлюбленную (в норвежских вариантах — Магнхильд) от морского чудовища с помощью игры на арфе,⁹ — не дали убедительных результатов.¹⁰ Более того, романтические мотивы были несвойственны германскому эпосу, насколько мы его знаем. Но «молчание — не доказательство», и потому не исключено, что «любовь Геата к Мэдхильд» составляла сюжет какой-то эпической поэмы.

Перебирая воспоминания о трагических судьбах героев прошлого — а для англо-саксонского скопа это не литературные, вымышленные образы, а реальные правители, — Деор сопоставляет их со своей собственной судьбой. Мотивы героического эпоса не образуют сюжет элегии, они оттеняют ее собственный сюжет, изложенный в последней строфе, и образуют параллели к нему. Сюжет же поэмы — и это дает основания отнести ее к числу элегий — стереотипен: другой певец заменил Деора в сердце господина, и он теперь вынужден скитаться, оставшись без покровителя. Все строфы содержат реминисценции тех

пользуется этот прием.¹¹ В героическом эпосе мы чаще встречаем более простые формы параллелизма: параллелизм сравнений, метафор, иногда стилистических конструкций, как, например, в «Беовульфе»:

Доверь, владыка
блистательных данов,
опора Скильдингов,
щит народа, —
тебя заклинаю
я, прибывший
с дальнего берега, —
о друг воителей,
доверь пришельцам,
мне с моею
верной дружиной,
отряду храбрых
охрану Хеорота!
(Беовульф, 427—433)

В элегии «Деор» параллелизм — не стереотипный поэтический прием, не просто стилистическое средство, распространяющее и украшающее текст. Он приобретает важное значение в структуре поэмы и становится в определенной степени ключом к ее пониманию. Все упомянутые эпические сюжеты касаются «великих людей» прошлого. Их трагический конец, известный слушателям, не преуменьшает, а, наоборот, усиливает блеск их величия: их слава, не померкнув, пережила века. Сопоставление с ними невольно отбрасывает блеск того же трагического величия и на судьбу Деора. Как и они, подчеркивается в элегии, страдает Деор; как и для них, пройдет все, но останется слава и память людей. Тем самым судьба изгнанного скопа из локального, малозначительного события превращается в героическую катастрофу, приобретает возвышенное звучание, фигура скопа становится в ряд с Теодорихом, Вёлундом, Эрманарихом.

Сюжетные параллели связывают элегию с героическим миром англо-саксонского эпоса. В «Деоре» нет описания прошлого, не показано и настоящее. Четырнадцать строк последней строфы — собственно содержание поэмы — лишь намечают канву повествования, скорее констатируют, чем изображают ситуацию, типичную для элегий:

Муж горемычный,
 он, смутный духом,
сидит и думает,
 страдалец безрадостный,
что не видать предела
 его недоле,
о том он мыслит,
 что в этом мире
пути святого
 властителя неисповедимы:
кому отмерены
 немалые блага,
часть беспечальная,
 а другим — злосчастье.

(Деор, 28—34)

Это лишь остов элегии, но он облекается в плоть и кровь именно параллелями в первых пяти строфах. Упоминания Вёлунда, Теодориха и Эрманариха вызывают бесчисленный ряд ассоциаций, уводящих слушателя (или, позднее, читателя) в идеальный эпический мир, на фоне которого и воспринимается заключительная строфа.

Таким образом, связь с героическим эпосом даже поэмы «Деор», единственной, которая, казалось бы, прямо использует сюжеты героические, является опосредованной. Поэма не столько заимствует сюжеты и образы, сколько уходит корнями в героический мир эпоса. Элементы отображаемого мира, ситуации, образ героя — все преломляется через модель идеальной эпической действительности, существующей в сознании певца. В эпическом мире черпают свои образы, идеалы, представления и картины жизни создатели элегий. И хотя в них воплощаются сюжеты, несвойственные героическому эпосу, их мир остается тем же самым.

Что же дало толчок развитию именно этих сюжетов, откуда появилась идея бренности всего сущего, которая составляет лейтмотив элегий? Почему в VIII или IX в. возник этот столь самобытный жанр? Ответить на эти вопросы однозначно, видимо, невозможно. Практически все специалисты, занимавшиеся элегиями, приписывают эти особенности влиянию христианской идеологии,¹² указывая при этом на значительное количество различных упоминаний Бога и Божествен-

ного провидения. Действительно, таких аллюзий немало: вспомним, например, строки 31—34 «Деора»: «Он должен помнить, что пути мудрого Господа по земле различны; многим он дарит славу, уверенность, но некоторым — горе».¹³ Более того, концовка «Скитальца» несколько напоминает проповедь:

Блажен, кто стережет свою веру,
 ибо жалобам муж не должен
 всем предаваться сердцем,
 коль сам он в себе не сыщет,
 как ему исцелиться в скорби;
 добро тому, кто взыскует
 помощи Господней на небе,
 где обеспечена всем людям защита.

(Скиталец, 112—115)

Не раз обращается в своих мыслях к Богу и Морестранник. Более того, зачастую и там, где нет прямых упоминаний христианских реалий, возникают ассоциации, связанные с представлениями о брэнности, преходящести человеческой жизни. Какой неизбывной тоской исполнены строки 92—96 «Скитальца», как болезненно остро выражено в них ощущение мимолетности, брэнности земных радостей:

...то миновало время,
 скрылось, как не бывало,
 за покрывами ночи.

(Скиталец, 95—96)

Не менее патетичен и рефрен «Деора»: «Как минуло то, так и это минет».

В то же время в некоторых элегиях невозможно найти никаких следов влияния христианского мировоззрения. Это касается таких песен, как «Руины», «Вульф и Эадвакер», «Послание мужа». Да и элегии в «Беовульфе» лишены каких бы то ни было христианских реминисценций. Неслучайно Б. Тен Бринк и В. Лоуренс считали христианские элементы в элегиях позднейшими наслоениями.¹⁴ Некоторые другие исследователи говорили о смешении языческих и христианских представлений в элегиях. Были сделаны даже попытки вычлениить и от-

бросить строки элегий, содержащие христианские аллюзии. Так, позднейшим добавлением религиозно настроенного редактора или писца считают нередко вторую часть (от строки 65) «Скитальца» и заключительный (после строки 108) раздел «Морестранника».

Однако едва ли плодотворной может оказаться попытка расчленив органически цельное произведение, будь то «Беовульф» или элегия, на составные части, механически вырывая куски из художественной ткани повествования. Ведь прежде, чем слиться воедино, они были осмыслены, соединены в сознании певца (или редактора, или переписчика), и лишь из этого сплава рождалось законченное произведение. Именно поэтому решительно невозможно отсечь христианские элементы в элегиях и считать их абсолютно чужеродными интерполяциями.

К VIII в. христианство, хотя и в примитивной, облегченной форме, широко вошло в быт и сознание англо-саксов. Образы и сюжеты Библии стали привычными элементами повествовательной культуры и в значительной степени, как будет показано в следующей главе, смешались с традиционными формами героического эпоса. Естественно, что пополнился и видоизменился круг стереотипных представлений англо-саксонского скопа, его идеальный эпический мир. В новой картине героического мира определенное место заняло и христианство. Поэтому христианские реалии в элегиях не чужеродные вкрапления, а отражение усложненной, вобравшей в себя элементы религиозного мышления модели героического мира.

Здесь, в этой модели, коренится и развиваемая в элегиях идея бренности земной жизни. Но только ли христианству свойственна эта идея? Действительно, в той форме и с той остротой, как она выражена в элегиях, она настолько созвучна христианскому *ubi sunt*, что в ней, на первый взгляд, нельзя не усмотреть влияние новой религии.¹⁵ Однако была ли эта идея совершенно нова для германского фольклора или же она могла совместиться с какими-то прежними — дохристианскими — представлениями?¹⁶

Как кажется, существовали по крайней мере две сферы древнегерманской поэтической традиции, где идея бренности мира играла особенно важную роль. Первая — космологические представления древних германцев. Вторая связана с традицией плачей, сопровождавших погребальный обряд.

Насколько известна германская языческая теология — а она дошла до нас почти исключительно в виде древнескандинавских мифологических песней и сказаний,¹⁷ — важное место в ней занимало представление о цикличности времени, его движении по замкнутому кругу. Цикл времен завершается гибелью богов и всего мира, затем следует их возрождение, и все повторяется сначала. Мир не вечен, он имеет начало и конец, что обуславливает конечность, временность всего сущего в мире.

В скандинавской космологии эта мысль получила подробное развитие в мифе о гибели богов (Рагнарёке), и она лежит в основе одной из важнейших этических норм древнескандинавского общества: все проходит и изменяется на земле, остается лишь добрая или дурная память о человеке, его слава как некая отделившаяся от него самостоятельная субстанция. Поэтому цель жизни человека — завоевать славу, обеспечить память по себе среди потомков.¹⁸ Обретение славы и памяти потомков — лейтмотив всей саговой литературы, но нигде этот концепт не выражен столь афористично, как в гномической поэме «Старшей Эдды» «Речи Высокого», т. е. Одина:

Гибнут стада,
Родня умирает,
И смертен ты сам;
Но смерти не ведает
Громкая слава
Деяний достойных.

(Речи Высокого, 76)

Эта же концепция славы пронизывает весь германский героический эпос от песней о Сигурде до «Беовульфа»:

Каждого смертного
ждет кончина! —
пусть же, кто может,
вживе заслужит
вечную славу!
Ибо для воина
лучшая плата —
память достойная!

(Беовульф, 1386—1389)

В этих словах Беовульфа, как и в «Речах Высокого», отчетливо выражено противопоставление преходящести человеческой жизни вечности заслуженной героем славы. Существование подобных представлений сильно облегчало усвоение христианской концепции бренности мира.

Более того, как нередко считается, христианское вероучение, важное место в котором занимают представления о конце мира, дало дополнительный импульс для углубления и развития древнегерманской эсхатологии в Скандинавии. Представления о конце мира и гибели богов стали важнейшей темой в мифологии и могли оказать немалое влияние и на внерелигиозную словесность. Мы не знаем, насколько известны были эти сюжеты англо-саксам, но нельзя не отметить, что и в данном случае одна из центральных идей христианства перекликалась со сходными представлениями языческой мифологии и, вероятно, совмещалась с ними.

Но христианское представление о преходящести земных радостей и счастья — лишь одна из частей, и к тому же не самая существенная, концепции в целом. Ведь мимолетности земной жизни христианство противопоставляет вечность небесного блаженства или адских мучений. Более того, земная жизнь человека именно в силу ее быстротечности малозначительна. Она является лишь преддверием вечной жизни, она полна соблазна и греха, и человек должен пройти ее с осторожностью, дабы не лишиться себя вечного блаженства.

Ни малейших намеков на эти мотивы христианского вероучения — а они совсем не маловажны — мы не найдем в героических элегиях. Прошлое героя прекрасно без всяких оговорок. Все мечты героев элегий устремлены к реальной, земной жизни, а не загробному миру, к радостям земной, а не вечной жизни.

Единственным исключением, пожалуй, является концовка поэмы «Морестранник», в которой вообще влияние христианского мировосприятия ощущается значительно сильнее, чем в других элегиях. Вторая часть поэмы (Морестранник, 64—124), как отмечали многие исследователи, чрезвычайно напоминает проповедь с характерными для нее композиционными элементами: определением темы (власть и богатство на земле), антитезой (невозможность их использования после

смерти) и заключением — моралью (праведная жизнь на земле как единственный путь к спасению):

...Судьба сильнее,
всевластной Господь,
чем кажется людям.
Помыслим же ныне,
где наше жилище,
и дальше рассудим,
как достичь его можем,
и будем дальше стремиться
навек обрести
в тех небесах
блаженство вечное,
где жизнь проходит
в любви к Повелителю
и радостях небес!
Возблагодарим святого
князя славы,
за милость явленную
вечного Господина
во все времена!
Аминь!

(Морестранник, 115—125)¹⁹

Отчетливая чужеродность этой части поэмы всем остальным элегиям, да и первой части этой поэмы,²⁰ где практически нет никаких христианских реминисценций, заставила большинство исследователей согласиться, что поэма состоит из двух частей, созданных разными авторами,²¹ и толковать ее как христианскую аллегорическую поэму постижения высшего, религиозного знания.²²

Несмотря на это исключение, кажется несомненным, что христианские представления не догматически усваиваются рассказчиком элегий, а претерпевают строгий, хотя и неосознаваемый отбор. Из всего комплекса христианских представлений о бренности мира усваивается и находит отражение в элегиях лишь то, что созвучно более древним, дохристианским представлениям, лишь то, что перекликается с языческим мироощущением. Однако, наслаиваясь, эти представления приобретают качественно новое звучание, которое, от-

личаясь как от первых, так и от вторых, воплотилось в героических элегиях.

Вторым источником элегий могли послужить погребальные плачи.²³ Параллельно с героическим эпосом существовали и развивались другие фольклорные жанры: заклинания, заговоры, загадки, гномические стихи. Они известны по ряду записей X—XI вв. Текстов же погребальных плачей не сохранилось. Тем не менее кое-что о них известно — по преимуществу из поэмы «Беовульф». Во-первых, это те несколько строк, которые посвящены Эскхере, дружиннику Хродгара, унесенному матерью Гренделя в свое логово. Уже в них обнаруживаются такие существенные элементы плача, как прославление погибшего и выражение скорби по поводу его гибели. Во-вторых, это заключительные строки поэмы, где женщины племени геатов до и после завершения обряда погребения оплакивают героя:

Герои-сородичи
горе оплакивали,
гибель конунга,
и некая старица
там причитала,
простоволосая
выла над Беовульфом,
плакала старая
и погребальную
песню пела
о том, что страшное
время близится —
смерть, грабежи
и битвы бесславные.

(Беовульф, 3148—3155)

...они простились
с умершим конунгом,
восславив подвиги
и мощь державца
и мудромыслие, —
так подобает
людям, любившим
вождя при жизни,

хвалить, как прежде,
и чтить правителя,
когда он покинул
юдоль земную!
(Беовульф, 3172—3177)

В сжатом виде здесь пересказано содержание плача — прославление Беовульфа, которое ведется в двух планах: рассказ о его прошлых подвигах и характеристика его выдающихся качеств («слава»); предсказание будущих несчастий, на которые обречено племя после гибели героя. Хотя плач по своей сущности — «эмоциональный отклик» на настоящее,²⁴ в нем присутствует и нарратив: как случилось то, что составляет настоящее, и что произойдет в будущем в результате случившегося. Повествовательные элементы подробно разработаны в речи гонца, несущего весть о смерти героя. Обращаясь к геатам (дружины Беовульфа), гонец сразу вводит их в ситуацию:

Возлег сегодня
на ложе смерти
владыка ведеров,
гаут всевластный...
(Беовульф, 2900—2901)

Затем он переходит к характеристике того будущего, которое ожидает геатов, и причинам грядущих бедствий:

Ждут нас войны
и кровомщение,
едва о смерти
правителя нашего
узнают фризы,
франки услышат.
Та распря вспыхнула,
когда на хугов
дружину Хигелак
и флот свой двинул
к пределам фризским...
...Не жду я также
добра и мира

от племени шведов:
ведь всем известно,
как в Роше Вороньей
убил Онгентеов
Хадкюна Хредлинга.
(Беовульф, 2910—2915, 2919—2922)

Это краткое вступление дает толчок к пространному отступлению, повествующему об истоках вражды геатов и свеев, перипетиях войны между наими и завершении. Заключение речи гонца содержит красочное противопоставление недавнего благоденствия геатов их гибели в войне со свеями:

в былое канули
с конунгом вместе
пиры и радости;
морозным утром,
в руках сжимая
копейные древки,
повстанут ратники,
но их разбудит
не арфа в чертоге,
а черный ворон,
орлу выхваляющийся
обильной трапезой,
ему уготованной,
и как он храбро
на пару с волком
трупы терзает!
(Беовульф, 3020—3027)

Если отвлечься от отнесения действия к конкретному времени (прошлое, настоящее, будущее), то нельзя не обратить внимание на поразительное сходство с элегиями: те же образы и во многом те же выражения описывают аналогичную ситуацию: контраст между полнокровной, исполненной героического величия жизнью в прошлом и горестным прозябанием, последовавшим после смерти Беовульфа.

В плаче, как и в речи гонца, и в элегиях особое значение имеют вневременные мотивы: описание доли-судьбы, горя, смерти, разлуки

и их противопоставление былому. Однако в «Беовульфе» это противопоставление основано не на индивидуальной судьбе героя, как в элегиях, а на судьбе племени: прежде геаты жили счастливо, спокойно, не тревожимые воинственными соседями. Будущее же племени печально: погиб король, который был надежным защитником племени, и оно обречено на гибель в борьбе со свеями.

Непосредственную связь элегий и плачей обнаруживает эпизод поэмы «Беовульф», который часто причисляется к героическим элегиям, — повествование о последнем оставшемся в живых воине когда-то могучего племени, зарывшем сокровище, ставшее добычей дракона:

Смерть кроволитная,
 война истратила
 моих родовичей;
 не видеть им больше
 чертога пиршественного,
 не встанут воины
 с мечами на страже,
 некому ныне
 лощить до блеска
 чеканные кубки, —
 ушли герои! —
 и позолота
 на гордых шлемах
 скоро поблекнет —
 уснули ратники...
 ...Не слышно арфы,
 не вьется сокол
 в высоком зале,
 и на дворе
 не топочут кони, —
 все похитила,
 всех истратила
 смертная пагуба!»

(Беовульф, 2249—2265)

Обладая всеми структурными признаками элегии, которые были отмечены выше, этот эпизод расценивается самим рассказчиком поэмы как плач:

Так в одиночестве
и днем и ночью,
живой, он оплакивал
племя сгинувшее...
(Беовульф, 2266—2267)

Конечно, плачи в «Беовульфе» несравненно шире по тематике: их предмет — судьба племени, а не индивида, отличаются они от фольклорных плачей-причитаний и некоторыми композиционными особенностями, но некоторые наиболее существенные элементы плачей характерны и для элегий. Во-первых, бесспорно созвучны «вневременные» мотивы плачей и элегий. Во-вторых, в плачах заложена основа композиционного строения элегий — противопоставление прошлого и настоящего, хотя конкретные формы этого противопоставления различны, как различны и принципы взаимосвязи этих двух планов.

Сопоставление элегий с христианскими интернациональными и фольклорными национальными традициями того же времени обнаруживает сложность и многообразие истоков этого в высшей степени своеобразного эпического жанра. Кажется очевидным смешение в них языческих и христианских представлений о бренности мира, образующих трудно расчленимый сплав в сознании певца. Вырастая на почве традиций героического эпоса, элегии обязаны ему своим поэтическим миром, образной системой. Традиция погребальных плачей-причитаний подсказала композиционное строение элегий — противопоставление прошлого и настоящего. Однако — и это следует подчеркнуть — речь идет не о механическом сочетании отдельных элементов, почерпнутых в различных традициях. Речь идет об органическом слиянии внешне разнородных элементов, о сплаве чувств, представлений и поэтических образов, из которого родились своеобразные, поражающие современного читателя тонкостью поэтического мироощущения произведения — героические элегии.

Глава 5

ДРУЖИНА ГОСПОДНЯ: РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭПОС

«Что общего между Ингельдом и Христом?» Задав этот риторический вопрос монахам монастыря в Линдисфарне, которые с равным удовольствием слушали и поэтические переложения библейских сюжетов, и сказания о героях древности — Оффе, Вёлунде, Ингельде, Алкуин, человек редкой для своего времени образованности, один из столпов не только англо-саксонской, но и западноевропейской церкви, раскрывал далее свою мысль: «Пусть громко звучат за столами в вашей трапезной слова Господа. Надлежит слушать чтеца, а не флейтиста, отцов церкви, а не языческие песни... Не настолько просторен наш дом, чтобы вместить обоих, и не предназначен он для тех, кто веселится на рыночной площади».¹ Монахи, поучаемые им, в своей массе были выходцами из простого народа, малоискушенными в книжных и богословских премудростях, и их восприятие поэзии опиралось на иные представления. Для них, в противоположность Алкуину, не существовало пропасти между Ингельдом и Христом, один не противостоял другому как представители разных, тем более взаимоисключающих мировоззрений. Они сосуществовали как герои произведений, где в сходных формах отражалась и воплощалась единая по своей сути картина мира.

По традиции, берущей начало в «Церковной истории народа англов» Беды, зарождение христианского эпоса связывается с именем Кэдмона (*Caedmon*), неграмотного пастуха, которому однажды во сне явился ангел и приказал восславить в стихах на родном языке сотворение мира и его создателя.² Наутро Кэдмон пришел в монастырь Витби и исполнил в присутствии настоятельницы монастыря Гильды³ и

других служителей гимн о творении мира. Пораженная красотой гимна, аббатиса приказала ежедневно читать Кэдмону Библию, с тем чтобы он в стихах излагал услышанное им.

Монастырский характер легенды очевиден. Беда — единственный, кто рассказывает о Кэдмоне, и его повествование не лишено некоторого налета сказочности: чудесное превращение пастуха во вдохновенного певца является распространенным фольклорным мотивом.⁴ Не известны и другие творения Кэдмона, хотя Беда говорит о них; лишь девять строк приведены Бедой и вошли в литературу под названием «Гимн Кэдмона»:

Восславим же стража
царства небесного,
мощь Господа
и его мудрость,
создание славы отца,
когда основал он,
вечный владыка,
начала дивные.
Он создал сначала
для рода людей
Небо, как крышу,
святой зиждитель.
Землю срединную,
страж человечества,
вечный владыка,
затем сотворил,
людям вселенную,
всемогущий Господин.
(Кэдмон)⁵

Очевидно, эти строки и являются той песнью (или ее частью) о творении мира, которую упоминает Беда как первое сочинение Кэдмона и, более того, как первое песнопение на древнеанглийском языке, посвященное христианской тематике: «Верно, что после него и другие англы пытались сложить религиозные поэмы, но никто не мог сравниться с ним». Однако утверждение Беды о том, что Кэдмон был родоначальником древнеанглийской религиозной поэзии, сомнительно.

Текст гимна состоит из цепочки нанизанных одна на другую формул и стереотипных выражений (до 83 % текста), встречающихся и в других памятниках,⁶ т. е. основан на уже сложившейся поэтической традиции. Причем часть формул отражает специфически христианскую терминологию, насаждаемый христианством круг идей и представлений (44 % формул).⁷ Формулы «страж человечества» (*moncyrmas uard*), «отец славы» (*uuldurfadur*), «всемогущий господин» (*frea allmectig*) сложились еще в языческую эпоху как обозначения одного из богов языческого пантеона или просто конунга (ср. *sige-drihten* «победоносный господин»: Беовульф, 391; *sigora waldend* «повелитель побед»: Беовульф, 2875). К дохристианскому пласту относится, вероятно, вряд ли случайное наименование мира людей (в противоположность царству небесному) «Срединной усадьбой» (= «землей»: *middangeard*): так же (*Miðgarðr* «Срединная усадьба») назывался в скандинавской (и общегерманской?) космологической модели мир, в котором обитают люди. В вертикальной проекции, изображаемой в виде мирового древа Иггдрасиль, верх (крону дерева) занимал мир богов (*Ásgarðr*), низ (в корнях) — царство мертвых, срединную часть — люди. Напротив, такие выражения, как «святой создатель» (*haleg scepnd*), «страж царства небесного» (*hefaenricaes uard*) и др., обнаруживают чисто христианское происхождение. Очевидно, Кэдмон опирался на уже существовавшую до него традицию, черпал в ней основные образы и поэтические средства, развивал ее, но не был ее создателем.

Рассказ Беды о Кэдмоне завершается перечислением поэм, сочиненных пастухом и записанных в монастыре Витби: «Он пел о сотворении мира, о происхождении человеческого рода, об исходе Израиля из Египта и пути его в обетованную землю и о многих других историях, взятых из святых писаний; о воплощении, страстях, воскресении Господа, о его восшествии на небеса, о сошествии Святого Духа на апостолов и об их проповеди; также о страхе грядущего суда, об ужасах адских мук и о радостях Небесного Царства. В дополнение сложил он много других песен о Божьих милостях и карах...».⁸ Действительно, почти все сюжеты, перечисленные Бедой, лежат в основе поэм, сохранившихся до нашего времени. Другой вопрос, можно ли их приписать Кэдмону. Сходство мировосприятия, отраженного в поэмах, общая приподнятость, патетичность стиля, ряд общих стили-

стических черт позволили выделить группу поэм на библейские темы, которые обычно называются исследователями «канонам Кэдмона». Это поэмы «Бытие», «Исход», «Даниил», «Христос и Сатана» и некоторые другие. Традиционно эти поэмы датируются временем до 750 г., т. е. относятся к той же эпохе, когда сложилась дошедшая до нас редакция поэмы «Беовульф». Тем не менее их язык, лексика, стилистика не позволяют отнести их к творчеству одного автора,⁹ и с именем Кэдмона можно уверенно связать лишь приведенные выше девять строк «Гимна».

Вторым известным нам, хотя бы по имени, автором поэм на религиозные сюжеты является Кюневульф, включивший свое имя, написанное англо-саксонскими рунами, в заключительные строфы четырех поэм: «Юлианы», «Елены», «Христа» и «Судеб апостолов».¹⁰

Авторство других поэм, которые ранее приписывались Кюневульффу («Андрей» и др.) и которые сходны с подписанными Кюневульфом, не может быть достоверно установлено. Поэтому выделяется «канон Кюневульфа» — группа поэм, поэтических переложений новозаветных сюжетов и житий святых, отличающихся от «канона Кэдмона» сюжетикой (поэмы «канона Кэдмона» разрабатывают по преимуществу ветхозаветные темы), большей сухостью стиля, более глубоким знакомством с церковной догматикой.¹¹ Полагают, что Кюневульф был клириком одного из англо-саксонских монастырей (может быть, епископом в Линдисфарне, умершим в 779 или 780 г.), чем и объясняется образованность автора и начитанность в церковной литературе. Поэмы «круга Кюневульфа» датируются 750—850 гг.

К этому же времени, видимо, принадлежит одна из самых замечательных христианских поэм — «Видение креста». Фрагмент ее высечен руническим письмом на мемориальном Рутвельском кресте (рис. 38 б), предположительно датируемом VIII в. и содержащем наряду с рельефами, изображающими Христа-судью, свв. Павла и Антония, Марию Магдалину, омывающую ноги Христа, и др., также латинские надписи, поясняющие рельефы.¹²

Религиозный эпос англо-саксов обнаруживает поразительное разнообразие тем, сюжетов, характера изложения материала. Это и переложения ветхо- и новозаветных сюжетов («Исход», «Юдифь», «Христос»), и поэтические пересказы житий святых и апостолов, ино-

гда сильно отличающиеся от своих латинских прототипов («Елена», «Андрей»), и аллегории («Феникс»), и символические поэмы, исполненные христианской экзальтации («Видение креста»). Разными настроениями проникнуты поэмы даже на сходные сюжеты, нетождественным представляется и мир этих поэм: достаточно сравнить, например, поэмы «Юлиана» и «Андрей». Обе они основаны на латиноязычных житиях св. Юлианы (IV в.) и апостола Андрея,¹³ обе созданы примерно в одно и то же время, и предполагалось даже, что не только «Юлиана» (где есть подпись), но и «Андрей» является творением Кюневульфа, обе посвящены подвигу святого, ведомого Божьим провидением, в борьбе с язычниками, на стороне которых Сатана и его приспешники.

Правитель Никомедии, известный преследованием христиан Хелисий, вознамерился жениться на дочери своего военачальника — праведнице Юлиане. Невзирая на уговоры и угрозы отца, девушка твердо отказывается от замужества, если Хелисий не примет христианства. Разгневанный Хелисий хочет казнить ее, но, пораженный красотой Юлианы, предлагает ей богатые дары и власть, но отказаться от языческой веры не хочет. Упорство Юлианы вновь приводит Хелисия в ярость, он приказывает поместить ее на ночь в темницу, а утром казнить, собрав для назидания народ. Ночью в темницу является один из приспешников дьявола в облике ангела и пытается склонить Юлиану к браку с Хелисием. Но девушка разоблачает врага и с Божественной помощью обретает над ним власть, так что он вынужден рассказать ей о том, как улавливаются люди в сети дьявола, какова иерархия ада и т. п. Наутро Юлиану подвергают истязаниям, которые она стойко переносит, поддерживаемая ангелом, и продолжает молиться и проповедовать перед собравшимся народом. Ей отрубают голову, а Хелисий, внезапно охваченный страхом, садится на корабль со своими людьми, и после нескольких дней скитания по морю его корабль тонет в бушующем море.

Подвиг Юлианы — мученичество, упорное, но пассивное противостояние домогательствам Хелисия, подвиг силы духа.

Жизнь апостола Андрея представлена в одноименной поэме лишь одним эпизодом — освобождением св. Матфея, захваченного людоедами-мирмидонянами. Совершенно очевидно, что сам сюжет предпола-

гает совершенно иной — физический — аспект подвига, который усиливается характером переработки заданной житием темы.

Голос свыше приказывает апостолу Андрею отправиться в далекую Скифию к людоедам-мирмидонянам, чтобы освободить ослепленного и заточенного в темницу св. Матфея, которого собираются убить. Устрашенный опасностью, Андрей пытается отказаться от этой миссии, указывая, что проще послать ангела, который легко преодолеет расстояние до Скифии. Но Христос требует повиновения, и на следующее утро Андрей обнаруживает на берегу ладью с тремя моряками, которые готовы доставить его в Скифию. Кормчий корабля — сам Христос, а двое его спутников — ангелы, поэтому, невзирая на бурю, описание которой — одно из лучших в древнеанглийской поэзии, Андрей через сутки оказывается у мирмидонян. Проникнув в город, Андрей открывает темницу и совершает первое чудо, вернув зрение Матфею. После этого он возвращается в город и начинает проповедовать истинную веру, в то время как мирмидоняне обнаруживают, что пленник исчез. Появление дьявола побуждает язычников к нападению на Андрея. Его хватают и запирают в той же темнице, где ранее находился Матфей и куда является дьявол, чтобы испугать и унижить Андрея. Своей твердостью в вере апостол одерживает над ним победу, а его стойкость во время истязаний повергает мирмидонян в сомнение. Посланное Христом наводнение уничтожает большую часть язычников, а остальные принимают христианство, после чего Андрей с освобожденным Матфеем и его спутниками возвращается на родину.¹⁴

Сами сюжеты предполагают различный подход автора к изображаемому, различный способ описания событий. И тем не менее если обратиться к созданному многими авторами — в их числе и Кэдмон, и Кюневульф — миру религиозно-эпических поэм, то он предстанет перед нами, при всем разнообразии и варьировании тем, поэтического строя, атмосферы, как довольно однородное целое.

Каковы бы ни были его конкретные формы, конфликт религиозных, как и традиционно-героических, поэм состоит в противоборстве двух сил, приходящих в прямое столкновение, непосредственным выражением которого являются или битва — состязание в силе, или диалог — сражение умов. Происходит как бы перенос героического конфликта из физической сферы в духовную.

В схематической форме сюжет «Андрея» может быть изложен как подготовка Андрея к борьбе с мирмидонянами (плавание и т. д.), битва с ними, реализация победы. Существеннейшей частью поэмы «Исход» (основанной на тексте ветхозаветной книги «Исход», но не следующей ей дословно), посвященной бегству израильтян под водительством Моисея из Египта, является сражение с полчищами фараона и изображение гибели египетского войска в водах Красного моря (эти эпизоды занимают около 400 строк из 589). Поэма «Юдифь» посвящена победе прекрасной Юдифи над язычником Олоферном, осадившим Ветилую.

Словесное сражение святого с дьяволом¹⁵ представлено в наиболее развернутой форме в «Юлиане», когда дьявол под видом ангела является в темницу и пытается убедить девушку согласиться на свадьбу с Хелисием, но она быстро разоблачает его и вступает с ним в диспут. Словесный поединок, в котором раскрывается истинность аргументации святого и разоблачается враждебная Богу и людям сущность дьявола, представляется не менее значительной победой святого, чем поединок с оружием в руках. Да, собственно, и нет принципиальной разницы в изображении того или иного типа конфликта. Идеология битвы, войны пронизывает религиозный эпос,¹⁶ хотя и на эту сугубо «героическую» концепцию христианство накладывает свой отпечаток.¹⁷ Вот один из приспешников Сатаны собирается искушать Адама и Еву, дабы людской род был низвергнут из Рая:

Тут изготовился,
 обрядился богопротивник
 рьяный в доспехи бранные, —
 был он сердцем неправеден, —
 шлем-невидимку надел
 и дивными пряжками
 накрепко пристегнул...

(Грехопадение, 208—211)

Казалось бы, зачем дьяволу доспехи — ведь совратить людей он может лишь «злодейской хитростью» (с. 217), а не силой оружия, словом, а не мечом. Но в битву, пусть и словесную, необходимо снарядиться как подобает. Да и слово, а тем более слово святого, не менее

грозное оружие, чем меч: оно разит с не меньшей силой и поражает противника-дьявола столь же надежно, как стрела или копье. Раны, наносимые словом святого, столь же болезненны, что и раны от удара меча: недаром корчится в муках дьявол, явившийся Юлиане, и вынужден раскрыть перед ней свои тайны.

Если в агиографии всякий подвиг — подвиг веры по преимуществу,¹⁸ то в представлении авторов религиозных поэм он, видимо, является модификацией подвига физического или непременно связан с ним, тем более что и в героическом эпосе битве предшествует вызов врага — своего рода словесный поединок: Беовульф вызывает на бой Гренделя, трижды обращается к дракону. И в более поздних исторических песнях перед сражением герой вступает в диалог-поединок со своим врагом («Битва при Мэлдоне»). Конечно, диалог святого и дьявола — жанр христианской литературы, широко распространенный в средневековой Европе. Тем не менее думается, что у англо-саксов эта литературная форма приобрела облик героического конфликта не без влияния героико-эпической традиции.

Неслучайно поэтому образы сражения в религиозном эпосе насыщают диалоги — это те категории, которыми мыслит поэт, даже если речь не идет непосредственно о битве.¹⁹ Вот, например, описание того, как дьявол совращает человека:

...печальный,
должен другого искать,
менее стойкого,
витязя худшего
в войске сражающихся,
кого совратить
я могу своим злом
стать нерадивым в бою.
Хоть дух укрепит,
насколько сумел, —
я уж готов
в тайные мысли
прокрасться,
пусть войско внутри
душу его ограждает,
как в бастионе.
Крепостные ворота

злобою я открываю.
 Сделав в башне пролом
 и вход одолев,
 посылаю вперед
 в его грудь
 зависти мысли...
 (Юлиана, 393—405)²⁰

Человек представляется крепостью, которую осаждает дьявол, глубокая вера, отсутствие гордыни и зависти, а главное, неуклонное выполнение своего долга — вот оружие человека. Именно «нерадивого» в выполнении своего долга и ищет дьявол, против него направлено оружие: завистливые мысли, тщеславие, гордыня. Даже в таком, казалось бы, далеком от воинственного духа произведении, как «Видение креста», — экзальтированном повествовании, ведущемся от лица крестного древа, о том, как был распят Христос,²¹ — поведение Христа перед казнью сопоставляется с подготовкой воина к битве, а те переживания, которыми наделяется крест, сравниваются с чувствами воина, который порывается отомстить врагу, но должен повиноваться своему господину и терпеливо сносить мучения.²²

И не пал я —
 не спорил
 с Господней волей, —
 не посмел я преломиться,
 хотя место окрестное
 кругом содрогнулось,
 и врагов под собою
 я погresti хотел бы...
 ..и я содрогнулся,
 но не смел шевельнуться,
 не преломился,
 не склонился тогда я долу,
 но стоял, как должно,
 недвижно...

(Видение Креста, 35—38, 42—45)

Жизнь героя религиозных поэм истолковывается поэтом как битва, как непрекращающееся сражение с дьяволом. Преодоление со-

блазнов и посрамление дьявола — вот тот подвиг, который должен совершить герой. Однако далеко не вся жизнь, не все этапы этой борьбы изображаются в поэмах в противоположность, например, житиям святых, из которых авторы поэм часто черпают свои сюжеты. Вот, например, изображение битвы, в которой св. Освальд, в то время еще король Нортумбрии, одерживает решающую победу, приведшую к христианизации королевства, над войском язычника Кедвалла: «Тогда Освальд поднял крест в честь Бога прежде, чем вступил в битву, и воззвал к своим сотоварищам: „Преклоним колени перед Крестом и помолимся Всемогущему, дабы защитил он нас от надменного врага, тщасягося сразить нас. Ведь Бог знает сам, что мы по праву боремся с этим жестоким королем, защищая наш народ“. Тогда все они опустились на колени рядом с Освальдом и молились и затем рано утром вступили в сражение и одержали победу, так как Бог помогал им ради веры Освальда, и они сразили врага, гордого Кедвалла, с его великим войском, того, кто думал, что нет такого войска, которое могло бы победить его». ²³ Ни одного намека на героический мотив, ни малейшего интереса к ходу сражения, поведению героев в битве не содержится здесь. Вся событийная сторона сведена фактически к констатации самого факта победы Освальда, которая рассматривается лишь как проявление Божественного промысла. Поскольку результат сражения заранее предопределен, то отсутствует нарастание напряженности действия, кульминация; все события жизни святого равноценны своей соотносительностью с вечностью.

Сюжет религиозных поэм, напротив, составляет тот момент в жизни святого, когда конфликт достигает вершины, когда требуется напряжение всех его сил, чтобы одержать победу, когда в наибольшей степени раскрывается его сущность, т. е. конфликт героический, необыденный, причастный героике эпического мира, хотя эта героика и не столь однозначна, как в традиционном эпосе. Сам сюжет ветхозаветной книги «Юдифь», например, предполагает широкое использование героических мотивов, и эта возможность в полной мере реализуется создателем поэмы. Разработка этих мотивов в англо-саксонской поэме обнаруживает такое богатство варьирования, сплетения их, такую живость героических образов, которые трудно ожидать в переложении библейского сюжета.

Начало поэмы утеряно, и она открывается сценой пира в шатре Олоферна у стен Ветилуи. Картина пьяного разгула язычников, не соблюдающих «древние законы», резко контрастирует с гармоничными и спокойными сценами пиров в других эпических памятниках англосаксов.²⁴ После пира Олоферн требует привести к нему Юдифь, но, пьяный, засыпает, и девушка, оставшись одна, вынимает меч Олоферна и отрубает ему голову. Возвратившись в Ветилу, она показывает голову жителям и побуждает их напасть на стан ассирийцев, пока они спят в тяжелом похмелье. Нападение завершается полным разгромом войска Олоферна, а Юдифь прославляется жителями Ветилуи.²⁵

Кульминационный момент сюжета — избиение ассирийцев — настолько ярко и живо рисует картину неудержимого натиска израильтян, паники в стане Олоферна, замешательства, когда обнаруживается его обезглавленное тело, и бегства ассирийцев, что невольно создается ощущение стремительности, героического порыва. Этому способствует изменение «позиции» автора при описании боя. Автор как бы перемещается из тыла нападающих в их передние ряды, оказывается в гуще схватки, затем шум битвы стихает у него за спиной: он уже среди палаток, откуда выскакивают заспанные ассирийцы, и вот перед ним шатер Олоферна. Вместе с ассирийскими военачальниками он задерживается у входа, боясь потревожить сон господина, но приближающийся шум боя заставляет решиться... ужас, охвативший вошедших при виде обезглавленного тела, и неудержимое бегство завершают эпизод.²⁶

Героика религиозного эпоса и эпоса традиционного отличаются, как мы видим, не отдельными элементами, а их пропорциями, взаимным соотношением.²⁷ Если в традиционном эпосе христианские мотивы в характеристике героя, в структуре героического мира играли второстепенную, подчиненную роль, то здесь они выходят на первый план. Героично, оправданно только то действие, которое или направлено на служение Богу, выполнение своего долга перед ним, или санкционировано Богом. Так, действия Юлианы, ее мученичество — это героическая победа ради воссоединения с Богом, ради его прославления. Победы Андрея, Юдифи, Моисея совершаются по повелению Бога: ангел посылает Андрея к мирмидонянам, Юдифь и Моисей пользуются покровительством Бога.

Значительно сильнее также выражена роль Божественной помощи в характеристике персонажей. Благодаря ей Моисей из нерешительного, застенчивого человека, каким он представлен в Библии, превращается в одаренного умом, твердостью духа, отвагой вождя, который умело правит своим народом. Эти качества, как недвусмысленно указывается в поэме, не присущи ему изначально, а являются результатом Божественного вдохновения.

Структурное членение мира обусловлено дуализмом христианского мировосприятия с его основной оппозицией Бог — Сатана. Мир распадается на два противоборствующих лагеря, один из которых занимают Бог, ангелы, христиане, сочувствующие герою, и сам герой или героиня, второй — дьявол и его приспешники, язычники — противники героя. Принадлежность к христианскому миру является обязательным элементом характеристики героя, как и приверженность язычеству — его противников. Борьба этих полярных сил составляет основной сюжет поэм. Тем не менее это не традиционная для христианской литературы борьба царства небесного и царства земного. Мир, в котором живут и действуют герои религиозного эпоса, как правило, нейтрален, он не противопоставлен ни «небесному миру», населенному Богом и ангелами, ни «дьявольскому», где обитают сатана и его прислужники. Как и пространство традиционного эпоса, это скорее арена, на которой разворачивается противоборство двух воинств. Эпическое пространство поэтому в большинстве религиозных поэм не разграничивается, как в героическом эпосе, оно в равной степени населено представителями обоих лагерей и потому не имеет само по себе каких-либо положительных или отрицательных свойств. Так в «Юлиане» изображается страна (поэтический мир), в которой живет героиня поэмы:

Широко распростерлась
его страна,
раскинулась над миром,
чуть меньше была,
чем весь великий мир.
Из города в город
ходили приспешники,
как он повелел,
творили насилие,

не знавшие Бога,
 в злобе своей
 ненавидели Божий закон,
 чинили вражду,
 сотворяли кумиры,
 терзали святых,
 убивали прозревших,
 сжигали избранных...

(Юлиана, 8—16)²⁸

Единство пространства для представителей противоборствующих сторон встречается и во многих других поэмах.

Однако «нейтральность» и нерасчлененность пространства типичны далеко не для всех поэм религиозного эпоса. При преобладании традиционно-героических мотивов и образов пространство иногда обретает дуалистичность, и в таких поэмах, как «Андрей», «Бытие А», «Юдифь», мы найдем более близкую к героическому эпосу структуру пространства. Страна мирмидонян (Скифия) наделена всеми атрибутами пространства, тяготеющего к полюсу противников героя: она отделена от территории, где живет герой, и, чтобы попасть туда, требуется преодолеть препятствия (морское плавание); болота и топи создают условия, непригодные для жизни человека; противопоставленный герою круг персонажей сосредоточивается на этой территории. Точно так же и в «Бытии»²⁹ проводится четкая грань между раем, обиталищем Бога и ангелов, «царством горним», и адом, куда попадает восставший против Бога Сатана:

...в край подземельный,
 он, карающий Бог,
 поместил их,
 в темное пекло:
 там с вечера мученья
 вечно длятся,
 негаснувший огонь
 врагов опаляет,
 там на рассвете
 ветер восточный,
 стужа лютая,
 хлад и пламень...

(Грехопадение, 76—81)

В «Юдифи» Ветилуя и лагерь Олоферна разделены опасной «промежуточной» зоной. Необходимость вступить в непосредственное сражение с противником заставляет героиню преодолеть это пространство.

Но многое в героическом идеале религиозных поэм традиционно именно для героического эпоса, а не для христианской литературы и потому вступает в противоречие с таким распространенным клерикальным жанром, как жития святых. В первую очередь мир религиозных поэм — это мир героического действия, поступков, а не размышлений. Здесь нет места, например, идее христианской аскезы, самоуглубления. Служение Богу находит выражение лишь в одной форме — в героическом действии, подвиге. Поэтому из многочисленных библейских и агиографических сюжетов для переработки избираются лишь те, которые содержат элементы героики в традиционно германском ее понимании: непосредственное столкновение противоборствующих сил, борьба, в которой герой, чтобы выйти из нее победителем, вынужден полностью раскрыть свои возможности и способности.

К героическому переосмыслению христианских сюжетов толкал сочинителей этих поэм не только сложившийся в поэтической практике стереотип художественного сознания, но и весь тот арсенал поэтических средств и приемов, который был выработан еще на континенте и впервые отразился в «Гимне» Кэдмона, наиболее раннем произведении христианского эпоса.³⁰ В нем число поэтических формул христианского содержания и происхождения невелико по сравнению с традиционно-героическими. Язык поэтических стереотипов, выражающих понятия христианской идеологии, основанные на ее образной, символической системе, лишь формируется на наших глазах, и поэт вынужден обращаться к тому единственному существующему поэтическому языку, который он знает, — языку германского героического эпоса. Образы, темы, общие места, метафоры, эпитеты — весь запас поэтических приемов он черпает у скопа-дружинника. «Как кажется, человек, знавший религиозные легенды и легенды о святых, когда-то познакомился и с устной традиционной поэзией и ее стилем, познакомился настолько хорошо, чтобы сочинять в том же самом или близком стиле. Хотя сочинители этих поэм («Елены», «Андрея» и др. — *Е. М.*), возможно, знали истории святых из проповедей, а не обязательно в письменной форме, обычно считается, что они знали их по письменным

источникам, т. е. по латинским редакциям, имевшимся в монастырях. Я бы хотел подчеркнуть, что в этих поэмах... начал складываться новый круг формул для выражения новых идей христианской поэзии по моделям устной традиционной поэзии. Я бы поэтому определил религиозную поэзию как „переходную“ или „смешанную“». ³¹ Обратимся, например, к описанию погони, отправленной фараоном после исхода Моисея из Египта:

Эрлы в душе
надежду утратили,
когда увидали
на южной дороге
войско фараона:
вышел на них
дорогами трудными
отряд блистающий —
с тяжелыми копьями,
с витыми трубами —
щиты сияли,
широкая близилась
цепь воинов...
Птицы битвы кричали,
падалью сытые —
в росе оперение —
кружили над трупами,
жаждущие сражения.
Волки в ярости,
мрачные звери боя,
во мраке пели
песнь погребальную
войску вослед —
пророча многим
скорую гибель.

(Исход, 154—167) ³²

Ничего подобного, конечно, нет в библейском рассказе, сухо сообщаящем, что фараон «запряг колесницу свою, и народ свой взял с собою. И взял шестьсот колесниц отборных... и он погнался за сынами Израилевыми, а сыны же Израилевы шли под рукою высокою. И погнались за ними Египтяне, и все кони с колесницами фараона, и всадники, и все войско его, и настигли их расположившихся у моря...

Фараон приблизился, и сыны Израилевы оглянулись, и вот, Египтяне идут за ними: и весьма устрашились и возопили сыны Израилевы к Господу...» (Исход, XIV, 6—10). В поэме же представлены все основные атрибуты героического описания битвы: блистающее оружие героев, птицы и звери битвы (вороны, волки), предвестие кровавого сражения (хотя на самом деле войско фараона погибнет в пучине Красного моря, а не от меча воинов Моисея, т. е. кровопролития не будет). Поэт умеет описывать эти события лишь традиционным языком героического эпоса, даже если некоторые привычные образы приходят в противоречие с рассказываемым. Отсутствие в поэмах христианской догматики иногда прямо объясняется неразработанностью средств выражения подобных идей в поэтическом языке.³³

Более того, совмещение христианских и языческих представлений, о чем не раз говорилось выше, обнаруживается и в этих, казалось бы, проникнутых христианской идеологией памятниках. Не вызывает сомнений, что «„Видение Креста“ замечательно особой утонченностью и многосмысленностью христианской символики. Крест предстает в поэме и как символ торжества Бога, и как орудие истязания, как крест поруганный и почитаемый...».³⁴ Но одновременно «крестное древо» соединяет небо и землю. Христианству чуждо представление о мировом древе, и этот образ вряд ли мог возникнуть в ортодоксальном христианстве. Но зато мировое древо — один из центральных элементов германской языческой космологии: ясьень Иггдрасиль в скандинавской мифологии объединяет все миры, являясь стержнем Вселенной. И хотя, конечно, «крестное древо» поэмы уж совсем не равнозначно Иггдрасилю, отголосок его структурообразующего значения улавливается. Так что если задаться вопросом, как, в каких формах автор воспринимает свое повествование, то становится очевидным, что он видит поэтический мир в образах прежде всего героического эпоса.

Использование поэтического языка героического эпоса влечет не только привнесение традиционно-эпических образов и сцен в религиозный сюжет: большая часть этих формул, тем и образов в той или иной форме отражает определенное — героико-эпическое — мировосприятие и основывается на законах, управляющих эпическим миром. В разных поэмах Христос называется «отважным воином», «могучим вождем», «стражем народа», т. е. определениями, типичными для

обозначения германского короля (Беовульфа, Хродгара, Хигелака). Подчеркивание физической силы, отваги и прочих «героических» качеств Христа ставит его в один ряд с Беовульфом или Вальдере (поэмы «Христос», «Христос и Сатана»). Сходные приемы изображения и общность принципов героизации образов (хотя и с разной степенью раскрытия отдельных элементов) создают в сознании рядовых членов монастырских общин тот самый мостик между Христом и Ингельдом, соположение которых обличал Алкуин.

Изгнанниками, отлученными от героического общества, рисуются в сознании поэта противники героев, в первую очередь Сатана. Отвергнутый Богом, он вместе со своими сторонниками влачит жалкое существование изгоя, как и герой элегий. Исторгнутый из рая, Сатана³⁵ произносит речь, достойную героя «Скитальца»: он оплакивает свою судьбу и несчастья, изображает тяготы своего положения. Чувство утраты былого благополучия усиливается воспоминаниями о прежней счастливой жизни на службе у своего господина — Бога. Для него нет места в «Божественной» социальной иерархии, его прибежище — ад — столь же мрачно и уныло, как жилище героя элегий на морском берегу, и так же далеко оно от мира героев и людей.

Героическое общество христианских поэм строится по тем же традиционным принципам — на взаимоотношениях короля и его дружины, и нет существенной разницы в том, что образ короля замещается в них образом Бога: как и идеальный король германского эпоса, он милостив и щедр, раздает дары своим верным воинам и требует взамен преданности. Таким же вождем предстает и Сатана до своего падения, который напоминает, уже оказавшись в аду, своим приспешникам:

...прежде я даривал
от щедрот моих сокровища,
когда мы радовались,
там владея престолом,
в местах блаженных, —
пора, соратники,
время настало
государю, как должно,
воздать за прежнее,
сослужить мне служение...

(Грехопадение, 175—180)

Почти теми же словами призывает Виглаф дружинников «сослужить служение» Беовульф в его битве с драконом:

над чашей меда
 клялись мы честью
служить исправно
 кольцедробителю,
нас одарившему
 одеждой битвы,
мечами, кольчугами,
 коли случится
нужда в подмоге!..
 ...Но так случилось,
что ныне нуждается
 вождь в отваге
своих сподвижников,
 в силе воинства! —
так не пора ли
 и нам изведать
огненной пагубы!

(Беовульф, 2633—2649)

и укоряет испугавшихся дракона и укрывшихся в роще дружинников, не выполнивших свой долг вождю, который наделил

...вас,
 нестоящих,
кольцами золота,
 ратными сбруями
(ибо нередко
 в застольях бражных
шлемы, кольчуги,
 наряды сечи,
в дружинном зале
 дарил державный)...
...Не мог он похвастаться
 вашей помощью
в сражении, конунг...

(Беовульф, 2863—2873)

Герои христианских поэм — верные дружинники Бога, их подвиги — исполнение своего долга господину. Это представление от-

ражено в многочисленных эпитетах и метафорах, применяемых даже к женщинам (Юлиане и Юдифи): «отважный воитель», «бесстрашная воительница», «могучий витязь» и т. п.

Благополучие и благоденствие этого общества, как и в героическом эпосе, зависит от выполнения всеми его членами взаимных обязанностей. Бог создает ангелов, чтобы они составили его дружину, и Сатана занимает в ней место наиболее опытного и достойного воина, он «гордый ратеначальник», воевода («Бытие Б», 104). От него ожидается верность и преданность Богу, своими доблестями он должен снискать славу господину. Рассказ о падении ангелов представляется нарушением законов верности, разрывом освященной обычаем связи «король — дружинник»:

...нелживо он должен
 служить владыке,
 своему государю;
 ему же думалось,
 что мощью может он
 помериться с Богом,
 собрать не меньшую
 рать, чем Господня
 славная дружина...

(Грехопадение, 33—37)

Сам Сатана рассматривает свое восстание против Бога исключительно в формах вооруженной борьбы:

Соберутся мои соратники,
 избравшие меня верховным,
 все мужи нестрашимые,
 и мы совершим в сраженье
 дело, какое задумаем, —
 вот добрая моя дружина,
 сердца мне верные...

(Грехопадение, 50—53)

Изгнание Сатаны (рис. 68) и Адама — естественное и закономерное наказание, материализованный результат их собственного отказа от следования нормам героического общества.³⁶ Узнав о преступлении

Рис. 68. Восстание Сатаны. Миниатюра из «Рукописи Кэдмона», 930—960 гг.

Сатаны, Бог, как и следует германскому вождю, приходит в негодование и мстит неверным дружинникам («Бытие В»). В результате изгнания Сатаны и ангелов из рая создаются два идентичных по своей структуре общества, противостоящих друг другу: воинство Бога и воинство Сатаны.

Таким образом, сюжеты религиозных поэм, их дидактическая направленность, некоторые элементы мировосприятия обуславливают их сущность как произведений сугубо христианских. Вместе с тем, мир поэм в ряде своих черт предстает как мир героический. В них присутствует в косвенной, разлитой форме героика эпического мира. Обратимся еще раз к поэме «Исход». Морализаторско-дидактическим зачину и концовке поэмы (исход — это благая весть о спасении человечества, обращенная ко всем имеющим уши: Бог милосерд, и, хотя, земная жизнь проходит в вечном страхе перед всевозможными преступлениями, в Судный день все праведники будут вознаграждены и с триумфом войдут в царство небесное) противостоят героико-эпическое воплощение сюжета, традиционные образы и традиционная формульная лексика, воссоздающие дух и атмосферу героического действия.

Глава 6

ЗАКАТ ГЕРОЕВ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Последняя переработка традиций героического эпоса — и в хронологическом, и в типологическом отношении — исторические песни, время происхождения которых — X—начало XI в. Все известные англо-саксонские исторические песни, кроме одной — «Битвы при Мэлдоне» о трагическом поражении уэссекского элдромена Бюрхтнота в сражении с датчанами в 991 г. — включены в разные редакции «Англо-саксонской хроники» вместе с рассказами об отдельных эпизодах борьбы с экспансией скандинавских викингов в Англии и другими событиями. Это песни о разгроме датчан и их шотландских и ирландских союзников королем Этельстаном в 937 г. («Битва при Бруннбурге»); об освобождении в 942 г. входившей в Денло области Пятиградия (Five Boroughs) королем Эдмундом; о коронации короля Эдгара в 973 г., о его смерти в 975 г.; о пленении около 1036 г. Альфреда, сына Этельреда, английским эрлом Годвином, о смерти короля Эдуарда Исповедника в 1066 г. Все эти события засвидетельствованы древнеанглийскими хрониками и скандинавскими сагами, имена героев поэм известны по различным документам: дарственным грамотам, завещаниям др.¹ Песни, как считается, сложены участниками, очевидцами или по крайней мере современниками событий, о которых повествуется в них.

Большая часть исторических песней, конечно же, не может сравниться с «Беовульфом» или «Деором». Но среди них есть две, выразительность и яркость которых не уступают эпическим памятникам более раннего времени. Это «Битва при Мэлдоне» и «Битва при Бруннбурге». Первая рассказывает о высадке датчан в устье р. Пенды и

столкновении с войском уэссекского элдормена Бюрхтнота.² Начало песни утеряно, и она открывается сценой подготовки англичан к сражению. Бюрхтнот отклоняет требование викингов заплатить выкуп за мир, но сражение начаться не может, т. к. из-за высокого уровня воды в реке викинги не могут перейти на берег, занятый англичанами. Скандинавы пытаются подняться на мост, но англы защищают его столь отважно, что нападающие вынуждены отступить и просить Бюрхтнота дать им перейти реку, чтобы начать битву. Элдормен пропускает их. В ожесточенном бою гибнет Бюрхтнот, часть дружинников бежит с поля боя, обрекая остальных, верных памяти вождя, на смерть. «Англо-саксонская хроника» так рассказывает об этом событии: «Тогда, в этом году, пришел Унлаф (его обычно отождествляют с будущим норвежским конунгом Олавом Трюггвасоном. — *Е. М.*) с 93 кораблями в Фолкстоун и разграбил его окрестности; затем он отправился в Сандуич, а оттуда — в Ипсвич и все эти земли разорил и пришел в Мэлдон. Элдормен Бюрхтнот выступил со всем своим ополчением и сражался против данов; но те убили элдормена и завладели полем битвы...». «В тот год впервые было решено заплатить дань разбойничьему войску, из-за того что они сеяли такой ужас на побережьях», — добавляет другой список «Англо-саксонской хроники».³ Краткий и сухой отчет хроники дополняется другими источниками, из которых мы узнаем, что Бюрхтнот был покровителем монастыря в Или, где он и был похоронен вскоре после сражения. Это дало основания предполагать, что один из монахов этого монастыря являлся свидетелем, а может быть, и участником битвы и написал поэму.⁴

«Битва при Брунанбурге»⁵ рассказывает, напротив, о блистательной победе короля Этельстана над соединенными силами викингов из Ирландии под водительством короля Дублина Олава Гудффридсона (Анлаф поэмы), Константина, короля Шотландии, и Оуэна, короля Стратклайда. Автор поэмы говорит о масштабности и жестокости битвы, равной которой не было в Англии с тех времен, когда «англы и саксы пришли на эту землю из-за моря»:

Не случалось большей
сечи доселе
на этой суче,

большого в битве
смертоубийства
клинками сияющими...

(Битва при Брунанбурге,
70—71, 65—68)

Принципиально важное значение этого сражения, не допустившего образования нового скандинавского анклава и, соответственно, распада единого Английского государства, было вполне осознано его современниками и ближайшими потомками: «Поля Британии объединились в одно, повсюду был мир и изобилие всего», — писал около 975 г. Этельвеард, автор переложения «Англо-саксонской хроники» на латинский язык.

В поэме последовательно описан ход сражения до бегства викингов на корабли. Особое внимание уделено потерям нападавших: пали пять «юных вождей» и семеро ярлов Анлафа, родичи и сын Константина, бесчисленное количество «ярых мужей».

Посвященные драматическим моментам многовековой борьбы со скандинавами, эти две песни воплощают героический конфликт в его наиболее чистом виде: прямом военном столкновении двух противоборствующих сил, подробное описание которого и составляет сюжет песни. Однако сражение, хотя ему и посвящена большая часть текста песней, не исчерпывает содержание конфликта. Это скорее внешняя форма его проявления, видимая, событийная его сторона. Более существенным в поэтической интерпретации является конфликт между героическими нормами поведения Бюрхтнота, Этельстана и обыденной, практической моралью, рационалистическим восприятием событий. Об этом говорят как отношение автора песней к рассказываемому, так и само построение песней.

Место изображаемого в песнях эпизода в ходе реальной борьбы с датчанами малосущественно для его поэтической героизации: наряду с действительно важным, во многом определившим ход исторического развития сражением при Брунанбурге в основу песней ложатся такие события, как коронация короля Эдгара (умер в 975 г.), пленение Альфреда, не имевшие большого исторического значения, да и сражение при Мэлдоне не имело сколько-нибудь важных последствий: получив выкуп, скандинавы покинули Англию. Принципиальная важ-

ность события — не в его роли для судьбы «народа», как в традиционном героическом эпосе, где, например, Беовульф спасает сначала «всех данов», а затем «всех геатов». Та или иная победа или поражение не соотносены с общим ходом борьбы с викингами; значение события оценивается лишь в такой категории «героического мира», как слава и честь:

В это лето
 Этельстан державный,
 кольцедробитель,
 и брат его, наследник,
 Эадмунд, в битве
 добыли славу
 и честь всевечную
 мечами в сече
 под Брунанбургом...

(Битва при Брунанбурге, 1—5)

И одержавший блистательную победу Этельстан, и потерпевший разгром и погибший на поле боя Бюрхтнот стяжали себе славу; увековечению этой славы — а отнюдь не простому описанию события — и посвящены песни. Поэтому каждый из этих эпизодов в борьбе со скандинавами изображается как самостоятельное, завершающееся само в себе событие, а не как одно из длинной цепи столкновений, побед и поражений. Для автора каждой из песней ее собственный сюжет самоценен.

Наиболее полно сущность конфликта раскрывается в центральном эпизоде песни «Битва при Мэлдоне». Бегство некоторых дружинников Бюрхтнота после его гибели, бесспорно, кульминационный момент песни, после которого действие уже неудержимо стремится к своему завершению — разгрому английского войска. Бегство с поля боя сыновей Одды и вслед за ними некоторых других определяет трагическую развязку сюжета, и именно в этом месте повествования — в речах оставшихся верными своему долгу воинов — конфликт определяется наиболее ярко:

...Часто кричали мы
 за чашей меда,
 славой на лавах
 клялись-хвалились,

в тех застольях
стойкостью ратной
пускай же каждый
покажет свою отвагу...
...да не услышу в людях
слов стыдных,
будто я бегал
от корабельщиков...
...когда государь наш
пал на поле, —
теперь должны мы
друг друга
ободрять и драться
плечом к плечу,
доколе мечом владеет
рука, и доколе
копья не притупились,
острия годны.

(Битва при Мэлдоне, 212—215,
220—221, 233—237)

В речах Эльфвине, Оффы, Леофсуну воплощается героический идеал поведения воина, который был двумя веками раньше провозглашен Виглафом:

..уж лучше мне
в пламени
навек сгинуть,
владыку спасая,
чем ждать в укрытье!

(Беовульф, 2650—2651)

Сыновья Одды, напротив, рационалистически трезво оценивают свои силы и возможные последствия бескомпромиссного следования героической этике:

Годвине и Годвиг,
о гордости не радея,
спиной повернулись,
в лесную чащу бежали,

под сень деревьев от сечи
 спасенья ради,
 больше их было, беглых,
 чем подобало...

(Битва при Мэлдоне, 192—195)

Их прагматизму противопоставлен не признающий никаких препятствий и компромиссов героический долг. Следованием ему определяется все поведение Бюрхтнота, начиная с переговоров с посланцем викингов, который предлагает позорную, с точки зрения Бюрхтнота, сделку — выплату дани вместо сражения. Гордое негодование Бюрхтнота обнаруживает образ мыслей и этику, близкие нормам героического общества:

...не бесчестный со своим ополчением
 здесь военачальник встал,
 он биться будет
 на этой границе
 за владенья Этельреда,
 государя нашего,
 за людей и наделы...
 ...и подумать зазорно,
 чтобы вы с вашим выкупом
 вышли отсюда без боя
 и корабли свои увели,
 когда от земли нашей
 и без торга столько
 отторгнуть успели.
 Не добратья вам без крови
 до сокровищ наших.

(Битва при Мэлдоне, 51—59)

Между тем выплата откупа (в Англии он получил название *Heregeld* «Войсковые деньги») была распространенной практикой во Франкском королевстве уже с IX в., и в франкских хрониках и анналах постоянно упоминается о нападениях викингов, которые были остановлены или предотвращены не оружием, а золотом.⁶ После поражения при Мэлдоне английский король Этельред Нерешительный был вынужден впервые в истории Англии прибегнуть к той же такти-

ке и выплатить Олаву большую сумму денег (10 000 римских фунтов, т. е. около 3 тонн серебра), после чего войско датчан покинуло Уэссекс. Обличая нравы в правление Этельреда, автор одной из редакций «Англо-саксонской хроники» называет одним из преступлений должностных лиц откупы от викингских набегов.

Бюрхтнот последовательно и неуклонно отвергает любой компромисс с викингами и следует героической морали, обрекая тем самым себя на гибель.⁷ Его миропонимание противостоит как низменным побуждениям викингов — их вполне устроит мирная сделка (об этом говорит их посланец), — так и трусливому поведению сыновей Одды, больше пекущихся о своей безопасности, чем о славе, и готовых ценой бесчестья спасти свою жизнь.

В центре внимания авторов «Битвы при Мэлдоне» и «Битвы при Брунанбурге» стоит основная этическая категория героического мира — категория долга,⁸ и именно ее трактовка и воплощение в исторических песнях позволяют говорить об их мире как мире героическом. Противопоставление мужества и трусости, пренебрежения опасностью и заботы о благополучии возникает с первых же строк поэмы, когда распоряжения Бюрхтнота перед битвой обнаруживают, что «труса не празднует ратный начальник» (с. 6), — своего рода скрытое, еще только намечаемое противопоставление. Выраженное традиционными образами и формулами описание сборов к битве, включение афористических высказываний о поведении воина в сражении — все подготавливает восприятие героического действия, развертывающегося в соответствии с нормами идеального эпического мира. Более того, как Гуннар, предчувствуя гибельность своей поездки к Атли, рубит челны (или не привязывает корабли), чтобы отрезать себе путь к отступлению, так и Бюрхтнот перед началом битвы

Сам он всадникам приказал
всех коней отпустить,
спешно спешиться, —
уповали бы в рукопашной
молодые лишь на доблесть,
да на доброе свое оружие.

(Битва при Мэлдоне, 2—4)

Демонстративное пренебрежение опасностью, устранение путей возможного отступления наглядно свидетельствуют о героической решимости воина и окончательности сделанного им выбора.

Тема героической решимости формулируется далее в ответе Бюрхтнота посланцу викингов. Выслушав его предложение — речь викинга, кстати говоря, лишена метафор, сравнений, повторов, она коротка и деловита и своей поэтической формой разительно отличается от «эпических речей» англичан, — Бюрхтнот излагает свое решение:

Бюрхтнот вскричал,
 щит подъявши,
 дротом ясеневым
 тряс он, яростный,
 и такими словами, отважный,
 ему ответил:
 «Понимаешь ты, бродяга моря,
 о чем расшумелось это войско? —
 вам не дань дадут,
 но добрые копья,
 дроты отравленные,
 издревние острия...»

(Битва при Мэлдоне, 42—47)

Ответ, вполне достойный персонажа героического эпоса! Особенно показательно выражение *yrre and ānræd* — «гневно и твердо» (в переводе — «яростный, отважный»), которое в «Беовульфе» поясняется — «как подобает герою» (с. 1575). Уже одно это определение указывает на то, что автор поэмы ставит Бюрхтнота в один ряд с эпическими героями. Речь Бюрхтнота близка героическому эпосу, как по своему духу, так и по способам выражения мысли. Выкуп или дань стрелами, копьями и мечами — также широко распространенный героико-эпический образ в фольклоре разных народов: достаточно вспомнить, например, древнерусскую «Повесть временных лет» и рассказ о полянах, пославших хазарам мечи в качестве дани.⁹ Выплата выкупа невозможна для Бюрхтнота, как признание своей слабости, неспособности к борьбе, подчинения врагу. Выбор между сражением и откупом как реальная альтернатива даже не стоит перед Бюрхтнотом: для него возможен лишь один путь — борьбы, результат которой

предопределен Богом. В речи Бюрхтнота звучат те же мотивы, что и в вызовах Беовульфа Гренделю и дракону: лишь поединок с врагом, борьба не на жизнь, а на смерть достойны героя, лишь в них раскрывается героическая сущность его характера, его возможности. Будет ли итогом этой битвы победа или поражение — не столь важно, как следование до конца велению долга.

Дальнейшее развитие сюжета песни переводит намеченное в речах персонажей противопоставление в поступки и действия, совершаемые ими. Воин за воином вступает в сражение, выказывая свою верность долгу и памяти Бюрхтнота. «Пусть же каждый покажет свою отвагу» (с. 215), — говорит Эльфвине. И они один за другим проходят перед нами, чтобы, сразив врага, пасть от удара меча или копья. Именно здесь конфликт приобретает свою наиболее законченную форму: героическое мировосприятие, декларируемое Бюрхтнотом и верными ему дружинниками, материализуется в конкретных действиях персонажей. Своим поведением они разрушают мерки и нормы повседневности и обретают новое качество — идеальных героев эпического мира.

Этому перелому в повествовании соответствует и сдвиг в стилистике поэмы.¹⁰ Насколько сухим, ясным, не обремененным повторами и метафорическими выражениями (кеннингами) был язык первой части песни:

Тут смекнули недруги,
они узнали
страшную
стражу брода,
гости лихие
пошли на хитрость,
лишь бы малость
места им уступили,
через брод перебраться дали
рати на берег...

(Битва при Мэлдоне, 84—88),

настолько традиционно и насыщено формулами, «эпично» описание самого сражения:

...приближалась битва,
слава близилась,
время пришло

пасть избранникам израненным
на поле брани.
Вот взволновалось войско,
вороны кружат,
орел воспарил, стервятник,
крики на поле...

(Битва при Мэлдоне, 103—107)

Авторы поэмы широко прибегают к сложившимся поэтическим приемам и средствам изображения, обильно используют традиционные кеннинги и метафоры, иногда насыщая ими текст до такой степени, что затуманивается его смысл:

...их не радовала,
слабейших в битве,
работа бранная
на поле павших,
пенье копий,
стычка стягов,
сплетенье стали,
сшибка дружинная...

(Битва при Брунанбурге,
48—51)

Благодаря мировидению авторов, их обращению к героико-эпической поэтической технике реальное историческое событие преломляется в песнях как легендарное, обретает внутренний, возвышенный смысл, а простые уэссекские воины преобразуются в эпических героев.

Выполнив до конца свое героическое предназначение, гибнет под ударами мечей Бюрхтнот, и его смерть вновь ставит перед английской дружиной проблему выбора: прекратить ли сопротивление датчанам или продолжить сражение, чтобы отомстить за смерть своего господина. Как в дружине Беовульфа, так и в дружине Бюрхтнота наступает раскол. Осуждение покинувших поле битвы мотивировано теми же причинами, которые высказывает Виглаф в «Беовульф»: бежавшие не выполнили свой долг по отношению к Бюрхтноту, уклонились от пла-

ты за те милости, которыми он осыпал их, пренебрегли героическим кодексом поведения.

Конфликт поэмы, таким образом, приобретает масштабность благодаря столкновению этических норм, свойственных разным мировоззрениям: идеальному, героическому, и обыденному, прагматическому. Герой изображается в критический момент своей жизни, требующий максимального напряжения всех его сил. Бесстрашное преодоление опасности, непоколебимая стойкость и выполнение своего героического долга как основной императив поведения — вот те черты, которые обуславливают возвышенный, эпический характер конфликта исторических песней. Масштабность его в этих произведениях заключается прежде всего в проявлении героической сущности персонажа, в его идеальности, противопоставленной обыденности.

В то же время конфликт исторических песен значительно «индивидуалистичнее», чем в героическом эпосе. Выше шла речь об отсутствии в глазах певца связи между воспеваемыми им событиями и общим ходом борьбы со скандинавами. Самоценность и замкнутость сюжета песней — черта, резко отличающая их от традиционного героического эпоса. Более того, автора занимает лишь судьба героя песни, в крайнем случае, как в «Битве при Мэлдоне», — его дружины, причем только в пределах описываемого события. Неслучайно поэму «Битва при Брунанбурге» нередко сравнивают с хвалебными стихами скандинавских скальдов, посвященными прославлению того или иного конунга и потому сосредоточенными на описании одного или нескольких его деяний. Поступки героев песней оцениваются автором не в зависимости от их общественной значимости, а в силу их соответствия героическому идеалу, незримо и, возможно, далеко не всегда осознанно стоящему перед внутренним взором певца. Конфликт между героическим и обыденным не только составляет содержание «Битвы при Мэлдоне», но он происходит и в сознании самого автора, человека, оставившего «героическую эпоху» далеко позади.

С одной стороны, автор восхищается Бюрхтнотом, поет ему славу, скорбит о его гибели и смерти его верных дружинников. С другой — героический иррационализм, пренебрежение здравым смыслом вызы-

вают если и не осуждение, то сомнения, в которых оценка двойственна. Вот, например, эпизод «Битвы при Мэлдоне», когда Бюрхтнот пропускает войско викингов на свой берег, чтобы начать наконец битву. Автор указывает на «избыточность» героического мировосприятия и поведения Бюрхтнота, его *ofermod* — «гордыню, чрезмерную отвагу»¹¹ (в «Беовульфе» это слово служит высшей похвалой герою, определяет именно героичность его качеств и достоинств), которые в реальной жизни ведут к гибели. Автор довольно неясно говорит о причинах решения элдормена пропустить викингов, но употребление слова *ofermod* как будто указывает, что, по мнению автора, Бюрхтнот чрезмерно положился на свои силы, переоценил мощь и верность своего войска в желании сразиться с врагом.¹² Однако такая «прагматизирующая» трактовка противоречит основному пафосу поэмы: Бюрхтнот и верные ему воины следуют дружинной этике, которая находит поэтическое воплощение в героическом идеале,¹³ уже теряющем свое значение — вместе с дружинной культурой — в эпоху Этельреда Нерешительного. Неприменимость героических идеалов в реальной жизни, когда их привнесение в ход событий оборачивается поражением героя, — трагический итог поэмы.

Преимущественный интерес к судьбе героя резко сужает и временные, и пространственные пределы эпического мира песней. Он полностью замкнут сюжетным временем и строго приурочен к тому месту, где это событие произошло на самом деле. Никакие побочные темы, сюжеты, повествования не расширяют временные и пространственные рамки исторических песней. Их время — это близкое прошлое, пережитое многими и известное всем слушателям; поэтому оказывается невозможным установить какие бы то ни было временные и пространственные связи с германским «героическим веком». Более того, концентрированность, одноплановость действия создает и специфическую структуру эпического мира, время которого замкнуто в самом событии, строго однолинейно и не допускает сколько-нибудь значительных перескоков. От начального эпизода (к сожалению, не сохранились вступительные части ни «Битвы при Мэлдоне», ни «Битвы при Брунанбурге») действие последовательно развивается во времени, эпизоды следуют один за другим, вводимые словом *Pa* «затем,

тогда», к своей кульминации и затем развязке. Поскольку сцена действия не меняется на протяжении всего повествования, то невозможны и никакие «параллельные» действия, происходящие одновременно с главным.

Время и пространство мира исторических песен цельны и едины для каждой из песней, но лишь внутри ее. Их изображение полно мелких локальных примет, что, однако, не всегда позволяет точно локализовать их. В «Битве при Мэлдоне» действие происходит на берегу р. Пенты (совр. Blackwater в Эссексе), неподалеку от ее устья. В «Битве при Брунанбурге» — на морском побережье, где сражаются англы с викингами, не в условном пространстве, а во вполне реальном месте высадки датчан, хотя это место локализации не поддается. Все это препятствует использованию «типовых сцен» и общих мест при изображении пространства.

Но при всей внешней исторической достоверности места и времени исторические песни не являются хроникой событий. Это повествования о героическом противоборстве идеального и реального миров. Весь пафос конфликта сосредоточен в эмоциональной и этической сферах и потому находит свое выражение не столько во внешних проявлениях, сколько в речах и поступках действующих лиц. Никакие вещные атрибуты не участвуют в характеристике противостоящих сторон, а упоминаемые предметы вооружения: мечи, копья, щиты — называются, но не описываются. Вражеское войско слито в единую нерасчлененную массу. Противники героев — викинги — практически не изображаются в поэмах. Они присутствуют как некая сила, определяющая и вызывающая проявление героизма со стороны англов. Даже единственный выделенный из общей массы нападающих — посланец Анлафа, предлагающий Бюрхтноту выплатить дань, лишен индивидуальных примет. Не видим мы и вождя викингов, не раз названного по имени, — Анлафа.

Слитность, нерасчлененность индивидов в массе, в том числе и англов, среди которых выделяется только один — Бюрхтнот, ведет к тому, что, например, сыновья Одды, бежавшие с поля боя после смерти элдормена, наделены всеми теми же внешними атрибутами, что и верные своему долгу воины. Автор подчеркивает отсутствие

у них каких-либо значащих отличий, более того, их сходство, хотя и внешнее, с Бюрхтнотом, что было бы совершенно невозможно в героическом эпосе:

Годрик трусливый,
Одды отпрыск,
 продал нас в битве:
многим тогда помнилось,
 не наш ли военачальник
на знатном коне скачет...

(Битва при Мэлдоне, 237—240)

Контраст между «героической внешностью и прагматически-обыденным поведением придает конфликту особую остроту и в то же время концентрирует внимание рассказчика и слушателей на этической его стороне.

Мир исторических песен, как мы видим, максимально сближен с действительностью: в нем находят отражение реальные события, исторические персонажи, время и место действия ограничены реальными обстоятельствами. Единственным отголоском героико-эпического мира англо-саксов является кодекс героического поведения, определяющий мировосприятие и действия всех персонажей, равно как и устанавливающий законы человеческих взаимоотношений в мире исторических песней. Но он приходит в трагическое противоречие с действительностью, и гибнут Бюрхтнот и его верные дружинники — последние герои эпического мира англо-саксов.

Глава 7
ГЕРОИЧЕСКИЙ МИР
АНГЛО-САКСОНСКОГО ЭПОСА

И там, в палатах,
 завидев стольких
героев-сородичей,
 храбрых воителей,
спящих по лавам,
 возликовал он:
думал, до утра
 душу каждого,
жизнь из плоти,
 успеет вырвать,
коль скоро ему
 уготовано в зале
пышное пиршество...
...тут же воина
 из сонных выхватив,
разъяло ярое,
 хрустя костями,
плоть и остов
 и кровь живую
впивало, глотая
 теплое мясо;
мертвое тело
 с руками, с ногами
враз было съедено.

(Беовульф, 729—746)

Жуткое и мерзостное зрелище! Как подробно оно изображено, как последовательно перечисляются действия Гренделя, сколько деталей,

придающих осязаемую живость картине людоедства! Что это? Смакование отвратительных подробностей или нагнетание ужаса для устрашения слушателей, в духе Хичкока? И первое, и второе предлагалось как объяснение этой сцены. Но стоит лишь подойти к ней не изолированно, но учитывая структуру всей поэмы и — шире — эпического мира в целом, как она приобретает определенный и законченный смысл. Это — «пир наоборот», празднество в мире зла и хаоса, в мире чудовищ.

Тема пира неслучайно занимает совершенно особое по своей важности место в англо-саксонском — и не только в англо-саксонском — эпосе.¹ «Совместное поглощение пищи и напитков имело в сознании этих людей глубокий общественный, религиозный и моральный смысл; между сотрапезниками устанавливались дружественные связи, изглаживалась вражда».²

В пиршественной палате, возведение которой равнозначно созданию героического мира, устанавливается, закрепляется и поддерживается героический миропорядок со своей социальной структурой и иерархией.³ Идеальный эпический социум именно здесь, в зале для пиров, обретает материальные, вещественные формы. Его замкнутость, этикетность соответствуют замкнутости и завершённости оформленности героического мира. Во время пира проявляются возможности, заложенные в этом мире, создаются и закрепляются связи, которые позднее дадут толчок действию сюжета. В речах персонажей выявляются их качества, которые воплотятся в битве; песни скопа и развлекают собравшихся, и поучают их, и предостерегают от грядущих бед.

Тема пира присутствует в той или иной форме в большинстве эпических памятников: в «Беовульфе» и «Юдифи», в элегиях и «Андрее». Исключение составляют лишь исторические песни. И, несмотря на варьирование темы, на ее различное освещение в произведениях различных жанров, как проявление и реализация социальных связей, воплощение героического общества она обладает определенным единством.

В поэме «Беовульф» четыре раза изображаются празднества героев: трижды они происходят в Хеороте, пиршественной палате короля данов Хродгара, и один раз — в королевском дворце геатов. Их опи-

сание занимает около 750 строк поэмы, т. е. почти 23 % текста. Более кратко упомянуты пиршества у фризов (во дворце Финна) и хадобардов (во время которого вновь начинается распря с данами). Все шесть эпизодов обнаруживают ряд общих элементов описания, что позволяет говорить о существовании некой модели героического пиршества, модели поэтически-условной, но имеющей глубокие корни в исторической реальности.

Пиршество в догосударственных и раннеклассовых обществах — это и одно из важнейших средств социального общения, и ритуальное действие, обеспечивающее благополучие рода, племени или политики. Полифункциональность, и в особенности социально-организующая роль пира как общественного события определяет его место в структуре мифологического и эпического миров. В древнегерманской мифологии ежедневно повторяющиеся пиры воинов-эйнхериев в Вальхалле, чертоге Одина, в первую очередь являются ритуалом, утверждающим незыблемость мира и устанавливающим всеобщую гармонию циклического воспроизводства: убитые в бою, воины возрождаются как эйнхерии, пирующие в Вальхалле; сраженные в схватках в Вальхалле, эйнхерии возрождаются наутро для нового пира и новых сражений. Противопоставление «пир — сражение» отражает противопоставление устойчивости миропорядка конфликту и нарушению гармонии в нем.

Как ритуальное действие эпический пир состоит из цепи последовательных, жестко закрепленных как по форме, так и в своем чередовании эпизодов, имеющих важное внутреннее содержание. Каковы же основные элементы модели героического пиршества?

Строго регламентирована локализация сцены — королевский дворец или специальная палата для пиров. В дискретном пространстве героического эпоса англо-саксов палата для пиров представляет собой один из важнейших локусов, в котором и вокруг которого концентрируется героическое действие.⁴ Строительство такой палаты — в поэме «Беовульф» подробно повествуется о постройке Хеорота — расценивается как одно из наиболее значительных деяний короля и — в космологическом плане — как сотворение героического мира.⁵

Глобальное значение, придаваемое постройке дворца, непосредственно связано с тем местом, которое он занимает в системе эпиче-

ского мироздания: пиршественная палата, королевский дворец — центр, средоточие героического мира, его символ и в то же время вещественный, зримый образ.

Материализация образа достигается и описанием самого дворца, и особенно наполнением его огромным количеством различных предметов. Как правило, в памятниках англо-саксонского эпоса отсутствует не только изображение, но даже упоминание каких-либо вещей — исключение составляет лишь оружие. Здесь же, напротив, вещи занимают первостепенное место, палата для пиров буквально перенасыщена ими: это и предметы декора, обстановки (ткани, скамьи, столы), и оружие, развешанное по стенам и сверкающее на собравшихся, это пиршественная утварь: кубки, чаши, блюда, на которых едят и из которых пьют пирующие. Блеск оружия, сверкание драгоценностей, звон кубков оживляют картину и наполняют зал светом и звуками.

Строительство палаты моделирует и оформляет эпическое пространство, что в системе эпического мира равнозначно его творению. Лежащие в основе этого эпизода отголоски космогонических мифов в героико-эпическом преломлении позволяют создателю поэмы провести прямую параллель между постройкой Хеорота и сотворением мира в христианской традиции: именно песнь о творении исполняется дружинным певцом-скопом на первом пире в Хеороте (Беовульф, 89—98). Аналогично рассматривается воздвижение зала для пиров и в поэме «Бытие», переложении первой книги «Пятикнижия»: это одновременно и творение мира, и воспроизведение некоего прообраза, и распространение Божественной власти (христианского миропорядка) еще в одной части Вселенной, т. е. приобщение не освоенного ранее пространства к эпическому (или религиозно-эпическому) миру.⁶

Вместе с тем постройка дворца не только знаменует создание (или воссоздание в соответствии с традиционным прообразом) эпического мира в пространстве, но с этим событием связывается и установление (точнее, воспроизведение) социального устройства.⁷ Таким образом, дворец — это не обычное «место действия», не равноценный другим локус эпического пространства, но важнейший среди них, центр мироздания, в котором конструируется и воспроизводит-

ся эпический миропорядок.⁸ Тем самым обязательная приуроченность пира к королевскому дворцу подчеркивает его социальную функцию.

Второй важнейший элемент героического пира — его строгая упорядоченность, неизменность последовательности действий на всем его протяжении от сбора участников до того момента, когда король покидает палату. Ритуальные истоки эпического пира особенно ясно проявляются в этой особенности описания. Расположение гостей «по чину», торжественный выход короля, чтобы «править праздничной трапезой», появление королевы и то, как она обходит собравшихся, поднося им кубки с элем, словесные состязания героев, исполнение песней дружинным певцом, раздача даров — каждое из действий имеет свое неизменное место и подчинено определенному стереотипу. Вот, например, королева угощает собравшихся:⁹

...высокородная,
 вождю наследному
вручила первому
 чашу пенную...
затем гостей
 обходила Вальхтеов
с полной чашей,
 потчuya воинов,
старых и юных.....
 (Беовульф, 614—624)

Обходили стол
чаши с брагою:
 честных ратников
медом потчевала,
 мореходов,
дочь Хереда...
 (Беовульф, 1980—1983)

Хотя эпизоды происходят, казалось бы, в разных землях и у разных народов (данов и геатов соответственно), единство эпического мира и его проявлений ведет к полной унификации ритуализированных действий.

Подчеркнутая стереотипность поведения всех персонажей во время пира представляется существенной не только сама по себе, но и как одна из форм воплощения представлений о неизменности героического мира. Традиционность и этикетность действий постоянно подчеркиваются и самим сказителем: герои ведут себя «как подобает», согласно «древнему обычаю, чину», совершают определенные поступки, когда «настает время». Этикетность и ориентация на обычай — третья сущностная особенность модели пира — воплощает стабильность и упорядоченность героического мироздания. В процессе пира многократно воспроизводятся его незыблемые устои и традиции, на которых зиждется эпический мир и которые определяют социальные отношения в нем.

С упорядоченностью и этикетностью пира связана и следующая его характерная черта: функциональная обусловленность действий персонажей. Каждому из них отведена определенная роль, выполнив которую персонаж пропадает из поля зрения сказителя.

Герой, вызванный на словесный поединок одним из дружинников короля¹⁰ или по просьбе самого короля, должен поведать о своих подвигах: на первом пиршестве у Хродгара Беовульф повествует о состязании с Брекой, на втором — об обстоятельствах битвы с Гренделем, на пиру у Хигелака рассказывает о своих деяниях у данов. Эти рассказы обнаруживают героические качества Беовульфа и подготавливают в восприятии слушателей закономерность его победы в грядущем бою.

В обязанности королевы входит обнести собравшихся элем, а в ключительной части — вручить дары особо отличившимся воинам. Королева на пире, «дама с чашей»,¹¹ — один из трех основных образов женщин в англо-саксонском эпосе.¹² В «Беовульфе» это Вальхтеов, жена Хродгара, Хюгд, жена Хигелака, и дочь Хродгара Фреавару до ее замужества. Обе королевы «*gemundig*» («внимательные к обычаям», с. 613), «*mode gebungen*» («прекрасносердечные», с. 624), Хюгд также *wis, welþungen* («мудра, хорошо воспитана», с. 1927). Главная их функция в поэме — участие в пире и обнесение собравшихся чашей с вином. Однако этот ритуал имеет огромное социокультурное значение: он упорядочивает героический мир. На первом пиру у Хродгара после прибытия Беовульфа Вальхтеов подает первую чашу самому королю данов, затем его дружинникам, а затем уже Беовульфу; во время вто-

рого пира после победы Беовульфа над Гренделем Беовульф получает чашу вторым, после Хродгара, и ранее всех остальных собравшихся дружинников. Это очевидным образом отражает изменившийся статус Беовульфа: он завоевал право быть первым из героев, совершившим подвиг, недоступный воинам-данам. Порядок обнесения собравшихся чашей для пиров определяет — и знаменует — статус каждого из воинов в дружине.

Поддержание социального порядка как одна из функций женщины проявляется и в озабоченности Вальхтеов судьбой своих малолетних сыновей: она не случайно предлагает Хродгару не делать своим наследником Беовульфа, как бы ни были велики его заслуги, а передать власть его племяннику Хродульфу, который бы сохранял ее для юных сыновей Хродгара (с. 1175—1180). Неслучайно она напоминает Хродульфу о его обязанности быть верным своим двоюродным братьям и поддержать их после смерти стареющего короля:

«А добрый мой Хродульф
поддержит славу
юной дружины,
коль скоро прежде,
чем он, о Скильдинг,
ты жизнь покинешь;
сторицей, надеюсь,
воздаст он нашим
детям за прежнее:
был сиротой он,
его мы вскормили
и мы возвысили
нам на радость,
ему во славу!»
(Беовульф, 1181—1187)

Из «Видсида», где упоминается, что Хеорот погибнет в огне, когда Хродульф придет к власти, а также из исландской «Саги о Хрольве Жердинка» известно, что надежды Вальхтеов не оправдались. Но для характеристики образа королевы важно, что именно она печется о будущем порядке и благоденствии королевского рода, а значит, и всего племени.

С поддержанием и восстановлением социального порядка связан и второй типичный образ женщины в героическом эпосе — образ «пряхи мира» (*freodiuwebbe*),¹³ представленный в «Беовульфе» фигурами дочери Хродгара Фреавару и датчанки Хильдебург в пересказе поэмы «Битва при Финнсбурге». Обе они выданы замуж за правителя «народа», с которым даны вели войну, чтобы браком между враждующими сторонами скрепить мир. И брак Фреавару с сыном вождя хатобардов Ингельдом (с. 2022—2069), и брак Хильдебург с вождем фризов (или данов, переселившимся к фризам?¹⁴) Финном (с. 1068—1158) заканчиваются трагически: жажда отмщения за погибших ведет к возобновлению распри и гибели кровных родичей женщин. Вот на пиру молодого воина подстрекает «седой боец» — хатобард,

не забывший убитых
своих соратников,
он, печальный,
глядя сумрачно
на знакомый клинок,
станет сердце
юного витязя
бередить да испытывать,
разжигая в нем
пламя кровоотмщения:
«Узнаешь ли ты, друг,
меч прославленный,
твоего отца
драгоценный клинок,
послуживший ему
в том сражении,
где он пал,
шлемоносец-воитель,
в сече с данами,
где, разбив нашу рать, —
без отмщенья погибшую, —
беспощадные Скильдинги
одержали верх?
А теперь в этом зале
сын убийцы сидит,
той добычей кичащийся,

окровавленным лезвием,
тем наследьем,
что по праву
тебе причитается!»
(Беовульф, 2041—2056)

Не снеся этих напоминаний — почти оскорблений — юноша убивает дана,

и пойдет разлад:
клятвы нарушатся,
вспыхнет ярость
в сердце Ингельда,
пыл воинственный,
а любовь к жене
охладеет в нем.
(Беовульф, 2063—2066)

Показательно, что в разыгрывающемся конфликте «пряха мира» сохраняет теснейшие связи с кровными родственниками, а не с соплеменниками мужа. Хильдебург оплакивает смерть брата и сына, но не мужа, не призывает мстить за его гибель, а в конце песни возвращается на родину вместе с напавшими на Финнсбург данами. Она была и остается, несмотря на брак, королевой данов.¹⁵

Смена ролей персонажей немислима и невозможна, так как она означала бы нарушение установленного традицией миропорядка и воцарение хаоса, т. е. гибель героического мира.

Все отмеченные элементы модели героического пира непосредственно связаны и в различных формах воплощают его важнейшую социальную функцию: установление и поддержание миропорядка. Героический социум с его иерархией и раз и навсегда закрепленными связями находит наиболее полное и последовательное воплощение именно в сценах пиршества. Здесь проявляются и подтверждаются уже сложившиеся формы социальных отношений между королем, его дружиной (в поэтическом преломлении — племенем), его родичами и вассалами. Возникают и новые связи, которые, однако, полностью укладываются в традиционные нормы: например, признание Беовульфом своим сюзереном Хродгара, передача Хигелаком Беовульфу зе-

мельного пожалования за верную службу и атрибутов власти. Все это происходит во время пиров. Роль пира в поддержании социального порядка и равновесия особенно выделена в речи Виглафа к дружинникам Беовульфа, покинувшем его в роковой битве с драконом:

Правдоречивый
сказал бы:
воистину вождь, наделивший
вас, нестоящих,
кольцами золота,
ратными сбруями
(ибо нередко
в застольях бражных
наряды сечи,
в дружинном зале
дарил державный
шлемы, кольчуги,
всем, приходившим
в его пределы)
зря отличил он
мечами острыми
вас, дрожащих
при виде недруга.
Не мог он похвастаться
вашей помощью
в сражении, конунг...
(Беовульф, 2863—2869)

Особый акцент на том, что эти подарки делались во время пира в королевском дворце, как кажется, усугубляет вину дружинников, нарушивших свои обязанности, ибо связи, установленные в этой обстановке, должны быть особенно крепки и нерушимы.

Таким образом, модели героического пиршества присущ ряд обязательных элементов: локализация его в пиршественной палате или королевском дворце — центре эпического мироздания, строительство которого равнозначно сотворению эпического мира; установление и воспроизведение социальных связей, скрепляющих эпический микрокосм; последовательная ритуализация самого процесса пира при строгой этикетности и традиционности действий персонажей; наконец,

функциональная закреплённость этих действий за определёнными персонажами.

Вариация этой модели, где социальная функция пира отчетливо доминирует, представлена в героических элегиях. В одиноком существовании безликого и безымянного героя нет и не может быть пиршества: он изолирован от себе подобных, и всякое социальное общение недостижимо для него. Его воспоминания о героическом мире, к которому он исконно принадлежал, связаны именно со сценами пира. Тема пира настойчиво, лейтмотивом, проходит в элегиях как фон, как воплощение прошлого героя и как материальный образ его надежд на восстановление свойственного ему статуса в обществе:

 Был изобильный город,
 бани многие;
 крыши крутоверхие;
 крики воинские,
 пенье в переполненных
 пиршественных палатах...

(Руины, 21—23)

 ...некому ныне
 лощить до блеска
 чеканные кубки —
 ушли герои!

(Беовульф, 2251—2254)

Как утрата радостей пира изображается настоящее героя элегий. Их обретение вновь — символ включения воина в героический мир:

 ...взыскал, тоскуя по крову,
 такого кольцедробителя,
 далекого или близкого,
 лишь бы меня приветил
 он, добрый, в доме,
 и в медовых застольях
 захотел бы осиротевшего
 утешить лаской,
 одарил бы радостью.

(Скиталец, 25—29)

Для элегий, где характерно устойчивое противопоставление прошлого и настоящего в жизни героя, тема пира обретает черты символа героического прошлого и непосредственно связана с воссозданием эпического мира.

Даже в кратких упоминаниях, разбросанных в элегиях, отчетливо выступают основные элементы модели пира: его приуроченность к королевскому дворцу, этикетность, социальная значимость. Именно последнее выходит в элегиях на первый план: поддержание связей, объединяющих короля и его дружину в единый социальный организм. Основная причина и сущность трагедии героя элегий — утрата им общественных связей, «исключение» из героического социума. Но именно они и воплощаются в теме пира. Поэтому отсутствие пиров в настоящем — одном временном пласте и присутствие в прошлом — другом временном пласте поэтически значимо и маркирует социальное положение героя в его отношении к эпическому миру.

В более сложном мире религиозного эпоса, который претерпел значительные изменения под влиянием христианской литературной традиции и в сюжетике, и в мировосприятии, и в поэтике, тема героического пира почти не разрабатывается. Верховный сюзерен и правитель мира, раздающий всяческие блага своему воинству — святым — сам Бог, и, естественно, формы осуществления связи между ним и его вассалами иные. Непосредственное физическое общение с ним, как с королем героического эпоса, невозможно и потому заменено общением духовным. Узы взаимной верности, сходные по существу со взаимоотношениями короля и дружины в памятниках собственно героического эпоса, реализуются лишь в речах и действиях святых. Это, видимо, одна из причин, по которой в поэмах религиозного эпоса отсутствуют сцены героического пиршества.

Вторая — заключается в том, что герои не только отделены дистанцией «небесное — земное» от своего господина, но и разобщены между собой. Герой каждой из поэм выступает один на один против своих (и Бога) врагов, он лишь сознает свою причастность «дружине Господней». Но путь испытаний и героического подвига он должен

пройти один, доказав свою собственную, индивидуальную преданность господину.

Поэтому тема героического пира возникает и получает отголоски в религиозном эпосе не в форме описаний или сколько-нибудь развернутых упоминаний, но в основном в виде отдельных метафор и сравнений, свидетельствующих о знакомстве авторов этих поэм с самой темой, ее поэтическим содержанием и внутренней символикой.

Другое дело — лагерь противников героя. «Пир Гренделя», описание которого приведено в начале главы, происходит в той же королевской палате, что и пир героев, — в Хеороте. Сумрачное, подводное жилище великана не может служить пиршественной палатой даже для «пира наоборот», так как не является центром эпического мироздания, средоточием героического действия.

Мир чудовищ по своей природе асоциален: хотя сказитель предлагает «родословие» Гренделя (от Каина, «пращура зла, зачинателя семени эльфов, драконов, чудищ подводных и древних гигантов, восставших на Бога», с. 111—113), социум противников героя не возникает: чудовища в поэме (Грендель, его мать, дракон) лишены каких-либо общественных связей. Озеро, в котором обитают Грендель и его мать, как выясняется позже, населено множеством различных чудовищ, но ни родственные узы, ни социальные связи не объединяют их в единое сообщество, противостоящее сплоченному миру героев. Поэтому пир Гренделя — не установление общественных отношений, а, напротив, их разрушение, не поддержание и закрепление гармоничного миропорядка, а его попрание и уничтожение.

Цепь противопоставлений распространяется практически на все детали описания пира, как на важнейшие, неперемные для модели, так и на частные, носящие более случайный характер. Этикетность и стереотипность действий участников пира заменяется полной неупорядоченностью, ситуативной обусловленностью поведения Гренделя. Он осторожно крадется в зал — в противоположность героям, которые чинно занимают отведенные им «места в застолье на скамьях медовых» пиршественного зала; великан хватает ближайшего из спящих и жадно и торопливо пожирает его — в противоположность неторо-

пливой ритуализированной трапезе героев; он пожирает свою жертву в полном одиночестве — в противоположность многолюдности пира героев; наконец, «пир» Гренделя сопровождает «хруст костей» поеданной жертвы — в противоположность звукам арфы придворного певца, звону кубков и радостным голосам собравшихся. Вещный мир, столь существенный в модели героического пира, утрачивает значение в изображении «пира чудовищ». Великолепие, пышность, яркость пиршества героев преобразуется в мрачное тайное насыщение во тьме ночи. «Натурализм» подробностей лишь усиливает и подчеркивает чудовищность пира великана.

Утверждение традиционности и регулярной повторяемости как важного признака героического пира также трансформируется в свою противоположность. Набеги Гренделя всегда неожиданны и непредсказуемы. Более того, Грендель не подчиняется принятым обычаям и порядкам: не платит вергельд за убитого, сражается без оружия, все его поведение строится на «антинормах» поведения героя.

Героическое действие в мире чудовищ инвертируется, и подчеркнутое сказителем отсутствие регламентированности в поведении единственного участника пира становится не только отрицанием традиционного этикета мира героев, но и своего рода «антиэтикетом» мира чудовищ. Таким образом, при сохранении модели пира как таковой в мире чудовищ все ее элементы обретают противоположный знак, обращаются в свою противоположность. И поэтическая, и социальная функции пира перевернуты, сам пир утрачивает свой основной ритуальный смысл как формы социального общения. И это изменение смысловой нагрузки ведет к последовательному инвертированию всех элементов модели. Модель пира обретает два варианта, героический и антигероический, «чудовищный».

В поэмах религиозного эпоса в противоположность традиционно-героическому лагерь противников героя предстает единой сплоченной массой, тогда как герой выступает один. Поэтому существование некоего сообщества, хотя и противопоставленного герою, создает предпосылки для изображения этого «антисоциума», что приводит к появлению темы пира именно в описаниях мира противников героя. Наиболее подробно он изображен в поэме «Юдифь»: Олоферн собирает в своем шатре военачальников для пиршественной трапезы:

...тогда, слышал я, Олоферн
разослал на пир приглашенья,
с неслыханной пышностью
яства украсил.
Пригласил правитель людей
вождей всех знатнейших.
В спешке великой
сбирались воины,
земель владыки к нему явились,
народов властители.
День был четвертый,
как мудрая сердцем,
Юдифь прекрасная,
дева красивейшая,
впервые пришла к нему.
Вот за пиршество
во зле соратники
пришли и сели,
за винопитие, гордые духом,
храбрые латники.
Вдоль лавок носили
глубокие чаши,
кувшины и кубки —
гостей возлияния, до верха полные.
На смерть обреченные
осушали их, храбрые,
а вождь устрашающий
не ведал грядущего.
Злато дарящий воинов друг,
вот стал Олоферн,
вином взгоряченный,
хохотать и кричать,
горланить, орать,
так что люди могли
издали слышать,
как бесстрашный воитель
бушевал и вопил,
как, дерзкий и пьяный,
требовал часто,
чтоб смелее держались
сотрапезники в зале.

Так порока владыка
 весь день до исхода
своих правителей
 спаивал элем,
жестокосердный даритель колец,
 пока без сознания
вожди не свалились,
 лишенные радостей,
будто смертью сраженные.

(Юдифь, 7—32)¹⁶

Картина пьяного разгула, попрания традиционных норм поведения передана ярко и живо, что особенно контрастирует со стереотипными приемами описания сцены пира. Как и празднество в Хеороте, пир в шатре Олоферна начинается с приглашения знатных гостей и вождей. Но следующая же деталь открывает серию противопоставлений с «героическим пиром»: вместо неторопливого описания убранства зала, приготовленного для ритуального действия, отмечается лишь пышность украшения пищи, приготовленной для пира, детали временной и недолговечной. Парадный выход короля, неспешное, торжественное размещение гостей «по чину», предлагающее долгую трапезу, уступают место торопливым сборам: все боятся жестокого правителя и спешат исполнить его приглашение-приказ, забывая о чинности и порядке. Все поведение участников празднества отменяет представление об этикете и упорядоченности: гости «пришли и сели», набросились на эль и пищу, вместо размеренных речей, привычных песней скопа в шатре царят шум и хаос.

Особенно вызывающе поведение самого Олоферна, главного противника героини: оно последовательно противопоставлено нормам, обязательным для образа идеального правителя в традиционном эпосе. Нарушение им стереотипа поведения приходит в прямое противоречие с традиционными формулами «правителя людей»: «властитель народов», «дарящий золото друг воинов» и другими, которые в памятниках героического эпоса применимы лишь к образу идеального правителя, Хродгара, Хигелака, Беовульфа. Все поведение Олоферна немислимо в мире героев. Он «вопит, орет, хохочет», утратив сдер-

жанность и чинность, подобающие вождю, требует столь же непристойного поведения от своих не менее, чем он сам, злонамеренных сотрапезников.

Не установление и поддержание миропорядка несет с собой этот пир, а его разрушение, хаос беззакония и беспорядка. Общество противников героя, лишенное опоры традиций и упорядоченности, обречено на гибель — неслучайно вожди Олоферна названы *faege* — «обреченными на смерть», «лишенными радости». Это не столько фигуральное выражение, сколько прямое и непосредственное воплощение того, как понимается создателем «Юдифи» роль традиционного миропорядка. Поэтому гибель войска Олоферна и победа Юдифи закономерны и естественны, они логически вытекают из изображения мира Олоферна.

Нарушение гармонии и порядка в героическом мире, как правило, обозначается создателем эпического произведения именно как «антиэтикетное» поведение на пире, несоблюдение принятых обычаев. Вот, например, Хродгар, восхваляя Беовульфа, противопоставляет ему правившего некогда данами Херемода,¹⁷ который

...гордо властвовал
не во благо им,
но к гибели
племени датского.
Он, исполненный лютости,
домочадцев разил,
сотрапезников,
и покинул мир,
вождь неправедный,
в одиночестве...
(Беовульф, 1711—1715)

Очевидно, что «неправедные дела» Херемода (вспомним упомянутого в первой главе уэссекского короля Сигеберхта, изгнанного советом знати в 757 г. по той же причине) вершились далеко не только за пиршественным столом. Но для сказителя этот традиционный образ оказывается наиболее полноценным способом описания соответствующей ситуации.

Противопоставление «правильного» (героического) или «неправильного» (антигероического) поведения распространяется и на женские персонажи. В «Беовульфе» оппозицией «знающей обычай» и «хорошо воспитанной» королеве геатов Хюгд становится некая королева Трюд, о которой

каждый знал:
страшной каре
 повинный подвергнется,
смертным узам,
 и меч, не мешкая,
огласит над злосчастливым
 приговор Судьбы —
и без жалости
 смертоносное лезвие
сокрушало жизнь.

И скоп заключает:

Не к лицу то властительнице,
не пристало то женщине,
даже лучшей из жен,
прях согласья,
по злобе, наветами
лишать жизни
 мужей неповинных!

(Беовульф, 1935—1943)

Однако Трюд, в отличие от матери Гренделя, еще одного женского персонажа, социализирована: она дочь некоего короля, который выдает ее замуж «за море» за короля Оффу. И эта включенность в героическое общество оставляет ей возможность «исправиться»: Оффа сумел «укротить» ее, и она «зажила с той поры добронравная» (с. 1951). Более того, даже и в ее «злонравные» времена скоп находит уместным называть ее традиционными для женщины обозначениями: «*fremu folces swen*» («знаменитая королева народа», с. 1932), «*idese*» («госпожа», с. 1941) и даже «*freoduwebbe*» («пряха мира», с. 1942), что уж совсем не соответствует рассказываемому о ней.

* * *

Тема пира в ее «героическом» и «чудовищном» (инвертированном) воплощении является одновременно и одной из наиболее емких и многозначных форм проявления дихотомии героического мира. Мир англо-саксонского эпоса строго двучленен, и все его элементы тяготеют к одному из полюсов, не оставляя нейтральной ни одну деталь. Система противопоставлений охватывает все узловые моменты эпического мира — от его пространственных характеристик до внешнего вида героев.

Структура эпического пространства строго подчинена дихотомическому членению мира. Концентрация действия на двух полюсах обуславливает разграничение пространственных сфер. Хеорот предстает как центр мира героев. На другом полюсе — жилище Гренделя, пещера дракона, шатер Олоферна, место обитания противника героя. Расположенные как будто поблизости (переходы из одного центра в другой не занимают много времени), эти локусы не смыкаются друг с другом, и переход персонажа от одного полюса к другому создает критическую ситуацию. Проникновение Гренделя в Хеорот, дракона в землю геатов, нападение Олоферна создают угрозу героическому обществу и нарушают миропорядок. Появление обитателя этого мира среди людей требует немедленного вмешательства героя. Напротив, проникновение героя в мир чудовищ ведет к очищению занятого ими пространства, его приобщению к героическому миру и возобновлению нормального, т. е. героического миропорядка, мир же чудовищ распадается и исчезает.¹⁸ Неслучайно после победы Беовульфа над матерью Гренделя «успокаиваются воды в омуте» (Беовульф, 1630—1631); погибает при кораблекрушении язычник Хелисий, казнивший Юлиану; бежит войско Олоферна, потерявшее своего предводителя.

Враждебность двух миров, их полярность в то же время не предполагают качественного различия в самом характере эпического пространства, иначе была бы невозможна его трансформация из героического в антигероическое и наоборот. В обеих его частях действуют одни и те же законы, происходят равноценные по значимости события (более того, как правило, события в них взаимосвязаны), им свойственны одинаковые предметно-вещные атрибуты. И Хеорот, и

палаты Гренделя в равной мере являются центрами мира, противостоящими друг другу. Они связаны между собой единым героическим действием, и отсутствие одного из них лишило бы значения и второй: ведь Беовульф, Юдифь, Юлиана могут проявить себя, обнаружить свои героические качества лишь в борьбе, восстанавливая гармонию эпического мира.

В отличие от мира героев с четкой иерархией социальных связей, в традиционном эпосе англо-саксов мир чудовищ асоциален. Они находятся вне этики героев, более того, нормы, которыми они руководствуются, являются своего рода отрицанием, инверсией «героической» этики.

Последовательная система оппозиций продолжается и в деталях: красота героя или героини (Беовульфа, Юдифи) противопоставлена уродству и безобразию их противников (Гренделя, дракона, Олоферна); радостная музыка пиршества — безмолвию жилища изгнанника в элегиях; благородство Бюрхтнота — коварству и алчности викингов и т. д. Поэтому мир чудовищ предстает в целом как инвертированный мир героев. Оба обладают одними и теми же характеристиками, но имеющими знак плюс или знак минус.

Таким образом, эпический мир англо-саксов качественно единообразен и представляет структурное целое; присущая же ему дихотомия воплощается в формах инверсии.

* * *

Вместе с тем в теме пира проявляются наиболее явственно и представления создателей англо-саксонского эпоса о миропорядке, социальной структуре общества, его функционировании. Но поэтическое преломление существенно трансформирует англо-саксонскую действительность в устах певца. Тщетны были бы попытки провести прямые параллели между отдельными эпизодами или упоминаниями и конкретными историческими фактами, хотя они и делались не раз.¹⁹ Да, конечно, Хигелак дарит Беовульфу после его возвращения от данов землю с домами и дворцом — земельные пожалования хорошо известны по грамотам. Да, конечно, захоронение Рэдвальда совер-

шено по обряду, близкому описанному в «Беовульфе», а королевская резиденция Хродгара — Хеорот и какие-то примыкающие к нему постройки, куда Хродгар с домочадцами отправляется ночевать после пира, соответствует археологической реконструкции бурга. Все это так. Однако отсутствие примет исторической эпохи в самих сюжетах «Беовульфа», элегий, поэм на религиозные темы позволяет отнести их к любому времени. Поэтому, хотя жизнь Беовульфа, например, и события, упомянутые в поэме, приурочены к V—VI вв., исторические реалии и описания уклада жизни относятся и к значительно более позднему времени — VII—VIII вв. Более того, они постоянно изменяются, отражая различные этапы в развитии англо-саксонского общества. Каждое поколение добавляет в повествование штрихи настоящего. Благодаря этому настоящее сливается с прошлым, события, имевшие место много веков назад, являются для слушателей такой же реальностью, как и то, что происходит на их глазах.

Нарушение исторической перспективы и принципиальная невозможность сколько-нибудь адекватного отражения одного временного среза в эпических памятниках приводят к тому, что героическое общество как поэтический образ обретает устойчивость и незыблемость основных черт. Наиболее подробно изображенное в «Беовульфе», оно чрезвычайно далеко от общества реального. Лишь одна социальная ячейка отражается в нем: король и его дружина, замещающая в поэтической системе все многообразие и сложность социальных связей англо-саксонского общества. Идеальный господин и идеальный дружинник, свято хранящие взаимную верность и неуклонно соблюдающие свои обязанности, составляют героическое общество. Эта двучленная структура может модифицироваться: господин — дружинный певец, Бог — святой, но ее сущность остается неизменной, как не подвержены переменам и узы, скрепляющие это общество. Основанный на справедливости, строгом следовании традиционным нормам, долге верности, героический социум являет картину всеобщего (в его собственных рамках) благоденствия и гармонии — идеализированное воплощение чаяний и устремлений свободного англо-сакса.

Принципиальная общность (но не тождественность) эпического мира англо-саксов в произведениях разных жанров поддерживается и рядом других элементов: двучленностью мира и последовательной

противопоставленностью его отдельных элементов, исключительностью по своей значимости событий, происходящих в нем. Но особенно существенным представляется понимание героики в различных жанрах эпических памятников, отражающее единство поэтического мировосприятия их создателей.²⁰ Устойчивые, традиционные черты этой концепции, понимаемой прежде всего как максимально полное, завершённое — вплоть до физической гибели — исполнение долга, абсолютное проявление героической сущности персонажа сохраняются на всем многовековом протяжении существования эпической традиции. Неизменны такие черты героического, как его реализация в действии, масштабность (реальная или мнимая) конфликта, центральное место героя, вокруг образа которого строится повествование. Героический идеал не утрачивает своего основополагающего значения даже для создателей наиболее поздних памятников — исторических песней; в них, как и в элегиях, именно с ним соотносится, им поверяется все изображаемое.

Вместе с тем конкретное воплощение героического в памятниках разных жанров претерпевает немалые изменения. Происходят постепенная индивидуализация, приземление героики, обращение от абстрактных временных сюжетов к конкретно-историческим темам. Вместо судеб народов (пусть и состоящих подчас — в поэтическом изображении — из трех-четырёх десятков человек), как в традиционном героическом эпосе, рассказчика начинает все в большей степени интересовать персональная судьба героя, и лишь его одного. В элегиях герой заслоняет собой весь мир, в религиозном эпосе конфликт ограничивается личной борьбой святого с дьяволом или полчищами язычников, и значение этого противоборства состоит не в его воздействии на судьбы христианского мира (обращение язычников, укрепление христиан в вере предрешиено и не может вызвать сомнения), а в его личной сопричастности извечному сражению между Богом и Сатаной²¹ и в индивидуальной победе святого, ведущей его к вечности. Лишь в малой степени соотносит поэт события исторических песен с ходом борьбы англичан со скандинавами. На первом плане — судьба героя, и лишь через ее призму видится ему все происходящее.

Эта общая тенденция к «приземлению», конкретизации и индивидуализации повествования обусловила и другие изменения героиче-

ского мира: его внешнего облика и предметных атрибутов, постепенное уменьшение количества оппозиций, членящих мир на два противоборствующих лагеря, вплоть до уничтожения внешних различий между воинами, верными Бюхтноту и предавшими его. Теряют свою героическую условность пространство и время, так что в исторических песнях они максимально, насколько это возможно для художественного произведения, сближены с реальностью. Тем не менее все эти отличия представляются не более чем вариантами единого в своей сущности мира эпической поэзии англо-саксов, мира героики и идеального общества, зяждущегося на неуклонном выполнении героического долга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более двухсот лет продолжается изучение исторических основ эпических памятников: русских былин, юнацкого эпоса южных славян, французских «песен о деяниях», верхненемецких поэм о Дитрихе Бернском, германского сказания о Нибелунгах, англо-саксонского «Беовульфа». И хотя ныне историзм героического эпоса и, шире, фольклора сомнений не вызывает,¹ его формы и характер в различных фольклорных жанрах требуют дальнейших исследований. Методы исторической школы (и в отечественной, и в зарубежной науке), представители которой основную задачу видели в установлении конкретных исторических событий и лиц, запечатленных в отдельных эпических произведениях, уступили место более широкому пониманию фольклорного историзма как своеобразной формы отражения действительности. Причем способы отражения, степень охвата действительности, вычленение каких-то определенных ее сторон — все эти и многие другие особенности определяются жанровыми признаками произведения.

Героический эпос европейских народов воплотил историческое сознание его создателей, но лишь в редких случаях (как, например, в «Песни о моем Сиде», «Песни о Роланде», песнях Косовского цикла) можно установить исторические события, легшие в основу или послужившие импульсом для возникновения эпического памятника. Тем менее это возможно для архаических форм эпоса, формировавшихся в догосударственную или раннегосударственную эпоху, сюжеты которого внеисторичны по своей сути: борьба с чудовищами («Беовульф»), происхождение тех или иных культурных ценностей («Калевала») и т. д.² Однако отсутствие «исторического ядра», т. е. события, которое стало бы основой для формирования сюжета, отнюдь не лишает

эти произведения историзма. Их поэтический строй, образы, система ценностей, наконец, созданный в них мир являются поэтическим осмыслением и воплощением действительности.³

Многочисленны и разнообразны способы преломления истории в англо-саксонском эпосе, о многих из них речь шла выше. Одним из них является уже само зарождение жанровой дифференциации англо-саксонского эпоса, отражающей усложнение духовной жизни в ранних государствах Британии: героический эпос, ранее синкретически соединявший эстетические, этические, исторические представления своих творцов, перестает удовлетворять разносторонние духовные запросы общества. Поэтому возникают драматические героические элегии, уводящие в сферу человеческих эмоций; поэмы на религиозные сюжеты, воплощающие христианский идеал героического; исторические песни, непосредственно ориентированные на изображение и запечатление исторических событий.

Другой способ, наиболее близкий современным историкам и потому наиболее изученный, — отражение в эпических памятниках конкретных реалий, которые могут быть локализованы во времени и пространстве. Так, поражают своим сходством обряды погребений: выявленный археологами в Саттон-Ху и описанный в поэме «Беовульф». Частым упоминаниям в англо-саксонских судебныхниках и грамотах о королевских земельных пожалованиях в поэме соответствует дар, полученный Беовульфом от Хигелака в знак признания его подвигов на датской земле: Хигелак дарит герою 7000 гайд земли и дом с престолом (*bold ond brego-stol*: Беовульф, 2194—2195).

Эти реалии далеко не всегда отражаются в эпических памятниках в столь прямой форме, как в приведенных примерах. Значительно чаще они поэтически осмыслены, преобразованы и вплетены в художественную ткань памятника. Вот лишь один из многих возможных примеров. В судебныхниках VII—VIII вв. красной нитью проходит тенденция к замене кровной мести системой вергельдов — компенсацией за различные преступления против свободного человека. Своеобразно преломление этого исторического процесса в поэме «Беовульф». В обществе героев безраздельно господствует принцип денежной компенсации: упоминается выкуп, который Хродгар заплатил за

Эггтеова, отца Беовульфа; Хродгар вручает Беовульфу для передачи Хигелаку как верховному сюзерену (вот еще одна историческая реальность, отражающая отношения сюзеренитета) вергельд за убитого Гренделем воина-геата; упоминаются вергельды, выплаченные при примирении фризов и данов (в замке Финна), данов и хадобардов и т. д. Менее последовательно этот принцип осуществляется в отношениях членов героического общества с их врагами: в ходе борьбы геатов и шведов, о которой подробно рассказывается в нескольких отступлениях, убийство, как правило, карается убийством, денежная компенсация выплачивается лишь при заключении мира. Мстителем при этом выступает сам герой, возглавляющий идеальное эпическое общество, — Беовульф, который посылает вслед шведу — убийце Хардредра, сына Хигелака, свою дружину (Беовульф, 2390—2395). В мире же противников героя продолжает царить кровная месть: Грендель не платит вергельдов за убитых данов, мать Гренделя мстит за смерть сына, убивая датского эрла, дракон в отместку за похищенную чашу сжигает своим дыханием селения геатов. Сказитель отказывает чудовищам в возможности приобщиться к новым социальным установлениям. Художественное переосмысление явлений, происходящих в обществе, ведет к полярному — в соответствии с дихотомической структурой героического мира — противопоставлению: одобренные и принятые в обществе элементы нового становятся неотъемлемой частью мира эпических героев — отжившее старое, приобретшее негативную оценку, остается принадлежностью мира чудовищ.⁴

Ряд параллелей можно увеличить во много раз: и «Беовульф», и элегии, и поэмы религиозного эпоса, и тем более исторические песни насыщены историческими и бытовыми приметами, которые делают героический мир эпоса узнаваемым для сказителя и слушателей. Но при всем их значении важнейшей формой отображения действительности, опосредованной художественным сознанием творца эпоса, является сам героический мир эпических памятников. Он строится по образу и подобию мира действительного, в нем как в капле воды отражается противоречивая жизнь общества, в котором складывается эпическое произведение: «Эпос — это история в народной памяти и пред-

взятой идеализации, но его предвзятость поэтическая...» — писал сто лет назад выдающийся русский филолог-компаративист А. Н. Веселовский.⁵ «Поэтическая идеализация», т. е. художественное обобщение, преображает действительность и творит новый, эпический мир по законам героического: мир условный, но насыщенный реальными приметами своего времени; возвышенный, но черпающий понимание возвышенного, отталкиваясь от будничного, повседневного; мир, своей героикой противостоящий обыденности жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие ко второму изданию

¹ *Harbus A.* Cognitive Approaches.

² *Auerbach E.* Mimesis. Dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur. Bern, 1946. Пер. на русск. яз.: *Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976.

Предисловие

¹ *Simek R.* Die Schiffe der Wikinger.

² *Bruce-Mitford R. L. S. et al.* The Sutton Hoo Ship-Burial.

³ Исследование взаимоотношений описания погребения Беовульфа и захоронения в Саттон-Ху см.: *Newton S.* The Origins of *Beowulf*.

⁴ Здесь и далее указания на строки цитируемых поэтических произведений даются в тексте. В отличие от переводов В. Тихомирова, разделившего длинные строки на две, я восстанавливаю длинную строку с цезурой. Ссылки на строки «Беовульфа» даются по переводу В. Тихомирова, где они несколько отличаются от строк оригинала.

⁵ *Carver M. O. H.* Sutton Hoo; *Carver M. O. H., Evans A. C., Fern C., Hummler M.* Sutton Hoo.

⁶ *Keynes S.* Rædwald the Bretwalda. P. 103—124.

Глава I

¹ Беда Достопочтенный. Текст: P. 34—35. Перевод: С. 21. Здесь и далее даются ссылки на страницы публикации текста и перевода, указанных в Списке литературы.

² *Myers J. N. L.* The English Settlements; The Anglo-Saxons from the Migration Period; *Härke H.* Anglo-Saxon Immigration. P. 1—28.

- ³ См.: Глебов А. Г. Англия; The Blackwell Encyclopaedia.
- ⁴ Беда Достопочтенный. Текст: Р. 28. Перевод: С. 19.
- ⁵ Гильдас. Текст: Р. 30. Перевод: С. 264—265.
- ⁶ Чехонадская Н. Ю. Гильда. С. 9—170; *Higham N. J. English Conquest.*
- ⁷ *Myers J. N. L. The English Settlements. Chapter 4.*
- ⁸ Англо-саксонская хроника. Текст: Р. 12, 14. Перевод: С. 48.
- ⁹ Англо-саксонская хроника. Текст: Р. 14. Перевод: С. 48—49.
- ¹⁰ *Laing L. and J. Anglo-Saxon England. P. 24.*
- ¹¹ *The Archaeology of Anglo-Saxon England; Wilson D. M. Anglo-Saxon England.*
- ¹² *Blair P. An Introduction to Anglo-Saxon England. P. 10—12.*
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ *Wenskus R. Stammesbildung; Pohl W. Conceptions of Ethnicity; Strategies of Distinction.*
- ¹⁵ *Foot S. The Making of Angelcynn. P. 25—50.*
- ¹⁶ The Early State и перевод раздела из этой книги: *Классен Х. Дж. М. Раннее государство. С. 8—90.*
- ¹⁷ *Pohl W. Conceptions of Ethnicity.*
- ¹⁸ Судебники цитируются по изданию: *Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen.* Переводы автора.
- ¹⁹ *Laing L. and J. Anglo-Saxon England. P. 46—47.*
- ²⁰ *Гуревич А. Я. Английское крестьянство. С. 71—72.*
- ²¹ Здесь и далее грамоты цитируются по изданию: *The Electronic Sawyer* (<http://www.esawyer.org.uk>; доступ 20.09.2016), электронной версии с уточнениями и дополнениями издания грамот: *Sawyer P. Anglo-Saxon Charters.*
- ²² *Гуревич А. Я. Английское крестьянство. С. 78.*
- ²³ Цит. по кн.: *Whitelock D. The Beginnings. P. 110.*
- ²⁴ Ibid. P. 108.
- ²⁵ Хрестоматия по истории средних веков. С. 643—644.
- ²⁶ Англо-саксонская хроника. Текст: Р. 87. Перевод: С. 77.
- ²⁷ *Whitelock D. The Beginnings. P. 86—87.*
- ²⁸ *The Archaeology of Anglo-Saxon England. P. 65—68.*
- ²⁹ *Левицкий Я. А. Города и городское ремесло; Anglo-Saxon Trading Centres.*
- ³⁰ Цит. по: *Whitelock D. The Beginnings. P. 53.*
- ³¹ Англо-саксонская хроника. Текст: Р. 40. Перевод: С. 57.
- ³² *Hollister C. W. Anglo-Saxon Military Institutions; Underwood R. Anglo-Saxon Weapons and Warfare.*
- ³³ *Глебов А. Г. Англия в раннее средневековье С. 151—179.*
- ³⁴ Англо-саксонская хроника. Текст: Р. 61. Перевод: С. 64.
- ³⁵ *Loyn H. R. The Vikings in Britain; Richards J. D. Viking Age England; Hadley D. M. The Vikings in England.*

³⁶ По существу, эпоха викингов начинается несколькими десятилетиями раньше, но 793 г. служит удобной — и традиционной — условной точкой отсчета.

³⁷ Англо-саксонская хроника. Текст: Р. 75. Перевод: С. 70. О расселении скандинавов в Англии см.: *Hadley D. M.* 'And they proceeded to plough and to support themselves'; *Cultures in Contact*.

³⁸ См.: *Мельникова Е. А.* Укрощение неукротимых. С. 20—22.

³⁹ *Hadley D. M.* The Northern Danelaw.

⁴⁰ *Hadley D. M.* The Vikings in England.

⁴¹ Англо-Саксонская хроника. Перевод. С. 107—108.

⁴² *Blackburn M., Jonsson K.* The Anglo-Saxon and Anglo-Norman Element.

⁴³ Беда Достопочтенный. Текст: Р. 96—97. Перевод: С. 27.

⁴⁴ *Mayr-Harting H.* The Coming of Christianity; *Yorke B.* The Conversion of Britain.

⁴⁵ Беда Достопочтенный. Текст: Р. 52—55, 111—112. Перевод: С. 29—30, 54.

⁴⁶ Беда Достопочтенный. Текст: Р. 240—241. Перевод: С. 109.

⁴⁷ Беда Достопочтенный. Текст: Р. 140. Перевод: С. 66.

⁴⁸ Беда Достопочтенный. Текст: Р. 79—80. Перевод: С. 39—40.

⁴⁹ *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. VI. P. 122—123. Перевод автора (ср.: Древнеанглийская поэзия. С. 24—25).

⁵⁰ *Karkov C. E.* The Art of Anglo-Saxon England; *Webster L.* Anglo-Saxon Art.

⁵¹ *Wilson D. M.* Anglo-Saxon Ornamental Metalwork; *Coatsworth E., Pinder M.* The Art of the Anglo-Saxon Goldsmith; Fine Metalwork.

⁵² *Speake G.* Anglo-Saxon Animal Art.

⁵³ *Beckwith J.* Ivory Carvings.

⁵⁴ *Stone L.* Sculpture in Britain.

⁵⁵ *Taylor H. M.* Anglo-Saxon Architecture.

Глава 2

¹ *Корнелий Тацит.* О происхождении германцев. С. 354.

² *Metteke H.* Ältere deutsche Dichtung. S. 84—86. Ср. структуру заклинания с приведенным выше древнеанглийским заклинанием.

³ *Bonser W.* Survivals of Paganism. P. 37—70; *Branston B.* The Lost Gods; Ewing Th. Gods and Worshipers.

⁴ *Корнелий Тацит.* О происхождении германцев. С. 357.

⁵ Надпись на помещении для переписывания книг / Пер. С. С. Аверинцева // Памятники средневековой латинской литературы. С. 261.

⁶ Сохранилось около 1300 рукописей древнеанглийского (до 1100 г.) времени. См.: *Gneuss H., Lapidge M.* Anglo-Saxon Manuscripts. Об оформлении древнеанглийских рукописей см.: *Schools of Illumination; Brown M. P.* Manuscripts.

⁷ Обзоры древнеанглийской литературы см.: *A Companion to Anglo-Saxon Literature*; *Fulk R. D., Cain Chr. M. A History of Old English Literature*; *Алексеев М. П. Литература средневековой Англии*. С. 14—79.

⁸ *Ker W. Epic and Romance*. P. 48—49.

⁹ *Browne G. F. St. Aldhelm*; *Lapidge M. Aldhelm's Latin Poetry*. P. 209—231; *Dempsey G. T. Aldhelm of Malmesbury*.

¹⁰ *William of Malmesbury. Gesta Pontificum Anglorum*. P. 330—344.

¹¹ *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. VI. P. 97.

¹² Облако / Пер. Ф. А. Петровского // Памятники средневековой латинской литературы. С. 206.

¹³ *Bede, his Life, Times and Writings*; *Blair P. H. The World of Bede*; *Wright J. R. A Companion to Bede*.

¹⁴ Перевод на русский язык: *Беда Достопочтенный. О природе вещей*.

¹⁵ См. подробнее: *Мельникова Е. А. Образ мира*. С. 77—78.

¹⁶ *Goffart W. The Narrators of Barbarian History*.

¹⁷ *Данте Алигьери. Божественная комедия*. С. 419.

¹⁸ *Bullough D. Alcuin*; *Dales D. J. Alcuin: His Life and Legacy*; *Idem. Alcuin: Theology and Thought*.

¹⁹ *Фортуатов А. А. Алкуин*. С. 46.

²⁰ *King Alfred's West-Saxon Version*. P. 2. Перевод на русск. яз.: Предисловие короля Альфреда к переводу «Обязанностей пастыря» Григория Великого / Пер. З. Ю. Метлицкой // *Англосаксонская хроника*. С. 134—135. О распространении латинского языка в Англо-саксонской Англии см.: *Latin and the Vernacular Languages*.

²¹ *Woodruff D. The Life and Times of Alfred the Great*; *Abels R. Alfred the Great, A Companion to Alfred the Great*; *Глебов А. Г. Альфред Великий*.

²² Предисловие короля Альфреда. С. 136.

²³ Атрибуция перевода «Истории» Беды школе Альфреда, равно как и его точная датировка спорны. См.: *Rowley Sh. M. The Old English Version*. P. 54—56; *Гимон Т. В. Историческое описание*.

²⁴ Точные даты жизни Эльфрика, как и большинства событий в его биографии, неизвестны. В 1010 г. он последний раз упоминается в одной из грамот, что отнюдь не означает, что он умер в этом году.

²⁵ *Gatch M. McC. Preaching and Theology*; *Wulfstan, Archbishop of York*; *A Companion to Ælfric*.

²⁶ *Blair P. H. An Introduction*. P. 357.

²⁷ *The Old English Version of the Heptateuch*.

²⁸ *The Old English Version of the Heptateuch*. P. 79—80.

²⁹ *Ælfric's Lives of Saints*.

³⁰ См.: *Смирницкая О. А. Примечания*. С. 272.

³¹ *Andersson G. K. The Literature of the Anglo-Saxons*. P. 80.

³² Влияние античной, в первую очередь римской, литературы нередко увеличивается, прежде всего за счет предполагаемого ее воздействия на англосаксонскую в качестве ее «образцов». См., например: *Haber G. A. A Comparative Study*.

³³ *Jones C. W. Saints' Lives and Chronicles; Hagiography in Anglo-Saxon England*.

³⁴ *Wilson R. M. The Lost Literature*.

³⁵ Возможно, что эти кодексы составлены на основе более ранних рукописей. 1) **«Кодекс Ноуэлла»** (Nowell Codex), или **«Кодекс „Беовульф“»** в Британской библиотеке (Cotton Vitellius A XV), вторая из двух сплетенных вместе в XVII в. разновременных рукописей, датируемая временем ок. 1000 г. (возможно, первое десятилетие XI в.). Содержит помимо поэмы «Беовульф» ряд памятников религиозного эпоса, среди которых выделяется «Юдифь», а также некоторые переводные сочинения, в частности «Чудеса Востока» (издание: *The Beowulf Manuscript*. См. о кодексе: *Kiernan K. Beowulf and the Beowulf Manuscript*). 2) **«Эксетерская книга»** (*The Exeter Book*, хранится в библиотеке собора в Эксетере, MS 3501), написанная между 970 и 980 гг. по заказу епископа Леофрика и подаренная им собору в Эксетере. Это наиболее полное собрание памятников религиозного эпоса («Юлиана», «Христос» и др.), загадок, героических элегий (издание: *The Exeter Anthology*). 3) **«Рукопись Кэдмона»** (*The Sædmon manuscript*), или **«Кодекс Юниуса»** (*Junius codex*, находится в Бодлеанской библиотеке Оксфордского университета, Junius 11), датируется временем ок. 1000 г., но предложена и более ранняя датировка — 930-е—960-е гг. (*Lockett L. An Integrated Re-Examination*). Богато иллюминированная рукопись содержит несколько памятников религиозного эпоса: «Исход», «Бытие», «Даниил», «Христос и Сатана» (издание: *The Junius Manuscript*. См. о кодексе: *Karkov C. E. Text and Picture*). 4) **Рукопись из Верчелли** (*The Vercelli Book*, находится в библиотеке капитула в Верчелли, Северная Италия) датируется концом X в. и содержит поэмы «Елена» и «Судьбы апостолов», приписываемые Кюневульффу, а также несколько других памятников религиозного эпоса, ряд проповедей и прозаическое житие св. Гутлака (издание: *Vercelli book*; см. о рукописи: *New Readings in the Vercelli book*).

³⁶ Подробнее см.: *Веселовский А. Н. Историческая поэтика; Пропп В. Я. Фольклор и действительность; Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора; Гуревич А. Я. «Эдда» и saga*.

³⁷ *Anderson L. F. The Anglo-Saxon Scop; Wissemann W. Skop; Niles J. D. The Myth of the Anglo-Saxon Poet*.

³⁸ *Gnomic Verse II, 127—128 // The Exeter Book. P. 41.*

³⁹ Об особенностях древнеанглийского аллитерационного стиха см.: *Смирницкая О. А. Поэтическое искусство. С. 186—192; Она же. Стих и язык древнегерманской поэзии; Она же. Древнегерманская поэзия; Гвоздецкая Н. Ю. Язык и стиль; Клейнер Ю. А. Очерки; Crépin A. Old English Poetics*.

⁴⁰ Впервые на широкое применение устных формул в древнеанглийской поэзии указал Ф. Мэгун (*Magoun Fr. P., Jr. Oral-Formulaic Character*. P. 446—467), положив начало новому и чрезвычайно популярному в 1950-е—1970-е гг. направлению (см. обзор: *Foley J. M. Oral-Formulaic Theory*; *Смирницкая О. А. Поэтическое искусство*. С. 194—196, 200—203). Внося существенный вклад в изучение поэтики и стиха англо-саксонского эпоса, эта школа тем не менее сильно переоценила роль формул как показателя устного происхождения памятников древнеанглийской поэзии. Подробный критический анализ см.: *Watts A. C. The Lyre and the Harp*.

⁴¹ Некоторые из эпических тем продуктивно исследовались в рамках теории устных формул, например, тема «звери битвы» (*Magoun Fr. P., Jr. The Theme of the Beasts of Battle*. P. 81—90), тема «изгнания» (*Greenfield S. B. The Formulaic Expression*. P. 200—206). Общую оценку типовых сцен и формул см.: *Diamond R. E. Theme as Ornament*. P. 461—468; *Fry D. K. Old English Formulas and Systems*. P. 193—204; *Idem. Old English Formulaic Themes*. P. 48—54.

⁴² Перевод автора.

⁴³ *Мелетинский Е. М.* О генезисе и путях дифференциации эпических жанров. С. 81—101; *Пронн В. Я.* Принципы классификации. С. 34—45; *Левинтон Г. А.* К проблеме изучения повествовательного фольклора. С. 305—306.

⁴⁴ *Смирницкая О. А. Поэтическое искусство*. С. 182. См. также с. 180—185, 210—211.

⁴⁵ См. примеч. 164.

⁴⁶ Один из крупнейших знатоков англо-саксонской поэзии, Ч. Кеннеди, выделил три периода в ее развитии, для которых характерны определенные жанры: до 750 г. — время создания «Беовульфа» и творчества первого христианского поэта Кэдмона; 750—850 гг. — период работы Кюневульфа и его школы и сложения героических элегий; 850—конец X в. — время создания многих поэм на религиозные темы, исторических песней, некоторых элегий (*Kennedy Ch. W. The Earliest English Poetry*. P. 17). Однако датировки памятников в высшей степени условны, и строгая периодизация англо-саксонской поэзии вряд ли возможна. Ср.: *Смирницкая О. А. Поэтическое искусство*. С. 177—178.

Глава 3

¹ *Grímur Jónsson Thorkelin. De Danorum rebus gestis secul. III et IV. Poema Danicum dialecto Anglo-Saxonica*.

² *Orchard A. A Critical Companion to Beowulf*. P. 329—330; *Tinker C. B. The Translations of 'Beowulf'*.

³ Высказывавшиеся в 1980-е—2000-е гг. предположения о более позднем происхождении поэмы, как представляется, неосновательны. См. подробное исследо-

вание орфографических, лексических, ономастических и культурных особенностей поэмы, подтвердившее ее раннюю датировку: *Neidorf L. The Dating of Widsið*. P. 165—183.

⁴ О композиции поэмы см.: *Eliason N. E. Two Old English Scop Poems*. P. 185—192; *Howlett D. R. Form and Genre in 'Widsið'*. P. 185—511; *Смирницкая О. А. Поэтическое искусство*. С. 185—186.

⁵ В перечне приводятся имена правителей и подвластных им народов, как известные по другим источникам, так и неизвестные нам (см. подробный комментарий к ним К. Мэлоуна в издании поэмы, а также: *Смирницкая О. А. Примечания // Древнеанглийская поэзия*. С. 254—261). Имя Хвала встречается в уэссекских генеалогиях, но эпических сюжетов с героем с этим именем мы не знаем. Упоминание Александра, так же как и названий таких народов, как индии, египты, персы (с. 83—84), считается позднейшей вставкой. Этла — Аттила, Эорменрик — Эрманарих; оба являются героями сказаний, существование которых засвидетельствовано уже Иорданом (VI в.). Бекка и банинги неизвестны; впрочем, К. Мэлоун сопоставляет Бекку с Бикки, советником Ёрмунрека (Германариха) в скандинавском сказании о Сванхильд.

⁶ См. классические исследования поэмы: *Chambers R. W. Widsið; Widsið / Ed. K. Malone*, а также: *Niles J. D. Widsið and the Anthropology of the Past*. P. 171—213.

⁷ *Chadwick H. M. The Heroic Age*.

⁸ *Haubrichs W. „Heroische Zeiten?“*

⁹ См.: *Смирницкая О. А. Примечания*. С. 242—245.

¹⁰ О сказании о Вальтере Аквитанском см.: *Walter of Aquitaine; Steinen W. v. d. Der Waltarius*. S. 1—47; *Himes J. B. The Old English Epic of Waldere*.

¹¹ В 1980-е годы вопрос о датировке поэмы стал предметом дискуссий, и предполагалось, что время ее создания близко ее записи в сохранившемся кодексе — ок. 1000 г. Однако большинство исследователей склоняется к ее более раннему происхождению, что не исключает позднейших дополнений и даже определенной переработки. См.: *Orchard A. A Critical Companion to Beowulf*. P. 6—7; *The Dating of Beowulf; The Dating of Beowulf. A Reassessment*.

¹² Обзоры истории ее изучения см.: *Interpretations of Beowulf; A Beowulf Handbook; Orchard A. A Critical Companion to Beowulf*.

¹³ В каталоге сказочных сюжетов Аарне-Томпсона этот сюжет имеет номер МТ 301а: *Aarne A. The Types of the Folktale*. Впервые на возможную связь сюжетов указал К. Зимрок (*Simrock K. Beowulf*. S. 18). Наиболее типичные примеры этого сюжета, известного более чем в 200 вариантах: Сказки братьев Гримм. № 91, 166; *Афанасьев А. Н. Народные русские сказки*. № 5, 6, 24.

¹⁴ *Vries J. de. Betrachtungen zum Märchen; Leyen F. v. d. Das Märchen*.

¹⁵ В частности, в «Case о Греттире» (гл. 32—35, 64—66), в «Case о Самсоне Красивом» и ряде других. Подробное сопоставление сюжетов было проведено

Р. Чеймберсом: *Chambers R. W. Widsith*. P. 48—68, 129—195. Все параллельные тексты собраны в кн.: 'Beowulf' and its Analogues.

¹⁶ Кроме песней «Старшей Эдды», этот мотив использован в «Песни о Фродо» у Саксона Грамматика, в «Песни о Сигмунде» в «Беовульфе» (с. 871—900).

¹⁷ Aarne. MT 300, MT 301. См. подробнее: *Christiansen R. T. Studies*.

¹⁸ *Saxonis Gesta Danorum*. Т. I. P. 36.

¹⁹ Речи Фафнира, 9 // Старшая Эдда. С. 105.

²⁰ Речи Регина, 5 // Старшая Эдда. С. 100.

²¹ О типе сказочного героя см.: *Мелетинский Е. М.* Герой волшебной сказки. Различия между трактовками сюжетов в волшебной сказе и в «Беовульфе» подробно освещены в кн.: *Jones G. Kings*.

²² Ср.: *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос; *Он же.* Германский героический эпос. С. 5—50.

²³ См.: *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. С. 83—115; *Он же.* Об историзме фольклора. 116—131; *Путилов Б. Н.* Методология. С. 224—236.

²⁴ Наиболее подробно исторические реалии в поэме исследованы в кн.: *Girvan R.* 'Beowulf'.

²⁵ Термин М. М. Бахтина: *Бахтин М. М.* Эпос и роман. С. 456.

²⁶ Определение понятия «героическое» применительно к эпосу различных, в том числе германских, народов — одна из наиболее сложных и дискуссионных проблем, которая в той или иной степени рассматривается почти во всех работах, посвященных героическому эпосу: «Определение, изучение характера, внутреннего содержания героичности и составляет главную задачу науки по отношению к эпосу» (*Пропп В. Я.* Русский героический эпос. С. 5). В. Я. Пропп подчеркивает историческую обусловленность понятия. А. Я. Гуревич понимает героическое в германском эпосе как избыточное, выходящее за рамки реального, поведение, вызывающее ужас своей жестокостью (*Гуревич А. Я.* О природе героического. С. 133—148; *Он же.* «Эдда» и сага. С. 25—55). См.: *Beck H., Reichert H., Tiefenbach H. Held*. S. 260—282.

²⁷ *Путилов Б. Н.* Методология. С. 232.

²⁸ О роли родословий в формировании образа персонажа в древнеисландской литературе см.: *Литовских Е. В.* Генеалогические представления. С. 8—54.

²⁹ Древнеанглийская поэзия. С. 32—39. Подробный анализ «героических» качеств, перечисленных в этой поэме, в «Беовульфе» и в скандинавских поэтических памятниках, см.: *Russom G. R.* Germanic Concept of Nobility. P. 1—15.

³⁰ О женских образах в англо-саксонском эпосе см.: *Enright M. J.* Lady with a Mead Cup.

³¹ См. подробнее: *Taylor P. B.* Heorot. P. 119—130; *Gathch M. McC.* Loyalties and Traditions; *Lee A. A.* The Guest-Hall of Eden. P. 178—181; *Niles J. D.* Beowulf's Great Hall. P. 40—44.

³² *Gathch M. McC.* Loyalties and Traditions; *Cherniss M. D.* Ingeld and Christ. 1972.

³³ А. Ли приводит ряд формул, определяющих положение изгнанника в героических элегиях (см. ниже гл. 4), которые использованы и при характеристике Гренделя (*Lee A. The Guest-Hall of Eden*).

³⁴ См.: *Гуревич А. Я.* «Эдда» и сага. С. 56—70.

³⁵ Ср.: *Irving E. B.* A Reading of 'Beowulf'.

³⁶ О роли дара см.: *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма. С. 63—82; *Donahue C.* Potlach and Charity. P. 23—40.

³⁷ *Beowulf and Leire*; *Christensen T.* Leire beyond the Legend. P. 237—254.

³⁸ Наиболее подробно дихотомическая структура литературного пространства на материале средневековых видений рассмотрена в работе: *Гуревич А. Я.* Западно-европейские видения. С. 3—27.

³⁹ См.: *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. С. 56—61.

⁴⁰ *Смирницкая О. А.* Примечания. С. 291—293.

⁴¹ Ср. сходное восприятие природы в древнеисландской литературе: *Hastrup K.* Culture and History. P. 136—145.

⁴² См.: *Неклюдов С. Ю.* Заметки об эпической временной системе. С. 151—165; *Лихачев Д. С.* Поэтика. С. 212—253.

⁴³ Поход Хигелака, упомянутый Григорием Турским в «Деяниях франков» (III.3), в «Liber Monstrorum» (конец VII—начало VIII в.) и в «Liber historiae Francorum» (VIII в.), состоялся в правление Теудериха, который умер в 534 г. См.: *Magoun Fr. P., Jr.* Beowulf and King Hygelac. P. 1—12.

⁴⁴ См. подробно: *Мельникова Е. А.* Англия и Русь. С. 3—18.

⁴⁵ Согласно другой, менее распространенной точке зрения, геатов «Беовульфа» следует отождествлять с ютами. Об этносе геатов см.: *Malone K.* The Identity of the 'Geatas'. P. 84—90; *Farrell R. T.* Beowulf; *Weibull C.* Die Geaten.

⁴⁶ *Leake J. A.* The Geats of 'Beowulf'.

⁴⁷ Это несоответствие является одним из основных исторических аргументов для датировки поэмы X—началом XI в.

⁴⁸ *Arent A. M.* The Heroic Pattern. P. 145.

⁴⁹ *Schramm G.* Namenschatz; *Смирницкая О. А.* Поэтическое искусство. С. 194.

⁵⁰ *Bonjour A.* The Digressions; *Brodeur A. G.* The Art of 'Beowulf'. P. 77—87; *Sisam K.* The Structure of 'Beowulf'.

⁵¹ *Whitelock D.* The Audience; *Wilson J. H.* Christian Theology; *Irving E. B., Jr.* Christian and Pagan Elements. P. 175—192.

⁵² В первой части поэмы количество строк, содержащих различного рода христианские реминисценции, составляет 9—10 %, во второй — 4 %, в эпизоде возвращения Беовульфа они отсутствуют совсем (*Cabaniss A.* 'Beowulf' and the Liturgy. P. 195—201).

⁵³ Ср. специфику восприятия христианства в Скандинавии X—начала XI в.: *Мельникова Е. А.* Христианство викингов. С. 363—407.

⁵⁴ Сюжеты, связанные с именем короля Мерсии Оффы, неясны. Намеки на существовавшие песни о нем есть в «Беовульфе» (брак Оффы со «злонравной» Грюд, казнившей всех, кто «заглядывался» на нее: мотив героического сватовства?) и «Видсиде» (Оффа смолоду расширял границы своих владений и укрепил землю англов). Возможно, что Оффа был героем нескольких поэм с разными сюжетами.

Глава 4

¹ Почти все элегии содержатся в Эксетерской рукописи. Названия поэм условны: они даны первыми издателями элегий. Впервые опубликованные в начале XIX в., они привлекли к себе внимание необычностью тематики, странным с точки зрения эпоса отсутствием фабулы и, самое главное, высокими поэтическими достоинствами. С самого начала возник вопрос, какие поэмы считать элегиями. Сходные произведения были обнаружены в других рукописях, а также в составе других памятников, в том числе в «Беовульфе». Поэтому до сих пор нет единодушного определения числа элегий. Так, С. Гринфилд относит к этому жанру 11 произведений: кроме перечисленных и двух отступлений в «Беовульфе» (история последнего воина, зарывшего сокровища погибшего племени, и рассказ о старике, потерявшем сына) он включает «Рифмованную поэму» и «Отречение», также сохранившиеся в Эксетерской книге (*Greenfield S. B. The Interpretation*. P. 213—214); этот состав корпуса элегий (но без фрагментов «Беовульфа») признан большинством исследователей (см.: *Klinck A. L. The Old English Elegies; Goodall J. L. The Old English Elegies; Dewa R. J. The Old English Elegies*). Ч. Кеннеди не причисляет к элегиям «Рифмованную поэму», «Отречение» и «Молитву» (*Kennedy Ch. W. The Old English Elegies*. P. 101—105).

² По мнению некоторых исследователей, (см., например: *Shippey N. A. Old English Verse*. P. 54—55), этот временной разрыв заполняется жизнью героя, его «путем», который осмысливается как накопленный жизненный опыт (ср. интересный анализ слова *sip* «путь, опыт»: *Смирницкая О. А. Поэтическое искусство*. С. 215—218). Однако дидактические мотивы, в которых воплощается «опыт жизни», имеются лишь в двух элегиях, «Морестраннике» и «Скитальце», кстати, наиболее сильно обнаруживающих христианские влияния. Но и в них «учительные» пассажи нередко рассматриваются как позднейшие вставки.

³ Руины — один из излюбленных в средневековой литературе символов бренности земной жизни. Наиболее красочные картины «мертвого города» содержатся в сочинениях Венанция Фортуната и в трактате «О граде Божиим» Августина. О мотиве рун см.: *Hume K. The 'Ruin Motif'*. P. 339—360.

⁴ *Kennedy Ch. W. The Old English Elegies*. P. 2—3.

⁵ *Andersson G. K. The Literature of the Anglo-Saxons*. P. 162.

⁶ Г. К. Андерссон полагал отрывками одной поэмы «Плач жены» и «Послание мужа» (Ibid.). Р. Бур рассматривал «Скитальца» и «Морестранника» как остатки трех героико-эпических поэм (Boer R. C. 'Wanderer' and 'Seafarer'. S. 1—28). Р. Имельман считал, что поэма «Вульф и Эадвакер», равно как и «Скиталец», «Морестранник», а также «Плач жены», — фрагменты эпической поэмы, героем которой был Одоакр (Imelmann R. Forschungen. S. 180—238). С. Гринфилд рассматривал «Вульф и Эадвакер» и «Руины» как части одной или нескольких «героических легенд», которые были известны слушателям, знающим сказание в целом, но содержание которых ускользает от современного читателя (Greenfield S. B. The Interpretation).

⁷ См.: Смирницкая О. А. Примечания. С. 246—247.

⁸ См.: Brady C. The Legends of Ermanaric.

⁹ Malone K. Mæðhild. P. 253—256.

¹⁰ Kiernan K. S. A Solution to the Mæðhild-Geat Crux. P. 97—99.

¹¹ Напротив, в скальдической поэзии рефрен (стев) — явление нередкое.

¹² Lee A. A. The Guest-Hall of Eden. P. 30; Smithers G. V. The Meaning. P. 137—153.

¹³ Дословный перевод автора.

¹⁴ Ten Brink B. Early English Literature. P. 61; Lawrence W. W. The 'Wanderer' and the 'Seafarer'. P. 460—480.

¹⁵ Cross J. E. „Ubi sunt“ Passages. P. 23—44.

¹⁶ О переосмыслении языческих концепций в период распространения христианства у германских народов см.: North R. Pagan Words; Russell J. The Germanization; Мельникова Е. А. Христианство викингов.

¹⁷ Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte; Simek R. Religion und Mythologie; Idem. Lexikon der germanischen Mythologie.

¹⁸ См.: Гуревич А. Я. История и сага. С. 63—72.

¹⁹ Перевод автора.

²⁰ Смирницкая О. А. Примечания. С. 282—284.

²¹ Kershaw N. Anglo-Saxon and Norse Poems. P. 16.

²² Shippey T. A. Old English Verse. P. 54.

²³ На возможную связь элегий с погребальными плачами указывали еще Л. Шюкинг и Э. Зипер: Schücking L. L. Das angelsächsische Totenklagelied. S. 1—13; Sieper E. Die altenglische Elegie. S. 7—11. См.: Haas R. Die mittlenglische Totenklage.

²⁴ Лухачев Д. С. Поэтика. С. 246.

Глава 5

¹ Знаменитая фраза Алкуина в письме к епископу Гигвальду «Quid enim Hingeldus cum Christo?» (MGH. Epistolarum. 1895. Т. IV. P. 183) является парафразом восклицания Тертуллиана: «Что общего, действительно, между Афинами и Иерусалимом?»

² Беда Достопочтенный. Текст: Р. 307—311. Перевод: С. 140—142.

³ Гильда основала монастырь в Витби (его англо-саксонское название *Streoneshealh*) в 657 г. и была его настоятельницей вплоть до своей смерти в 680 г.

⁴ О мотиве см.: *Жирмундский В. М.* Легенда о призвании певца. С. 397—407; *Lester G. A.* The *Cædmon Story*. P. 225—237. О легенде о Кэдмоне см.: *O'Hare C.* The *Story of Cædmon*. P. 345—357.

⁵ Перевод автора.

⁶ Подробный анализ формул «Гимна» см.: *Magoun Fr. P., Jr.* *Bede's Story of Cædmon*. P. 49—65; *Fry D. K.* *Cædmon*. P. 41—61. О творчестве Кэдмона см.: *Malone K.* *Cædmon*. P. 193—195; *Needham G. I.* *Caedmon*. S. 305—308; *O'Donnell D. P.* *Cædmon's Hymn*.

⁷ *Stevick R. D.* The Oral-Formulaic Analysis. P. 384.

⁸ Беда Достопочтенный. Текст: Р. 311. Перевод: С. 142.

⁹ *Andersson G. K.* The Literature of the Anglo-Saxons. P. 115; *Wrenn C. L.* The Poetry of *Cædmon*. P. 278—280.

¹⁰ Исследование подписи Кюневульфа, а также связанную с этим полемику о его отождествлении с реальными лицами см.: *Andersson G. K.* The Literature of the Anglo-Saxons. P. 124—125; *Sisam K.* *Studies*. P. 1—29; *Calder D. G.* *Cynewulf; Gleason R.* The Riddle of the Runes. P. 19—30.

¹¹ *Schaar C.* *Critical Studies*.

¹² The Ruthwell Cross.

¹³ См.: *Виноградов А. Ю.* «Деяния Андрея и Матфия».

¹⁴ По своему сюжету поэма близка апокрифическому житию «Деяния Андрея и Матфия в граде людоедов» (см.: *Виноградов А. Ю.* «Деяния Андрея...»); однако его трактовка и множество описаний связывают поэму с героическим эпосом. Наблюдаются и прямые текстовые параллели с «Беовульфом». О взаимоотношении этих памятников см.: *Peters L. J.* The Relationship. P. 844—863. См. также: *Walsh M.* *St. Andrew*. P. 97—122.

¹⁵ *Jill Fr.* *Warring with Words*.

¹⁶ *Hill J. M.* The Anglo-Saxon Warrior Ethic.

¹⁷ *Pezzarossa L.* The Ideology of War. P. 18—83.

¹⁸ См.: *Берман Б. И.* Читатель жития. С. 177.

¹⁹ Для континентальной Европы такое восприятие христианской сюжетики, как отмечает А. Я. Гуревич, становится типичным лишь в эпоху крестовых походов (*Гуревич А. Я.* Популярное богословие. С. 65—91). У англо-саксов же оно органически вырастает из существовавшей поэтической традиции.

²⁰ Перевод автора.

²¹ См.: *Смирницкая О. А.* Примечания. С. 288—291.

²² Подробнее см.: *Huppé B. F.* The Concept of the Hero. P. 7—8; *Del Mastro M. I.* The Dream of the Rood.

- ²³ «Житие св. Освальда» было написано Эльфриком в конце X в. Цит. по: *Hirré B. F.* *The Concept of the Hero*. P. 3.
- ²⁴ О значении темы пира см. ниже главу 7.
- ²⁵ Сюжет поэмы основан на тексте «Вульгаты», латинского перевода Библии. Как считается, англо-саксонская поэма создана в конце IX—середине X в.
- ²⁶ Подробный анализ сцен битвы в «Юдифи» см.: *Renoir A.* 'Judith'. P. 145—155.
- ²⁷ *Skemp A. R.* *The Transformation*. P. 436.
- ²⁸ Перевод автора.
- ²⁹ См.: *Смирницкая О. А.* Примечания. С. 293—304.
- ³⁰ *Wrenn C. L.* *A Study*. P. 101—102.
- ³¹ *Lord A.* *Perspectives*. P. 23.
- ³² Перевод автора.
- ³³ *Cherniss M. D.* *Ingeld and Christ*. P. 23.
- ³⁴ *Смирницкая О. А.* Примечания. С. 288.
- ³⁵ Там же. С. 296—297.
- ³⁶ *Woolf R. E.* *The Devil*. P. 1—12.

Глава 6

¹ Наиболее подробно историческая основа песней рассмотрена в кн.: *Laborde E. D.* *Vyrhnoth and Maldon*.

² Единственная рукопись поэмы сгорела в 1731 г., и текст памятника без начала и конца (всего 325 строк) известен по транскрипции, выполненной ок. 1724 г. и опубликованной в 1726 г.

³ Англо-саксонская хроника. Текст: P. 126, 127. Перевод: С. 94, 99.

⁴ В 1991 г. 1000-летие битвы было отмечено рядом конференций и публикаций: *Andersen H. E.* *The Battle of Maldon; The Battle of Maldon*.

⁵ Локализация места сражения спорна. О самом сражении и его роли в истории Англо-саксонской Англии см.: *Halloran K.* *The Brunanburh Campaign*. P. 133—48; *Livingston M.* *The Battle of Brunanburh*.

⁶ *Reuter T.* *Plunder and Tribute*. P. 75—94; *Coupland S.* *The Vikings*. P. 190—201. Суммы выплат были огромны: так, некий Рагнар (вероятно, Рагнар Кожаные Штаны исландских саг), осадивший Париж в 845 г., получил 5670 (или, по другим источникам, 7000) фунтов, т. е. две — две с половиной тонны серебряных и золотых слитков.

⁷ *Clark G.* *The Battle of Maldon*. P. 52—71.

⁸ См.: *Irving E. B. Jr.* *The Heroic Style*. P. 457—467; *Hill J. M.* *The Anglo-Saxon Warrior Ethic*.

⁹ Повесть временных лет. С. 11—12.

¹⁰ *Irving E. B. Jr.* *The Heroic Style*.

¹¹ См.: *Gwara S.* Heroic Identity. P. 181—238. См. об интерпретации слова *ofermod* и содержании поэмы: *Cross J. E.* Mainly on Philology. P. 235—253; *Irving E. B. Jr.* The Heroic Style. В ином, положительном ключе трактует *ofermod* Дж. Кларк: *Clark G.* The Battle of Maldon.

¹² См.: *Clark G.* The Battle of Maldon; *Смирницкая О. А.* Примечания. С. 308—309.

¹³ *Tolkien J. R. R.* The Homecoming of Beorhtnoth. См.: *Смирницкая О. А.* Примечания. С. 308—309.

Глава 7

¹ *Blumenstengel I.* Wesen und Funktion des Banketts.

² *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. С. 211. Впервые роль пира и обмена дарами в ранних обществах была рассмотрена в кн.: *Mauss M.* Essai sur le don. Перевод на русский язык: *Мосс М.* Очерк о даре. С. 85—111.

³ *Enright M. J.* Lady with a Mead Cup; *Pollington St.* The Mead-Hall.

⁴ Ср. понятие «хронотоп» у М. М. Бахтина: *Бахтин М. М.* Формы времени. С. 234 и сл.

⁵ *Taylor P. B.* Neorot. P. 119—130.

⁶ *Lee A. A.* Neorot. P. 78—80. То же: *Idem.* The Guest Hall of Eden. P. 178—181.

⁷ *Halvorsen J.* The World of ‘Beowulf’. P. 593—608.

⁸ Ср. близкое по существу понятие «функционально-пространственное поле», предложенное Б. Н. Путиловым: *Путилов Б. Н.* Застава богатырская. С. 52—64.

⁹ О ритуальном значении этого действия см.: *Enright M. J.* Lady with a Mead Cup.

¹⁰ О жанре перебранки — словесном состязании — в германском эпосе см.: *Матюшина И. Г.* Перебранка.

¹¹ *Enright M.* Lady with a Cup.

¹² Распространено мнение, что женщины играют второстепенную, маргинальную роль в англо-саксонском эпосе (*Overing G. R.* The Women of Beowulf. P. 219—260). Место женщин в эпосе (и в англо-саксонском обществе) было радикально — и справедливо — пересмотрено в последние десятилетия (см.: *Porter D. C.* The Social Centrality of Women. P. 11—20; *Harris R.* The Women of Beowulf и др.).

¹³ *Sklute L. M.* Freoduwebbe in Old English Poetry. P. 534—540.

¹⁴ *Tolkien J. R. R.* Finn and Hengest.

¹⁵ Перевод автора.

¹⁶ *Albano R. A.* The Role of Women. P. 1—9.

¹⁷ О противопоставлении Беульфа Херемоду см. подробно: *Gwara S.* Heroic Identity.

¹⁸ *Irving E. B., Jr.* A Reading of ‘Beowulf’. P. 125.

¹⁹ Например, применительно к «Беовульфу»: *Girvan R.* 'Beowulf'.

²⁰ Ср.: *Gwara S.* Heroic Identity.

²¹ Этой теме непосредственно посвящены поэмы «Genesis A» и «Genesis B»; противостоянию Христа и Сатаны — «Christ and Satan» (все они включены в «Кодекс Юниуса»). См.: *Dendle P. J.* Satan Unbound.

Заключение

¹ См.: *Пропп В. Я.* Об историзме фольклора.

² См.: *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса.

³ См.: *Ауэрбах Э.* Мимесис.

⁴ Ср. трансформацию представлений о кровной мести в сказании о Нифлунгах в его скандинавском варианте (песни «Старшей Эдды») и в немецкой «Песни о Нибелунгах».

⁵ *Веселовский А. Н.* Новейшие исследования о французском эпосе. С. 260.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Цитируемые древнеанглийские произведения

- Альдхельм. «Загадки» — The Riddles of Aldhelm / Text and translation by J. H. Pittman. Yale University Press, 1925.
- Альфред. Перевод «Обязанностей пастыря» Григория Великого — King Alfred's West-Saxon Version of Gregory's Pastoral Care / Ed. H. Sweet. L., 1871.
- Англо-Саксонская хроника — Two of the Saxon Chronicles Parallel / Ed. C. Plummer and J. Earle. L., 1892. Пер. на русск. яз.: Англосаксонская хроника / Пер. и коммент. З. Ю. Метлицкой. СПб., 2010.
- Андрей — Andreas // Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. II. P. 3—51.
- Ассер — Asser's Life of King Alfred together with the Annals of Saint Neots Erroneously Ascribed to Asser / Ed. with introd. and comment. by W. H. Stevenson, Oxford, 1904.
- Беда Достопочтенный — *Beda Venerabilis*. Opera historica. Vaduz, 1964. Т. I. Пер. на русск. яз.: *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англосаксов / Пер., ст., примеч. В. В. Эрлихмана. СПб., 2001.
- Беовульф — Beowulf and the Fight at Finnsburg / Ed. Fr. Klaeber. 3rd ed. Boston, 1950. Пер. на русск. яз.: Беовульф / Пер. В. Г. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 27—180 (Библиотека всемирной литературы).
- Бестиарий — Physiologus // Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. III. P. 169—173. Пер. на русск. яз. поэмы «Кит»: Древнеанглийская поэзия. С. 39—44.
- Битва при Брунанбурге — The Battle of Brunanburgh / Ed. A. Campbell. L., 1938. Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 133—137.
- Битва при Мэлдоне — The Battle of Maldon // Anglo-Saxon Poetry / Transl. and ed. S. A. J. Bradley, L., 1995 (repr. 2000). Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 137—156.
- Битва при Финнсбурге — Beowulf and the Fight at Finnsburg / Ed. Fr. Klaeber. 3rd ed. Boston, 1950. Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 5—7.
- Блаженная земля — The Phoenix // Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. III. P. 94—98. Пер. на русск. язык: Древнеанглийская поэзия. С. 90—95.
- Бытие А — Genesis A // Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. I. P. 1—87. Пер. на русск. яз. фрагмента «Грехопадение»: Древнеанглийская поэзия. С. 95—132.

- Вальдере — Waldere // *The Old English Epic of Waldere* / Ed. and transl. with an introd. by J. B. Himes. Newcastle upon Tyne, 2009. Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 8—14.
- Видение Креста — *The Dream of the Rood: An Old English Poem Attributed to Cynewulf* / Ed. A. S. Cook. Oxford, 1905. Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 81—90.
- Видсид — Widsith / Ed. K. Malone. 2nd ed. Copenhagen, 1962. Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 14—22.
- Вульф и Эадвакер — Wulf and Eadwacer // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. III. 179—180. Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 63—64.
- Гильдас — *Gildas. The Ruin of Britain and Other Works* / Ed. and transl. by M. Winterbottom. Chichester, 1978. Пер. на русск. яз.: *Гильда Премудрый*. О гибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Пер., вст. ст. и примеч. Н. Ю. Чехонадской. СПб., 2003.
- Гномические стихи — Gnostic Verse // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. III. P. 140—143. Пер. на русск. яз. некоторых из них: Древнеанглийская поэзия. С. 28—32.
- Грамоты — Sawyer P. *Anglo-Saxon Charters: an Annotated List and Bibliography*. L., 1968: цит. по электронной версии с уточнениями и дополнениями: The Electronic Sawyer <http://www.esawyer.org.uk>; доступ 20.09.2016.
- Грехопадение — *The Fall // Genesis A* // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 95—132.
- Даниил — Daniel // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. I. P. 111—132.
- Деор — Deor / Ed. K. Malone. L., 1933. Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 11—14.
- Елена — Elena // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. II. P. 66—102.
- Заклинания — Charms // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. VI. P. 119—128. Пер. на русск. яз. нескольких из них: Древнеанглийская поэзия. С. 23—26.
- Законы — Liebermann F. *Die Gesetze der Angel-Sachsen*. Halle a. Saale, 1898. Bd. I.
- Исход — *The Exodus* // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. I. P. 90—107.
- Кэдмон — *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. VI. P. 105. Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 27—28.
- Морестранник — *The Seafarer* // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. III. P. 143—147. Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 65—71.
- О дарованиях человеческих — *The Gifts of Men* // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. III. Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 32—39.
- Плач жены — *The Wife's Lament* // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. III. P. 210—211. Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 60—63.
- Послание мужа — *The Husband's Message* // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. III. P. 225—227. Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 57—60.

- Речи Высокого — *Hávamál* // *Die Edda mit historisch-kritischem Kommentar* / Hrsg. R. C. Boer. Haarlem, 1922. Bd. 1. S. 18—38. Пер. на русск. яз.: Старшая Эдда / Пер. А. Корсуна. Ред. перевода М. И. Стеблин-Каменский. М., 1963; 1975. С. 16—30.
- Руины — *The Ruins* // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. III. P. 227—229. Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 78—80.
- Скиталец — *The Wanderer* // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. III. P. 134—137. Пер. на русск. яз.: Древнеанглийская поэзия. С. 71—78.
- Судебники — *Liebermann F. Die Gesetze der Angel-Sachsen*. Halle a. Saale, 1898. Bd. I.
- Судьбы апостолов — *The Fates of Apostles* // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. II. P. 51—54.
- Феникс — *Phoenix* // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. III. P. 94—113. Пер. на русск. яз. фрагмента «Блаженная земля»: Древнеанглийская поэзия. С. 90—95.
- Христос — *Christ* // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. III. P. 3—49.
- Христос и Сатана — *Christ and Satan* // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. I. P. 135—158.
- Юлиана — *Juliana* // *Anglo-Saxon Poetic Records*. Vol. III. P. 113—133.
- Юдифь — *Judith* / Ed. B. J. Timmer. L., 1952.

Сборники текстов и другие источники

- Беда Достопочтенный*. О природе вещей / Пер. Т. Ю. Бородай // *Вопросы истории естествознания и техники*. М., 1988. № 1. С. 139—152.
- Данте Алигьери*. Божественная комедия. М., 1967.
- Древнеанглийская поэзия / Изд. подг. О. А. Смирницкая, В. Г. Тихомиров. М., 1982.
- Корнелий Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии // *Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах* / Изд. подг. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеев. Л., 1969. Т. 1. С. 353—372.
- Памятники средневековой латинской литературы IV—IX веков / Отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1970.
- Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева с дополнениями М. Б. Свердлов. Изд. 2-е. СПб., 1996.
- Старшая Эдда: Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А. И. Корсуна под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963.
- Хрестоматия по истории Средних веков / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1961. Т. 1.
- Ælfric's Lives of Saints: Being a Set of Sermons on Saints' Days Formerly Observed by the English Church* / Ed. W. W. Skeat. L., 1881—1900. 2 vols.
- Anglo-Saxon Poetic Records* / Ed. G. P. Krapp, E. v. K. Dobbie. N. Y., 1931—1942. Vol. I—VI.
- Anglo-Saxon Poetry* / Transl. and ed. S. A. J. Bradley, L., 1995 (repr. 2000).
- The Beowulf Manuscript: Complete Texts and The Fight at Finnsburg* / Ed. and trans. R. D. Fulk, Cambridge (MA), 2010.

- English Historical Documents / Ed. D. Whitelock. L., 1955. Vol. 1: c. 500—1042.
- The Exeter Anthology of Old English Poetry: an edition of Exeter Dean and Chapter MS 3501 / Ed. B. J. Muir. 2nd ed. Exeter, 2000.
- The Exeter Book / Ed. W. S. Mackie. L., 1934. Pt. 2.
- The Junius Manuscript / Ed. G. P. Krapp [The Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. 1]. N. Y., 1931.
- Liebermann F.* Die Gesetze der Angel-Sachsen. Halle a. Saale, 1898. Bd. I.
- Old English Minor Heroic Poems / Ed. with introd., notes and a glossary of proper names by J. Hill. 3rd ed. Durham, 2009.
- The Old English Version of the Heptateuch, Ælfric's Treatise on the Old and New Testament and His Preface to Genesis / Ed. S. J. Crawford. L., 1969.
- Sawyer P.* Anglo-Saxon Charters: an Annotated List and Bibliography. L., 1968: цит. по электронной версии с уточнениями и дополнениями: The Electronic Sawyer <http://www.esawyer.org.uk>; доступ 20.09.2016.
- Saxonis Gesta Danorum / Ed. J. Olrik, H. Raeder. Hauniae, 1931. T. I.
- Vercelli Book / Ed. G. P. Krapp [The Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. 2]. N. Y., 1932.

Цитированная литература

- Алексеев М. П.* Литература средневековой Англии и Шотландии. М., 1984. С. 14—79.
- Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976.
- Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. М., 1860—1863.
- Бахтин М. М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 447—483.
- Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Там же. С. 234—407.
- Берман Б. И.* Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 159—183.
- Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940.
- Веселовский А. Н.* Новейшие исследования о французском эпосе // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Ч. 238. № 4.
- Виноградов А. Ю.* «Деяния Андрея и Матфия в городе людоедов»: опыт прочтения одного апокрифа. М., 2014.
- Гвоздецкая Н. Ю.* Язык и стиль древнеанглийской поэзии. Иваново, 1995.
- Гвоздецкая Н. Ю.* Рождение древнеанглийского поэтического слова (О разрешении конфликта культур в поэтическом творчестве англосаксов) // Норна у источ-

- ника судьбы: сб. ст. в честь Е. А. Мельниковой / Отв. ред. Т. Н. Джаксон. М., 2001. С. 44—52.
- Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М., 2012.
- Глебов А. Г. Альфред Великий и Англия его времени. Воронеж, 2003.
- Глебов А. Г. Англия в раннее средневековье. СПб., 2007.
- Гуревич А. Я. Английское крестьянство в X—начале XI в. // Средние века. М., 1957. Вып. IX. С. 69—131.
- Гуревич А. Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков // Труды по знаковым системам. Тарту. 1977. № 8. С. 3—27.
- Гуревич А. Я. История и сага. М., 1972.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Гуревич А. Я. О природе героического в поэзии германских народов // Изв. Отделения литературы и языка АН СССР. 1978. Т. 37. № 2. С. 133—148.
- Гуревич А. Я. Популярное богословие и народная религиозность средних веков // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 65—91.
- Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М., 1979.
- Жирмунский В. М. Германский героический эпос в трудах Андреаса Хойслера // Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. Пер. с нем. М., 1960. С. 5—50.
- Жирмунский В. М. Легенда о призвании певца // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979. С. 397—407.
- Жирмунский В. М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962.
- Классен Х. Дж. М. Раннее государство: структурный подход // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 г.: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М., 2016. С. 8—90.
- Клейнер Ю. А. Очерки по общей и германской просодике. СПб., 2010.
- Левинтон Г. А. К проблеме изучения повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору. Сб. ст. памяти В. Я. Проппа (1895—1970). М., 1975. С. 303—319.
- Левицкий Я. А. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.; Л., 1960.
- Литовских Е. В. Генеалогические представления в средневековом исландском обществе (На материале «Саги о Ньяле»). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1967.
- Матюшина И. Г. Перебранка в древнегерманской словесности. М., 2011.
- Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958.
- Мелетинский Е. М. О генезисе и путях дифференциации эпических жанров // Русский фольклор. 1960. Вып. V. С. 81—101.

- Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963.
- Мельникова Е. А. Англия и Русь: у истоков контактов // Российская история. 2016. № 4. С. 3—18.
- Мельникова Е. А. Образ мира: географические представления в Западной и Северной Европе V—XIV века. М., 1998.
- Мельникова Е. А. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интеграции в инокультурных обществах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 12—26.
- Мельникова Е. А. Христианство викингов в древнескандинавской устной традиции и свидетельствах современников // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 г.: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 363—407.
- Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М., 1996. С. 85—111.
- Неклюдов С. Ю. Заметки об эпической временной системе // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. № 6. С. 151—165.
- Пропп В. Я. Об историзме фольклора и методах его изучения // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 116—131.
- Пропп В. Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Там же. С. 34—45.
- Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958.
- Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 83—115.
- Путилов Б. Н. Застава богатырская (к структуре былинного пространства) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1975. № 7. С. 52—64.
- Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. М., 1976.
- Смирницкая О. А. Древнегерманская поэзия: Каноны и толкования. М., 2005.
- Смирницкая О. А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. С. 186—192.
- Смирницкая О. А. Примечания // Древнеанглийская поэзия / Изд. подг. О. А. Смирницкая, В. Г. Тихомиров. М., 1982. С. 236—311.
- Смирницкая О. А. Стих и язык древнегерманской поэзии. М., 1994. Т. 1—2.
- Фортуатов А. А. Алкуин как деятель каролингского Возрождения // Уч. Зап. Московского гор. педагогического института. 1941. Т. 3. Вып. 1. С. 26—46.
- Чехонадская Н. Ю. Гильда: видение из иного мира // Гильда Премудрый. О гибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Пер., вст. ст. и примеч. Н. Ю. Чехонадской. СПб., 2003. С. 9—170.
- Aarne A. The Types of the Folktale / Transl. and Enlarged by S. Thompson. (Folklore Fellows Communications. Vol. 75. № 184). Helsinki, 1961.

- Abels R.* Alfred the Great: War, Kingship and Culture in Anglo-Saxon England. L., 1998 (repr. 2013).
- Albano R. A.* The Role of Women in Anglo-Saxon Culture: Hildeburh in *Beowulf* and a Curious Counterpart in the *Volsunga Saga* // *English Language Notes*. 1994. Vol. 32. № 1. P. 1—9.
- Andersen H. E.* The Battle of Maldon: the Meaning, Dating, and Historicity of an Old English Poem. Copenhagen, 1991.
- Anderson L. F.* The Anglo-Saxon Scop. Toronto, 1932 (repr. 1980).
- Andersson G. K.* The Literature of the Anglo-Saxons. 2nd ed. Princeton, 1966.
- Anglo-Saxon Trading Centres / Ed. M. Anderson. Glasgow, 1999.
- The Anglo-Saxons from the Migration Period to the Eighth Century — An Ethnographic Perspective. Woodbridge, 1997.
- Anglo-Scandinavian England: Norse-English Relations in the Period before the Conquest // Ed. J. D. Niles, M. Amodio. Lanham, MD, 1989.
- The Archaeology of Anglo-Saxon England / Ed. D. M. Wilson. Cambridge, 1976.
- Arent A. M.* The Heroic Pattern: Old Germanic Helmets, ‘Beowulf’ and ‘Grettis saga’ // *Old Norse Literature and Mythology. A Symposium* / Ed. E. C. Palomé. Austin; London, 1969.
- The Battle of Maldon: Fiction and Fact / Ed. J. Cooper. L., 1993.
- Beck H., Reichert H., Tiefenbach H.* Held, Heldendichtung und Heldensage // *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Berlin; New York. 1999. Bd. 14. S. 260—282.
- Beckwith J.* Ivory Carvings in Early Medieval England. L., 1972.
- Bede: His Life, Times and Writings: Essays in Commemoration of the Twelfth Century of his Death // Ed. A. H. Thompson. Oxford, 1969.
- ‘Beowulf’ and its Analogues / Ed. G. N. Garmonsway, J. Simpson. N. Y., 1968.
- Beowulf* and Leire / Ed. J. D. Niles, M. Osborn. Turnhout, 2007.
- A Beowulf Handbook* / Ed. R. E. Bjork, J. D. Niles. Lincoln, 1998.
- Bhattacharji S.* An Approach to Christian Aspects of *The Wanderer* and *The Seafarer* // *The Christian Tradition in Anglo-Saxon England: Approaches to Current Scholarship and Teaching* / Ed. P. Cavigli. Cambridge, 2004. P. 153—162.
- Blackburn M., Jonsson K.* The Anglo-Saxon and Anglo-Norman Elements of North European Coin Finds // *Viking-Age Coinage in the Northern Lands. The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History* / Red. M. A. S. Blackburn och D. M. Metcalf. 1981. P. 147—255.
- The Blackwell Encyclopaedia of Anglo-Saxon England / Ed. M. Lapidge, J. Blair, S. Keynes, D. Scragg. L., 2001.
- Blair P.* An Introduction to Anglo-Saxon England. Cambridge, 1956 (repr. 2003).
- Blair P. H.* The World of Bede. Cambridge, 1970 (repr. 1990).
- Blumenstengel I.* Wesen und Funktion des Banketts im ‘Beowulf’. Marburg, 1964.
- Boer R. C.* ‘Wanderer’ and ‘Seafarer’ // *Zeitschrift für deutsche Philologie*. 1903. Bd. 35. P. 1—28.

- Bonjour A.* The Digressions in 'Beowulf'. Oxford, 1950.
- Bonser W.* Survivals of Paganism in Anglo-Saxon England // Birmingham Archaeological Society. Transactions and Proceedings for 1932. Birmingham, 1934. Vol. 56. P. 37—70.
- Brady C.* The Legends of Ermanaric. Berkeley, 1945.
- Branston B.* The Lost Gods of England. L., 1957 (repr. 1974).
- Brodeur A. G.* The Art of 'Beowulf'. Berkeley, 1960.
- Brown M. P.* Manuscripts from the Anglo-Saxon Age. L., 2007.
- Browne G. F.* St. Aldhelm: His Life and Times. L., 1903.
- Bruce-Mitford R. L. S. et al.* The Sutton Hoo Ship-Burial. L., 1975, 1978, 1983. Vol. 1—3.
- Bullough D.* Alcuin: Achievement and Reputation. Leiden, 2003.
- Cabaniss A.* 'Beowulf' and the Liturgy // The Journal of English and Germanic Philology. 1955. Vol. 54. № 2. P. 195—201.
- Calder D. G.* Cynewulf. Boston, 1981.
- Carver M. O. H.* Sutton Hoo: Burial Ground of Kings? L., 1998.
- Carver M. O. H., Evans A. C., Fern C., Hummler M.* Sutton Hoo: A Seventh-Century Princely Burial Ground and its Context. L., 2005.
- Cavil P.* Christianity and Theology in *Beowulf* // The Christian Tradition in Anglo-Saxon England: Approaches to Current Scholarship and Teaching / Ed. P. Cavil. Cambridge, 2004. P. 15—40.
- Chadwick H. M.* The Heroic Age. Cambridge, 1912 (repr. 1967).
- Chambers R. W.* Widsith. A Study in Old English Heroic Legend. Cambridge, 1912.
- Chance J.* Woman as Hero in Old English Literature. Syracuse, N. Y., 1986.
- Cherniss M. D.* Ingeld and Christ: Heroic Concepts and Values in Old English Christian Poetry. The Hague, 1972.
- Christensen T.* Leire beyond the Legend: the Archaeological Evidence // Settlement and Coastal Research in the Southern North Sea Region. 2010. Vol. 33. P. 237—254.
- Christiansen R. T.* Studies in Irish and Scandinavian Folktales. Copenhagen, 1959.
- Clark G.* The Battle of Maldon: A Heroic Poem // Speculum. 1968. Vol. 43. № 1. P. 52—71.
- Clemoes P.* Interaction of Thought and Language in Old English Poetry // Cambridge Studies in Anglo-Saxon England. Cambridge, 1995. Vol. 12. P. 334—362.
- Coatsworth E., Pinder M.* The Art of the Anglo-Saxon Goldsmith. Fine Metalwork in Anglo-Saxon England: its Practice and Practitioners. Woodbridge, 2002.
- A Companion to Ælfric / Ed. H. Magennis, M. Swan. Leiden, 2009.
- A Companion to Alfred the Great / Ed. N. G. Discenza, P. E. Szarmach. Leiden, 2015.
- A Companion to Anglo-Saxon Literature / Ed. Ph. Pulsiano, E. Treharne. Oxford, 2001.
- Coupland S.* The Vikings in Francia and Anglo-Saxon England to 911 // The New Cambridge Medieval History / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1995. Vol. II: c. 700—c. 900. P. 190—201.
- Crépin A.* Old English Poetics: A Technical Handbook. P., 2005.

- Cross J. E.* Mainly on Philology and Interpretative Criticism of 'Maldon' // Old English Studies in Honour of John C. Pope. Toronto, 1974. P. 235—253.
- Cross J. E.* „Ubi sunt“ Passages in Old English. Sources and Relations // Vetenskapsocieteten i Lund. Årsbok. 1956. Lund, 1956. P. 23—44.
- Cultures in Contact: Scandinavian Settlement in England in the Ninth and Tenth Centuries / Ed. D. M. Hadley, J. D. Richards. Turnhout, 2000.
- Dales D. J.* Alcuin: His Life and Legacy. Cambridge, 2012.
- Dales D. J.* Alcuin: Theology and Thought. Cambridge, 2013.
- The Dating of *Beowulf* / Ed. C. Chase. Toronto, 1981 (2nd ed., 1997).
- The Dating of *Beowulf*: A Reassessment / Ed. L. Neidorf. Cambridge, 2014.
- Del Mastro M. I.* The Dream of the Rood and the *Militia Christi*: Perspectives in Paradox // American Benedictine Review. 1976. Vol. 27. P. 170—176.
- Dempsey G. T.* Aldhelm of Malmesbury and the Ending of Late Antiquity. Turnhout, 2015.
- Dendle P. J.* Satan Unbound: the Devil in Old English Narrative. Toronto, 2001.
- Dewa R. J.* The Old English Elegies: Coherence, Genre, and the Semantics of Syntax. Nottingham, 2000.
- Diamond R. E.* Theme as Ornament in Anglo-Saxon Poetry // Publications of the Modern Language Association of America. 1961. Vol. 76. № 5. P. 461—468.
- Donahue C.* Potlach and Charity: Notes on the Heroic in 'Beowulf' // Anglo-Saxon Poetry. Essays in Appreciation for J. C. McGalliard / Ed. L. E. Nicholson, D. W. Frese. L., 1975. P. 23—40.
- The Early State / Ed. H. J. M. Claessen, P. Skalnik. The Hague; Paris; New York, 1978.
- Eliason N. E.* Two Old English Scop Poems // Publications of the Modern Language Association of America. 1966. Vol. 81. № 3. P. 185—192.
- Enright M. J.* Lady with a Mead Cup: Ritual Prophecy and Lordship in the European Warband from La Tène to the Viking Age. Portland, 1996.
- Ewing Th.* Gods and Worshippers in the Viking and Germanic World. Stroud, 2008.
- Farrell R. T.* Beowulf, Swedes and Geats. L., 1972.
- Foley J. M.* Oral-Formulaic Theory and Research: An Introduction and Annotated Bibliography. N. Y., 1985.
- Foote S.* The Making of *Anglecynn*: English Identity before the Norman Conquest // Transactions of the Royal Historical Society. 6th ser. 1996. Vol. 6. P. 25—50.
- Fry D. K.* Cædmon as a Formulaic Poet // Oral Literature: Seven Essays / Ed. J. J. Duggan. Edinburgh, 1975. P. 41—61.
- Fry D. K.* Old English Formulaic Themes and Type-Scenes // Neophilologus. 1968. Vol. 52. № 1. P. 48—54.
- Fry D. K.* Old English Formulas and Systems // English Studies. 1967. Vol. 48. № 3. P. 193—204.
- Fulk R. D., Cain Chr. M.* A History of Old English Literature. Malden, 2003.

- Gatch M. McC.* Loyalties and Traditions: Man and his World in Old English Literature. N. Y., 1971.
- Gatch M. McC.* Preaching and Theology in Anglo-Saxon England: Ælfric and Wulfstan. Toronto, 1977.
- Girvan R.* 'Beowulf' and the Seventh Century. 2nd ed. L., 1971.
- Gleason R.* The Riddle of the Runes: the Runic Passage in Cynewulf's *Fates of the Apostles* // Essays in Medieval Studies. 1992. Vol. 9. P. 19—30.
- Gneuss H., Lapidge M.* Anglo-Saxon Manuscripts: A Bibliographical Handlist of Manuscripts and Manuscript Fragments Written or Owned in England up to 1100. Toronto, 2016.
- Goffart W.* The Narrators of Barbarian History (A. D. 550—800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Notre Dame, Ind., 1988 (repr. 1999, 2005).
- Goodall J. L.* The Old English Elegies: a Study of Structure, Cultural Context and Genre. Ann Arbor, 1992.
- Greenfield S. B.* The Formulaic Expression of the Theme of 'Exile' in Anglo-Saxon Poetry // *Speculum*. 1955. Vol. 30. № 2. P. 200—206.
- Greenfield S. B.* The Interpretation of Old English Poetry. Oxford, 1972.
- Grimur Jónsson Thorkelin.* De Danorum rebus gestis secul. III et IV. Poema Danicum dialecto Anglo-Saxonica. Copenhagen, 1815.
- Gwara S.* Heroic Identity in the World of *Beowulf*. Leiden; Boston, 2008.
- Haas R.* Die mittlenglische Totenklage. Realitätsbezug, abendländische Tradition und individuelle Gestaltung. Frankfurt a. M., 1980.
- Haber G. A.* A Comparative Study of the 'Beowulf' and the 'Aeneid'. Princeton, 1931.
- Hadley D. M.* 'And They Proceeded to Plough and to Support Themselves': the Scandinavian Settlement of England // *Anglo-Norman Studies*. 1997. Vol. 19. P. 69—96.
- Hadley D. M.* The Northern Danelaw. Its social structure, c. 800—1100. L., 2000.
- Hadley D. M.* The Vikings in England: Settlement, Society and Culture. Manchester, 2006.
- Hagiography in Anglo-Saxon England: Adopting and Adapting Saints' Lives into Old English Prose (c. 950—1150) / Ed. L. Lazzari, P. Lendinara, C. Di Sciacca. Barcelona, 2014.
- Halloran K.* The Brunanburh Campaign: A Reappraisal // *Scottish Historical Review*. 2005. Vol. 84. № 2. P. 133—48.
- Halvorsen J.* The World of 'Beowulf' // *English Literary History*. 1969. Vol. 36. № 4. P. 593—608.
- Harbus A.* Cognitive Approaches to Old English Poetry. Cambridge, 2012.
- Härke H.* Anglo-Saxon Immigration and Ethnogenesis // *Medieval Archaeology*. 2011. Vol. 55. P. 1—28.
- Harris R.* The Women of *Beowulf*: Power and Duty in Anglo-Saxon Society // *The Paper Shell Review*. 2014. Spring (URL: <http://www.english.umd.edu/psr/6049/> Доступ 29.09.2016)

- Hastrup K.* Culture and History in Medieval Iceland: An Anthropological Analysis of Structure and Change. Oxford, 1985.
- Haubrichs W.* „Heroische Zeiten?“ Wanderungen von Heldennamen und Heldensagen zwischen den germanischen *gentes* des frühen Mittelalters // Namenwelten: Orts- und Personennamen in historischer Sicht / Hrsg. A. von Nahl, L. Elmevik, St. Brink. Berlin; New York, 2004. S. 513—534.
- Higham N. J.* English Conquest: Gildas and Britain in the Fifth Century. Manchester, 1994.
- Hill J. M.* The Anglo-Saxon Warrior Ethic: Reconstructing Lordship in Early English Literature. Gainesville, 2000.
- Hill J.* The Soldier of Christ in Old English Prose and Poetry // Leeds Studies in English. New ser. 1981. Vol. 12. P. 57—80.
- Himes J. B.* The Old English Epic of Waldere. Newcastle, 2009.
- Hollister C. W.* Anglo-Saxon Military Institutions on the Eve of the Norman Conquest. Oxford, 1962.
- Howlett D. R.* Form and Genre in ‘Widsith’ // English Studies. 1974. Vol. 55. № 6. P. 185—211.
- Hume K.* The ‘Ruin Motif’ in Old English Poetry // Anglia. 1976. Bd. 94. H. 3—4. P. 339—360.
- Huppé B. F.* The Concept of the Hero in the Early Middle Ages // Concepts of the Hero in the Middle Ages and the Renaissance / Ed. N. T. Burns, C. J. Reagan. Albany, 1975. P. 1—26.
- Imelmann R.* Forschungen zur altenglischen Poesie. B., 1920.
- Interpretations of *Beowulf*: a Critical Anthology / Ed. R. D. Fulk. Bloomington; Indianapolis, 1991.
- Irving E. B., Jr.* Christian and Pagan Elements // A *Beowulf* Handbook. P. 175—192.
- Irving E. B., Jr.* The Heroic Style in ‘The Battle of Maldon’ // Studies in Philology. 1961. Vol. 58. № 3. P. 457—467.
- Irving E. B.* A Reading of ‘Beowulf’. New Haven; London, 1968.
- Jill Fr.* Warring with Words: Cynewulf’s *Juliana* // Readings in Medieval Texts / Ed. D. Johnson, E. Treharne. New York; Oxford, 2005.
- Jones C. W.* Saints’ Lives and Chronicles in Early England. N. Y., 1947.
- Jones G.* Kings, Beasts, and Heroes. L., 1972.
- Judith, Juliana, and Elene: Three Fighting Saints // Ed. M. Nelson. New York, 1991.
- Karkov C. E.* The Art of Anglo-Saxon England. Woodbridge, 2011.
- Karkov C. E.* Text and Picture in Anglo-Saxon England: Narrative Strategies in the Junius 11 Manuscript. Cambridge, 2001.
- Kennedy Ch. W.* The Earliest English Poetry. A Critical Survey of the Poetry. L., 1943.
- Kennedy Ch. W.* Early English Christian Poetry. New York; Oxford, 1961.
- Kennedy Ch. W.* The Old English Elegies. Princeton, 1939.
- Ker N.* Catalogue of Manuscripts Containing Anglo-Saxon. Oxford, 1957 (repr. 1990).

- Ker W.* Epic and Romance. Essays in Medieval Literature. 2nd ed. N. Y., 1958.
- Kershaw N.* Anglo-Saxon and Norse Poems. Cambridge, 1928.
- Keynes S.* Rædwald the Bretwalda // Voyage to the Other World / Ed. C. B. Kendall, P. S. Wells. Minneapolis, 1992. Vol. 5. P. 103—124.
- Kiernan K.* Beowulf and the Beowulf Manuscript. Revised ed. Ann Arbor, 1996.
- Kiernan K. S.* A Solution to the Mæðhild-Geat Crux in 'Deor' // English Studies. 1975. Vol. 56. № 2. P. 97—99.
- Klinck A. L.* The Old English Elegies: A Critical Edition and Genre Study. L., 1992.
- Laborde E. D.* Byrhnoth and Maldon. L., 1936.
- Laing L. and J.* Anglo-Saxon England. L., 1979.
- Lapidge M.* Aldhelm's Latin Poetry and Old English Verse // Comparative Literature. 1979. Vol. 31. P. 209—231.
- Latin and the Vernacular Languages in Early Medieval Britain / Ed. N. Brooks. Leichester, 1982.
- Lawrence W. W.* The 'Wanderer' and the 'Seafarer' // The Journal of Germanic Philology. 1902. Vol. 4. P. 460—480.
- Leake J. A.* The Geats of 'Beowulf': A Study in Geographical Mythology of the Middle Ages. L., 1967.
- Lee A. A.* Heorot and the 'Guest-Hall' of Eden: Symbolic Metaphor and the Design of Beowulf // Medieval Scandinavia. 1969. Vol. 2.
- Lee A. A.* The Guest-Hall of Eden. Four Essays on the Design of Old English Poetry. New Haven, London, 1972.
- Lester G. A.* The Cædmon Story and its Analogues // Neophilologus. 1974. Vol. 58. P. 225—237.
- Leyen F. v. d.* Das Märchen. 2 Ausg. Heidelberg, 1958.
- Livingston M.* The Battle of Brunanburh: A Casebook. Exeter, 2011.
- Lockett L.* An Integrated Re-examination of the Dating of Oxford, Bodleian Library, Junius 11 // Anglo-Saxon England. 2002. Vol. 31. № 1. P. 141—173.
- Lord A.* Perspectives on Recent Work on Oral Literature // Oral Literature: Seven Essays / Ed. J. J. Duggan. Edinburgh; London, 1975. P. 1—24.
- Loyn H. R.* The Vikings in Britain. L., 1977.
- Magoun Fr. P., Jr.* Bede's Story of Cædmon: the Case History of an Anglo-Saxon Oral Singer // Speculum. 1955. Vol. 30. № 1. P. 49—65.
- Magoun Fr. P., Jr.* Beowulf and King Hygelac in the Netherlands // English Studies. 1954. Vol. 35. P. 1—12.
- Magoun Fr. P., Jr.* Oral-Formulaic Character of Anglo-Saxon Narrative Poetry // Speculum. 1953. Vol. 28. № 3. P. 446—467.
- Magoun Fr. P., Jr.* The Theme of the Beasts of Battle in Anglo-Saxon Poetry // Neuphilologische Mitteilungen. 1955. Bd. 56. P. 81—90.
- Malone K.* Cædmon and English Poetry // Modern Language Notes. 1961. Vol. 76. № 3. P. 193—195.

- Malone K.* The Identity of the 'Geatas' // *Acta Philologica Scandinavica*. 1929/1930. Vol. 4. № 1. P. 84—90.
- Malone K.* Mæðhild // *English Literary History*. 1936. Vol. 3. P. 253—256.
- Mauss M.* Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques. P., 1924.
- Mayr-Harting H.* The Coming of Christianity to Anglo-Saxon England. L., 1972.
- Metteke H.* Ältere deutsche Dichtung und Prosa. 1976.
- MGH — Monumenta Germaniae Historica. Ser. Epistolarum.
- Morrison S.* Old English *cempa* in Cynewulf's *Juliana* and the Figure of *Miles Christi* // *English Language Notes*. 1979—1980. Vol. 17. P. 81—84.
- Myers J. N. L.* The English Settlements (The Oxford History of England. Vol. 1B). Oxford, 1986.
- Needham G. I.* Caedmon // *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. 1981. Bd. 4. S. 305—308.
- Neidorf L.* The Dating of *Widsið* and the Study of Germanic Antiquity // *Neophilologus*. 2013. Vol. 97. № 1. P. 165—183.
- New Readings in the Vercelli Book / Ed. S. Zacher, A. Orchard. Toronto, 2009.
- Newton S.* The Origins of *Beowulf* and the pre-Viking Kingdom of East Anglia. Woodbridge, 1993.
- Niles J. D.* *Beowulf* and Lejre. Tempe, 2007.
- Niles J. D.* Beowulf's Great Hall // *History Today*. 2006. October. Vol. 56 (10). P. 40—44.
- Niles J. D.* The Myth of the Anglo-Saxon Poet // *Western Folklore*. 2003. Vol. 62. № 1/2. P. 7—61.
- Niles J. D.* Widsith and the Anthropology of the Past // *Philological Quarterly*. 1999. Vol. 78. Spring. P. 171—213.
- North R.* Heathen Gods in Old English Literature. 1997 (repr. 2006).
- North R.* Pagan Words and Christian Meanings. Rodopi, 1991.
- O'Donnell D. P.* Cædmon's Hymn, a Multimedia Study, Edition, and Witness Archive. Cambridge, 2005.
- O'Hare C.* The Story of Cædmon: Bede's Account of the First English Poet // *American Benedictine Review*. 1992. Vol. 43. P. 345—357.
- Orchard A.* A Critical Companion to Beowulf. Cambridge, 2003.
- Overing G. R.* The Women of Beowulf: A Context for Interpretation // *Beowulf: Basic Readings* // Ed. P. S. Baker. N. Y., 1995. P. 219—260.
- Peters L. J.* The Relationship of the Old English 'Andreas' to 'Beowulf' // *Publications of the Modern Language Association of America*. 1951. Vol. 66. № 5. P. 844—863.
- Pezzarossa L.* The Ideology of War in Early Medieval England: Three Case Studies in Anglo-Saxon Literature. York, 2013.
- Pohl W.* Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies // *Debating the Middle Ages: Issues and Readings* / Ed. L. K. Little, B. Rosenwein. Oxford, 1998.

- Pollington St.* The Mead-Hall: The Feasting Tradition in Anglo-Saxon England. Norfolk, 2003.
- Porter D. C.* The Social Centrality of Women in *Beowulf*: A New Context // The Heroic Age. 2001. Vol. 5. P. 11—20
- Renoir A.* 'Judith' and the Limits of Poetry // English Studies. 1962. Vol. 43. № 3. P. 145—155.
- Reuter T.* Plunder and Tribute in the Carolingian Empire // Transactions of the Royal Historical Society. 5th series. 1985. Vol. 35. P. 75—94.
- Richards J. D.* Viking Age England. L., 1991.
- Rowley Sh. M.* The Old English Version of Bede's *Historia Ecclesiastica*. Woodbridge, 2011.
- Russell J.* The Germanization of Early Medieval Christianity: A Sociohistorical Approach to Religious Transformation. New York, Oxford, 1994.
- Russom G. R.* Germanic Concept of Nobility in 'The Gifts of Men' and 'Beowulf' // Speculum. 1978. Vol. 53. № 1. P. 1—15.
- The Ruthwell Cross / Ed. B. Cassidy. Princeton, 1992.
- Schaar C.* Critical Studies in the Cynewulf Group. Lund; Copenhagen, 1949.
- Schools of Illumination. L., 1914. Part 1: Hiberno-Saxon and Early English Schools. 700—1000.
- Schramm G.* Namenschatz und Dichtersprache. Göttingen, 1957.
- Schücking L. L.* Das angelsächsische Totenklagelied // Englische Studien. 1908. Bd. 39. S. 1—13.
- Shippey N. A.* Old English Verse. L., 1972.
- Sieper E.* Die altenglische Elegie. Strassburg, 1915.
- Simek R.* Die Schiffe der Wikinger. Stuttgart, 2014.
- Simek R.* Lexikon der germanischen Mythologie. 3. Aufl. Stuttgart, 2006.
- Simek R.* Religion und Mythologie der Germanen. Darmstadt, 2003.
- Simrock K.* Beowulf. B., 1895.
- Sisam K.* The Structure of 'Beowulf'. Oxford, 1965.
- Sisam K.* Studies in the History of Old English Literature. Oxford, 1958.
- Skemp A. R.* The Transformation of Scriptural Story-Motive and Conception in Anglo-Saxon Poetry // Modern Philology. 1906—1907. Vol. 4. P. 423—470.
- Skulte L. M.* *Freoduwebbe* in Old English Poetry // Neuphilologische Mitteilungen. 1970. Bd. 71. № 4. P. 534—540.
- Smithers G. V.* The Meaning of the 'Seafarer' and the 'Wanderer' // Medium ævum. 1957. Vol. 26. № 2. P. 137—153; 1959. Vol. 28. № 1. P. 1—25.
- Speake G.* Anglo-Saxon Animal Art and its Germanic Background. Oxford, 1980.
- Steinen W. v. d.* Der *Waltarius* und sein Dichter // Zeitschrift für deutsches Altertum. 1952. Bd. 84. H. 1. S. 1—47.
- Stevick R. D.* The Oral-Formulaic Analysis of Old English Verse // Speculum. 1962. Vol. 37. № 3. P. 382—389.

- Stone L.* Sculpture in Britain. The Middle Ages. L., 1955.
- Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300—800 / Ed. by W. Pohl, H. Reimitz. Leiden; New York; Köln, 1998.
- Taylor H. M.* Anglo-Saxon Architecture. Cambridge, 1965. Vol. 1—2.
- Taylor P. B.* Heorot, Earth, and Asgard: Christian Poetry and Pagan Myth // Tennessee Studies in Literature. 1966. Vol. 11. № 2. P. 119—130.
- Ten Brink B.* Early English Literature. L., 1891.
- Tinker C. B.* The Translations of 'Beowulf': a Critical Bibliography. With an Updated Bibliography by M. Osborn and a New Foreword by F. C. Robinson. N. Y., 1974.
- Tolkien J. R. R.* Finn and Hengest: The Fragment and the Episode / Ed. A. J. Bliss. N. Y., 1983.
- Tolkien J. R. R.* The Homecoming of Beorhtnoth Beorhthelm's Son // Essays and Studies. 1953. New ser. Vol. 6. P. 1—18.
- Tolkien J. R. R.* Beowulf: The Monsters and the Critics // Proceedings of the British Academy. 1936. Vol. 22. P. 245—295.
- Underwood R.* Anglo-Saxon Weapons and Warfare. Stroud, 1999.
- Vries J. de.* Altgermanische Religionsgeschichte. 2 Aufl. B., 1956—1957. 2 Bde.
- Vries J. de.* Betrachtungen zum Märchen besonders in seinem Verhältnis zu Heldensage und Mythos (Folklore Fellows Communications. Vol. 63. № 150). Helsinki, 1954.
- Walsh M. St.* Andrew in Anglo-Saxon England: The Evolution of an Apocryphal Hero // Annuaire Mediaevale. 1981. Vol. 20. P. 97—122.
- Walter of Aquitaine: Materials for the Study of his Legend / Ed. Fr. P. Magoun, Jr., H. M. Smyser. New London, 1950.
- Watts A. C.* The Lyre and the Harp. A Comparative Reconsideration of Oral Tradition in Homer and Old English Epic Poetry. New Haven; London, 1969.
- Webster L.* Anglo-Saxon Art. L., 2012.
- Weibull C.* Die Geaten des Beowulfepos und die dänischen Trelleburgen. Göteborg, 1974.
- Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes. 2. Aufl. Köln u. a., 1977.
- Whitelock D.* The Audience of 'Beowulf'. Oxford, 1951.
- Whitelock D.* The Beginnings of English Society. L., 1977.
- Wilson D. M.* Anglo-Saxon England. L., 1981.
- Wilson D. M.* Anglo-Saxon Ornamental Metalwork. L., 1964.
- Wilson J. H.* Christian Theology and Old English Poetry. The Hague, 1974.
- Wilson R. M.* The Lost Literature of Medieval England. L., 1952 (repr. 1970).
- Wissemann W.* Skop. B., 1955.
- Woodruff D.* The Life and Times of Alfred the Great. L., 1993.
- Wolf R. E.* The Devil in Old English Poetry // The Review of English Studies. 1953. New ser. Vol. 4. № 13. P. 1—12.
- Wrenn C. L.* The Poetry of Cædmon // Proceedings of British Academy. 1946. Vol. 32. P. 277—295.

Wrenn C. L. A Study of Old English Literature. London, 1967.

Wright J. R. A Companion to Bede: A Reader's Commentary on The Ecclesiastical History of the English People. Grand Rapids, MI, 2008.

Wulfstan, Archbishop of York: The Proceedings of the 2nd Alcuin Conference / Ed. M. Townend. Turnhout, 2004.

Yorke B. A. E. The Conversion of Britain: Religion, Politics and Society in Britain c. 600—800. L., 2006.

Yorke B. A. E. Council, king's // The Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England / Ed. M. Lapidge et al. Oxford, 2001. P. 124—125.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Августин (Augustinus), ум. 604 г., монах-бенедиктинец, первый архиепископ Кентерберийский (с 597 г.) 57, 59, 62, 114, 117, 305
- Авель, библейский персонаж, сын Адама и Евы 192
- Аврелий Августин (Aurelius Augustinus), 354—430, епископ Иппонийский, писатель 102, 117, 305
- Адам, библейский персонаж, прародитель человечества 240, 252
- Александр Македонский, 356—323 до н. э., царь Македонии, полководец 136, 137, 302
- Алкуин Флакк Альбинус (Alcuinus, др.-англ. Ealhwine), 730-е или 740-е—804 г., церковный деятель, ученый, активный участник Каролингского возрождения 115—117, 234
- Альдхельм (Aldhelmus, др.-англ. Ealdhelm), ок. 639—709 г., брат короля Инэ, аббат Мальмсберийского монастыря, епископ Шерборнский 111, 112, 125, 311
- Альфред Великий (Ælfred), 849—899 гг., король Уэссекса (с 871 г.) 20, 35, 36, 41, 43, 49, 52, 56, 116—120, 125, 299
- Альфред (Ælfred Æbeling), ок. 1005—1036 г., сын Этельреда Нерешительного и Эммы Нормандской 255, 257
- Альхред (Alhred), король Нортумбрии (в 765—774 гг.) 39
- Ангантюр (Angantyr) 137; *см.* Онгентеов
- Андвари (Andvari), карлик в древнескандинавской мифологии 148
- Андрей, апостол 133, 238, 239, 240, 244
- Анлаф (Anlaf) 256, 257, 267; *см.* Олав Гудфридсон (Ólafr Guðrøðsson), ум. 941 г., король Дублина (с 934 г.)
- Антихрист 146
- Антоний Египетский, Великий (Antonius), ок. 251—356 г., св., отшельник, «отец монашества» 237
- Апоп, змей в древнеегипетской мифологии 145
- Артур (Arthur), 5—6 вв., полулегендарный король бриттов 18
- Атли (Atli) 140, 261; *см.* Аттила
- Аттила (Attila, др.-англ. Ætla, др.-сканд. Atli), ум. в 453 г., правитель гуннов (с 434 г.) 127, 137, 139, 140, 141, 182, 185, 302
- Ауэрбах Э. (E. Auerbach), 1892—1957 гг., филолог-компаративист 5, 296, 310, 314
- Бальдр (Baldr), сын Одина в древнескандинавской мифологии 91
- Беадохильд (Beadohilde, др.-сканд. Bøðvildr), дочь конунга Нидуда, персонаж сказания о Вёлсунгах 219, 221
- Беда Достопочтенный (Beda Venerabilis), 672/673—735 гг., английский ученый, историописатель 14, 17, 112
- Бёдвильд (Bøðvildr) 219, 221; *см.* Беадохильд

- Бекка (Весса), легендарный правитель банингов 136, 302
- Беовульф (Beowulf), герой англо-саксонской поэмы 5, 125, 128, 132, 139, 140, 144, 145, 147, 148, 159, 151, 152, 157—164, 169—171, 173—175, 177—179, 182, 183, 185, 186, 188—190, 192, 195, 196, 201, 209, 216, 220, 227, 229, 230, 231, 236, 241, 250, 251, 258, 263, 264, 274, 275, 277, 278, 285, 287—289, 293, 294, 296, 304
- Блэр П. Х. (P. H. Blair), 1912—1982 гг., английский историк 19
- Бодвар Бьярки (Boðvar Bjarki), персонаж древнескандинавской эпической традиции 186
- Бозций (Anicius Manlius Severinus Boethius), ок. 480—524 гг., римский сенатор, консул, философ 109, 117
- Брека (Brecca), из рода Брондингов, победитель юного Беовульфа в состязании по плаванию 149, 179, 185, 186, 274
- Бур Р. (R. Boer), 1863—1929 гг., голландский лингвист-германист 218, 306
- Бюрхтнот (Byrhtnōð), X в., уэссекский элдормен 256—258, 260—268, 288, 291
- Вальдере (Waldere) 127, 141, 250; *см.* Вальгер Аквитанский
- Вальтер Аквитанский (Waltarius de Aquitaine, др.-англ. Waldere), V в., полугендарный король визиготов, герой древнегерманского эпоса 140, 302
- Вальхтеов (Wealhtheow), королева данов, жена короля Хродгара 161, 273—275
- Веланд (Weland, др.-сканд. Völundr), легендарный кузнец в древнегерманском эпосе 109, 110, 152, 219, 221; *см.* также Вёлунд
- Вёлунд (Völundr) 109, 219, 221—223, 234; *см.* Веланд
- Веохстан (Weohstan), отец Виглафа, персонажа поэмы «Беовульф»
- Вергилий (Publius Vergilius Maro), 70—19 гг. до н. э., римский поэт 142
- Веселовский А. Н. (1838—1906 гг.), русский историк литературы 300, 310, 314
- Виглаф (Wiglaf), воин (и родич?) Беовульфа, 144, 159, 161, 162, 170, 174, 175, 202, 251, 259, 264, 278
- Вигхельм (Wighelm), получатель земельного пожалования в 875 г. 30
- Видья (Vidia, Widga, др.-сканд. Wíðga), сын Беадохильд и Веланда 219
- Видсид (Wíðsið «Многостранствующий»), легендарный scop 136, 137, 140, 179, 183
- Вильгельм Завоеватель (Wilhelm), ок. 1028—1087 гг., герцог Нормандии, первый нормандский король Англии 16, 63, 152, 154
- Водан (др.-герм. Wodan, др.-англ. Woden, др.-сканд. Óðinn), верховный бог древнегерманского пантеона 91, 92
- Вортигерн (Vortigern), V в., правитель бриттов 14, 17, 18
- Вульф (Wulf), герой поэмы «Вульф и Эадвакер» 120
- Вульфгар (Wulfgar), воин Хродгара 159, 182
- Вульфинги (Wulfingas, др.-сканд. Ylfingar «Волчий клан»), легендарная правящая династия в Восточном Гаутланде 137
- Вульфрик Спот (Wulfric Spott), рубеж X—XI вв., тэн 36
- Вульфстан (Wulfstan), ум. в 1023 г., епископ Лондонский, Ворчестерский, архиепископ Йоркский, церковный и политический деятель, писатель 119, 120
- Гвоздецкая Н.Ю., российский филолог-германист 5, 300, 314

- Геат (Geat), герой эпического сказания (?) 220
- Георгий св. 147
- Геракл (Heracles), герой древнегреческой мифологии 147
- Гивика (Gifika, Gebicca, лат. Gebicca, Gibicho, др.-скан. Gjúki), конец IV в., король Первого Бургундского королевства 136
- Гигбальд (Higbald, Higebald), ум. в 803 г., епископ Линдисфарнский (с 780 г.) 116, 306
- Гильда (Hilda), 614—680 гг., аббатисса монастыря в Витби (с 657 г.) 234, 307
- Гильдас (Gildas), ок. 500—570 г., монах, писатель 17, 114, 297, 312, 316
- Годвиг (Godwig), воин Бюхтнота 259
- Годрик (Godric), сын Одды, бежавший в битве при Мэлдоне 268
- Годвине (Godwine), сын Одды, бежавший в битве при Мэлдоне 259
- Годвин (Godwin), 1001—1053 гг., эрл Уэссекса 36, 255
- Грендель (Grendel), великан, персонаж поэмы «Беовульф» 128, 144, 149, 151, 156—158, 163, 164, 167, 169, 171—174, 178, 183, 184, 189, 191, 182, 195, 196, 201, 229, 241, 263, 269, 274, 275, 281, 282, 286—288, 294
- Григорий I (Gregorius), ок. 540—604 г., папа римский (с 590 г.) 57, 60, 114, 117, 299, 311
- Гримур Йонссон Торкелин (Grímur Jónsson Thorkelin, 1752—1829 гг.), датский антиквар 135
- Гринфилд С. (Greenfield S. B., 1922—1987 гг.), английский историк англосаксонской литературы 218, 305, 306
- Гудрун (Guðrún), героиня древнескандинавского сказания о Нифлунгах 140
- Гудхере (Guðhere) 138, 141; см. Гундахарий
- Гундахарий (лат. Gundaharius, Guntharius, др.-англ. Guðhere, др.-скан. Gunnar, нем. Gunter), начало V в., король Первого Бургундского королевства, герой сказания о Нифлунгах 141
- Гуннар (Gunnar) 141, 261; см. Гундахарий
- Гунтер (Gunter) 141; см. Гундахарий
- Густ (Gust), древнескандинавский мифологический персонаж 148
- Гутрум (Guðrum), IX в., предводитель войска викингов 52
- Данте (Dante degli Alighieri), ок. 1265—1321 г., итальянский поэт 115, 299, 313
- Деор (Deor), scop 134, 200, 202, 219, 220, 222
- Дионисий Малый Экзегет (Dionysius Exiguus), ок. 470—ок. 544 г., основоположник летосчисления от Рождества Христова 113
- Дитрих из Берна (Dietrich von Bern) 140; см. Теодорих Великий
- Добрыня Никитич, герой русских былин 145
- Дунстан (Dunstan), 909—988 гг., аббат монастыря в Гластонбери, епископ Лондонский, Ворчестерский, архиепископ Кентерберийский 125
- Ева, библейский персонаж, прародительница человечества 240
- Ёрмунганд (Jormungand), мировой змей в древнескандинавской мифологии 145
- Ёрмунрек (Jormunrekr) 140, 302; см. Эрманарих
- Зее К. фон (von See K.), 1927—немецкий литературовед-германист 5
- Змей Горыныч, персонаж русских былин 145

- Ивар** Бескостный (Ívarr hinn Beinlausí), IX в., сын Рагнара Кожаные Штаны, предводитель войска викингов в Англии 49
- Илья** Муромец, герой русских былин 149
- Имельман Р.** (Imelmann R. H. R.), 1879—1945 гг., немецкий филолог-германист 218
- Ингельд** (Ingeld), сын короля фризов (ютов?), герой англо-саксонской эпической традиции 132, 138, 139, 175, 189, 197, 198, 234, 250, 276, 277
- Инэ** (Ine), король Уэссекса (в 688—726 гг.) 24, 25, 26, 27, 29, 32—34, 39, 111
- Иоанн** Креститель 80
- Ирменлав** (Yrmenlaf), брат Эскхере, дружинника Хродгара 159
- Исидор** Севильский (Isidorus Hispalensis), ок. 560—636 г., архиепископ Севильский, ученый 113, 114
- Каин**, библейский персонаж, сын Адама и Евы 191, 192, 281
- Карл Великий** (Carolus Magnus, Charlemagne), 742/747/748—814 гг., франкский король (с 768 г.), император Священной Римской империи (с 800 г.) 24, 115, 117, 168
- Кедвалла** (Cædwalla), ок. 659—689 г., король Уэссекса (ок. 685—688 г.) 243
- Кеннеди Ч.** (Kennedy Ch. W.), 1882—1969 гг., английский историк древнеанглийской литературы 218, 301, 305
- Кёр В.** (Ker W. P.), 1855—1923 гг., английский историк литературы 111
- Кнут Великий** (Knútr), ум. в 1035 г., датский (с 1018 г.), английский (с 1016 г.), норвежский (с 1028 г.) король 56, 57, 120
- Колумба** (Columba), 521—597 гг., ирландский святой 57
- Константин** (Constantine), ок. 874—952 г., король Шотландии 256
- Корнелий Тацит** (Publius Cornelius Tacitus), ок. 56—120 н. э., римский сенатор, историк 91, 92, 298, 313
- Крак** (Krak), легендарный основатель Кракова и династии польских (лехитских) королей 14
- Кутберт** (Kuthbert), ок. 634—687 г., монах и отшельник, епископ, святой 62, 122
- Кэдмон** (Cædmon), VII в., легендарный англо-саксонский поэт 23, 53, 101, 106, 126, 131, 176, 234, 236, 237, 239, 247, 253, 300, 301, 307, 312
- Кюневульф** (Cynewulf), IX в., англо-саксонский поэт 237—239, 300, 301, 307
- Леофрик** (Leofric), ум. в 1057 г., эрл Мерсии 36, 300
- Леофсуну** (Leofsunu), воин Бюрхтнота 259
- Лернейская гидра**, персонаж древнегреческой мифологии 147
- Лоуренс В.** (Lawrence W. W.), 1876—1958, английский историк литературы 218, 224
- Магнхильд** (Magnhild) 220; см. Мэдхильд
- Мамберс** (Mambers), волшебник 164
- Мария**, Богоматерь 80
- Мария** Магдалина, библейский персонаж 80, 101, 237
- Матфей** (Matheus), св. апостол 133, 238, 239, 307, 314
- Михаил** (Michael), архангел 146, 147
- Моисей**, библейский персонаж 106, 124, 129, 133, 240, 244, 245, 248, 249
- Мэдхильд** (Mæðhild, норв. Магнхильд), персонаж англо-саксонской эпической традиции 220

- Мюлленхоф К. (Müllenhof K.V.), 1818—1884, немецкий филолог-германист 142
- Нидуд (Niðuðr) 219, 221; *см.* Нидхад
- Нидхад (Niðhad, др.-сканд. Niðuðr), легендарный конунг в сказании о Вёлсунгах 219, 221
- Нотхельм (Nothelm), ум. в 739 г., архиепископ Кентерберийский (с 735 г.) 114
- Один (Óðinn) 91; *см.* Водан
- Олав Гудфридссон (Óláfr Guðfríðsson, др.-англ. Anlaf), ум. 941, король Дублина (с 934 г.) 256, 261
- Олав Трюггвасон (Óláfr Tryggvason), ум. в 1000 г., норвежский конунг (с 995 г.) 256
- Олав Белый (?) (Óláfr hinn Hvíti), вторая половина IX в., король Дублина (ок. 853—871/2 ?) 48, 49
- Олоферн, библейский персонаж, полководец 133, 240, 244, 247, 282, 283—285, 287
- Онгентеов (Ongenþeow, др.-сканд. Angantug), полупоэтический король свеев 137, 231
- Орозий Павел (Paulus Orosius), ок. 375—после 418 г., теолог и историк 114, 117, 118
- Освальд (Oswald), ок. 604—642 г., король Нортумбрии 114, 243
- Оуэн (Dyfnwal ab Owain), ум. в 975 г., король Стратклайда (в 937—971 гг.) 256
- Оффа (Offa), ум. в 796 г., король Мерсии (с 757 г.) 41, 45, 138, 139, 161, 162, 197, 286, 305
- Оффа (Offa), воин Бюрхтнота 234, 259
- Оффа (Offa), «родич Хеммингов», персонаж поэмы «Беовульф» 159
- Охтхере (Ohthere), предок Виглафа, персонажа поэмы «Беовульф» 174
- Павел Фиванский (Paulus), ум. ок. 341 г., святой, отшельник 237
- Петр (Petrus), апостол 45, 62, 64, 89, 101
- Плиний Старший (Gaius Plinius Secundus), 23—79 гг. н. э., римский ученый и писатель 113
- Ра, древнеегипетское божество 145
- Рагнар Кожаные Штаны (Ragnar Loðbrók), IX в., предводитель викингов 49, 308
- Регин (Reginn), персонаж древнескандинавского сказания о Нифлунгах, воспитатель Сигурда Убийцы Фафнира 147
- Рем (Remus), брат Ромула, легендарный основатель Рима 109
- Ромул (Romulus), брат Рема, легендарный основатель Рима 109
- Рэдвальд (Rædwald), ум. ок. 624 г., король Восточной Англии 13, 59, 288
- Рюрик (Hrǫgíkr), основатель династии древнерусских князей 14
- Саксон Грамматик (Saxo Grammaticus), ок. 1150—ок. 1220 г., датский историкограф 147, 168, 303
- Самсон, библейский персонаж 119
- Сатана 121, 196, 238, 240, 245, 246, 250, 252, 253, 254, 310
- Сванхильд (Svanhildr), героиня германского эпоса, дочь Сигурда и Гудрун, жена Ёрмунрека 140, 302
- Свейн Вилобородый (Svein Tjúguskegg), 960—1014 гг., датский (с 986 или 987 г.), норвежский (с 1000 г.), английский (с 1013 г.) король 56, 57
- Сигеберхт (Sigeberht), ум. ок. 757 г., король Уэссекса (с 756 г.) 285
- Сигмунд Вэльсинг (Sigemund Wælsing), герой германского эпоса 125, 127
- Сигурд Убийца Фафнира (Sigurðr), герой германского сказания о Нифлун-

- гах 139, 140, 145, 146—148, 185, 219, 226
- Симфозий (Symphosius) (конец IV—начало V в.), автор сборника загадок 112
- Синеус (Signjotr), легендарный брат Рюрика 14
- Синтгунт (Sinthgunt), неизвестный персонаж древнегерманского пантеона 91
- Скильд Скевинг (Skild Skeving, др.-сканд. Skjöldr), легендарный основатель датской династии Скьельдунгов 14, 151
- Скильдинги (Skildingas, др.-сканд. Skjoldungar), датская (о. Зеландия с центром в Лайре) королевская династия 157, 222, 275, 276
- Скит В.В. (Skeat W. W.), 1835—1912, английский историк литературы 119
- Скьёльд (Skjöldr) 14; *см.* Скильд Скевинг
- Смирницкая О.А., российский филолог-германист 5, 299, 301, 302, 304—309, 313, 316
- Снорри Стурлусон (Snorri Sturluson), 1179—1241 гг., исландский политический деятель, писатель 137
- Соломон, 970—931 гг. до н. э., библейский персонаж, царь Израиля 125
- Сунна (Sunna), персонаж древнегерманского пантеона, сестра Фрейи, предположительно женское солярное божество 91
- Тен Бринк Б. (Ten Brink B.), 1841—1892 гг., немецкий филолог 224
- Теодор из Тарса (Theodorus), ум. в 690 г., архиепископ Кентерберийский 93
- Теодорих Великий (Theoderik, др.-исл. Þiðrikr), ум. в 526 г., король остготов (с 475 г.), правитель Италии (с 493 г.) 91, 139—141, 182, 219, 222, 223
- Теудерих (Theuderic), 587—613 гг., король Бургундии (с 595 г.) и Австразии (с 612 г.) 137, 304
- Трувор (Þórgarðr), легендарный брат Рюрика 14
- Трюд (Труд), персонаж англо-саксонской эпической традиции 286, 305
- Тургейс (Turgeis), ум. в 845 г., норвежский король в Ирландии (с 832 г.) 48, 49
- Уильям Мальмсберийский (William of Malmsbury), ок. 1095—ок. 1143 г., английский историописатель 111
- Уитред (Withred), ок. 670—725 г., король Кента (с 690 или 691 г.) 24, 26, 32, 34, 41, 59
- Унлаф (Unlaf), предводитель войска викингов в битве при Мэлдоне, вероятно, Олав Трюггвасон, впоследствии норвежский конунг (995—1000 гг.) 256
- Унферт (Unferð), воин Хродгара, сын Эгглава 159, 202
- Фафнир (Fafnir), дракон в древнескандинавском эпосе 145—147, 185, 219
- Финн (Finn), король фризов (или ютов, или части данов, переселившихся к фризам) 137, 139, 166, 198, 271, 276, 294
- Фолла (Folla), неизвестный персонаж древнегерманского пантеона 91
- Фоль (Phol), божество (?) древнегерманского пантеона, возможно, иное имя Бальдра 91
- Фреавару (Freawaru), героиня англо-саксонского эпоса, дочь Хродгара 156, 175, 274, 276
- Фрейя, Фрийя (др.-герм. Frīia, др.-сканд. Freja), богиня древнегерманского пантеона 91
- Фрийя 91; *см.* Фрейя

- Фродо (Frodo), герой-драконоборец в германской эпической традиции 147
- Хагена (Hagena, др.-скан. Hogni, нем. Hagen, лат. Hagano), бургундский воин, иногда брат или сводный брат Гуннара (см. Гундахарий), персонаж сказания о Нифлунгах 141
- Хадкюн (Hædkyn), сын Хигелака 231
- Хальвдан (Halfdanr) 49; см. Хеалвдене
- Хама (Hama, др.-сканд. Heimir), легендарный персонаж германского эпоса 176
- Хардакнут (Harðaknútr), ок. 1018—1042 г., датский король (с 1035 г.), английский король (1040—1042 гг.) 57
- Хвала (Hwala), легендарный правитель лангобардов 136, 302
- Хёгни (Hogni) 141; см. Хагена
- Хеальвдене (Healfdene, др.-сканд. Halfdanr), IX в., сын Рагнара Кожаные Штаны, предводитель войска викингов в Англии 49
- Хелисий (Helisius), легендарный правитель Никомедии 238, 240, 287
- Хельги, убийца Хундинга (Helgi Hundingbana), герой древнескандинавского эпоса 139
- Хенгист (Hengist), V в., легендарный германский вождь, возглавивший переселение в Британию, брат Хорсы 14, 18, 114
- Херемод (Heremod), легендарный правитель данов 160, 161, 285, 309
- Хигелак (Hugelac, Higelac), легендарный король геатов, дядя Беовульфа 144, 149, 152, 159, 170, 175, 182, 183, 185, 188, 190, 230, 250, 274, 277, 284, 288, 293, 294, 304
- Хильдебург (Hildegurh), героиня англосаксонского эпоса, датская принцесса, выданная замуж за Финна 276, 277
- Хильдегид, Хильдегунда (Hildegud, Hildegunda), легендарная бургундская принцесса, дочь Гудхере, героиня сказания о Вальтере Аквитанском 141
- Хнэф (Hnæf), член датской династии Скильдингов 198
- Холен (Holen), легендарный правитель вроснов 137
- Хорса (Horsa), V в., легендарный германский вождь, возглавивший переселение в Британию, брат Хенгиста 14, 18, 114
- Христос 71, 80, 101, 104, 107, 113, 121, 122, 192, 234, 237, 239, 242, 249, 250, 310
- Хродгар (Hroðgar), легендарный король данов 5, 124, 132, 137, 138, 144, 151, 152, 159, 161, 162, 166—168, 170, 171, 172, 175, 179, 182, 183, 188, 189, 191—193, 195, 197, 229, 250, 270, 274—277, 284, 285, 289, 293, 294
- Хродульф (Hroðulf, др.-сканд. Hrólfr Kraka), герой англо-саксонской и древнескандинавской эпической традиции 137, 152, 170, 171, 275
- Хрольв Жердинка (Hrólfr Kraka) 137; см. Хродульв
- Хьёрвард (Hjörvarðr), шурин Хродульва в древнескандинавской традиции 168
- Хюгд (Hugd), королева геатов, жена Хигелака 162, 274, 286
- Цезарь (Gaius Julius Caesar), 100—44 гг. до н. э., римский политический деятель, полководец, писатель
- Чад (Ceadda), ум. в 672 г., церковный деятель, епископ Нортумбрийский, Мерсийский 114

- Эадмунд (Eadmund), 921—946 гг., английский король (с 939 г.) 258
- Эанмунд (Eanmund), сын Веохстана, персонаж поэмы «Беовульф» 174
- Эардульф (Eardulf), вторая половина IX в., землевладелец 30
- Эгберт (Ecgbert, Ecgberht), ум. в 766 г., архиепископ созданного им диоцеза в Йорке, ученик Беды и учитель Алкуина 115
- Эггтеов (Ecgðeow), король геатов, отец Беовульфа 188, 294
- Эгиль (Egill), персонаж древнескандинавской эпической традиции 109
- Эдгар (Eadgar), ок. 943—975 гг., английский король (с 959 г.) 43, 101, 103, 119, 257
- Эдуард Исповедник (Eadweard, Edward the Confessor), 1003—1066 гг., английский король (с 1042 г.) 36, 57, 255
- Эйрик Кровавая Секира (Eiríkr Blóðøx), ум. ок. 954 г., норвежский конунг, король Нортумбрии (ок. 947—948, 952—954 гг.) 56
- Эккехард (Ekkehard), ум. в 973 г., монах монастыря в Санкт-Галлене, поэт 140, 141
- Элла (Ælla), ум. в 867 г., король Нортумбрии 49
- Эльвхер (Ælfhere), сын Веохстана, персонаж поэмы «Беовульф» 159
- Эльфвине (Ælfwine), воин Бюрхтнота 259, 263
- Эльфрик (Ælfric), 955—1010 гг., церковный деятель, писатель 32, 39, 119, 120, 299, 308
- Эмма (Emma), ок. 985—1052 г., жена Этельреда Нерешительного (1002—1016 гг.), затем Кнута Великого (1017—1035 гг.) 57
- Эорменрик (Eormanic) 176, 302; см. Эрманарих
- Эрманарих (Ermanaricus, др.-англ. Eormanric, др.-сканд. Jǫrmunrekr), ум. в 376 г., король готов 302. 127, 137, 139, 140, 188, 219, 222, 223
- Эска (Æska), легендарный сын Хенгиста 18
- Эскхере (Æskhere), дружинник Хродгара 159, 202, 229
- Эсфирь, библейский персонаж 119
- Этельбалд (Æþelbald), ум. 757 г., король Мерсии (с 716 г.) 45
- Этельберт (Æþelberht), ок. 560—616 г., король Кента (с ок. 589 г.) 24, 25, 33, 59, 123
- Этельвеард (Æþelweard), ум. ок. 998 г., член уэссекской королевской династии, элдормен, историописатель 257
- Этельнот (Æþelnot), вторая половина IX в., элдормен 36
- Этельред (Æþelræð), ок. 847—871 гг., король Уэссекса (с 865 г.) 49
- Этельред Нерешительный (Æþelræð), ок. 968—1016 г., английский король (978—1013, 1014—1016 гг.) 34, 56, 57, 120, 255, 260, 261, 266
- Этельстан (Æþelstan), ок. 894—939 гг., английский король (с 924 г.) 32, 35, 41, 42, 43, 119, 255—257, 258
- Этла (Ætla) 136, 137, 141, 302; см. Аттила
- Ю**дифь, библейский персонаж 119, 133, 240, 244, 283, 288
- Юлиана Никомедийская (Juliana), ум. в 304 г., святая мученица 238, 241, 244, 255, 287, 288

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму изданию	5
Предисловие	7
Глава 1. Англо-саксонское общество глазами историка	14
Глава 2. Искусные в книгах	91
Глава 3. В сиянии славы: традиционный героический эпос	135
Глава 4. Во мраке одиночества: героические элегии	200
Глава 5. Дружина Господня: религиозный эпос	234
Глава 6. Закат героев: исторические песни	255
Глава 7. Героический мир англо-саксонского эпоса	269
Заключение	292
Примечания	296
Список литературы	311
Цитируемые древнеанглийские произведения	311
Сборники текстов и другие источники	313
Цитированная литература	314
Указатель имен	327

Научное издание

Елена Александровна Мельникова

МЕЧ И ЛИРА

ГЕРОИЧЕСКИЙ МИР АНГЛО-САКСОНСКОГО ЭПОСА

Редактор издательства *Л. А. Галаганова*

Художник *П. Палей*

Технический редактор *И. М. Кашеварова*

Компьютерная верстка *О. В. Новиковой*

Подписано к печати 10.05.2017. Формат 70 × 90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20.6. Уч.-изд. л. 17.1.

Тираж 3000 экз. (1-й завод 1—1000 экз.). Тип. зак. № 3090

Издатель: Санкт-Петербургский филиал

ФГУП «Издательство «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

main@nauka.nw.ru

www.naukaspb.com

ISBN 978-5-02-039670-8

9 785020 396708